

БАШНЯ КОНТИНУУМА

Александра Седых

Александра Седых
Башня континуума

«Э.РА»

2013

Седых А.

Башня континуума / А. Седых — «Э.РА», 2013

Основанная на руинах технократического государства Великой Сопричастующей Машины и просуществовавшая пять столетий, несокрушимая Империя оказалась на грани гибели. Государство умирает, раздираемое давними междоусобицами и ослабленное яростной борьбой за власть высших чиновников и аристократических кланов. Тем временем в огнедышащих недрах Промышленной Зоны Южная Венеция пробуждаются от долгой летаргии таинственные и мстительные враги людской расы – Инженеры, о которых ходят слухи, будто они – демоны в человеческом обличье. На этом фоне разворачивается история Любви, история Мести, История Восхождения к Власти; и, наконец, самая странная и страшная история Безумия, способного уничтожить саму вселенную и обратить время вспять.

© Седых А., 2013

© Э.РА, 2013

Содержание

Пролог	5
Книга первая	7
Глава первая	9
1	9
2	24
3	29
4	34
5	35
Глава без номера	42
Глава вторая	59
1	59
2	78
3	86
4	97
Конец ознакомительного фрагмента.	99

А. Седых

Башня континуума

*Родителям
Карлу*

Пролог

Тринадцатого января 506 года Освобождения девятнадцатый потомок лорда Джека Ланкастера по прямой линии, их сиятельная милость лорд Кеннет Ланкастер готовился сыграть в старинную увлекательную игру под названием «спринт с фальстартом». Чувствовал он себя спокойно и уверенно, поскольку знал, что на сей раз обставит их, – обставит, это точно. Он бы улыбнулся, широко и радостно, но улыбаться широко и радостно мешало дуло лучевика во рту.

Ультра-сталь холодила нёбо и зубы, и этот мятный, пряный холод отзывался эхом глубоко в мозжечке. Его пальцы непроизвольно скользили по гладкому литому стволу, поглаживая и лаская. Превосходное оружие невероятной мощности, одна из тех бронебойных штуквин, что заставляют владельца чувствовать себя настоящим мужчиной. Давний и дорогой подарок главы Синдиката Крайм-О, наследного принца Садахару Моримото.

В свое время, лет десять или пятнадцать тому назад, когда дети еще были совсем маленькими, Кеннету частенько доводилось бывать на Луизитании, проводить время, общаясь с криминальными воротилами Синдиката. Переговоры их касались покупки двадцати процентов копей услада-плюс – поистине бесценного для Корпорации приобретения. Кеннету удалось заломить дельцам Синдиката руки за спину и правдами и неправдами вынудить сойтись на приемлемой цене, но на финальном этапе сделки вмешался Отдел Благонадежности. Директор Холлис не мог не понимать, что подобная сделка катастрофически подорвет позиции Отдела в Гетто и, быть может, вовсе выведет бесценные копии услада-плюс из сферы государственных интересов.

Последовавшая за деловыми переговорами необъявленная война унесла жизни многих сотен сотрудников службы безопасности «Ланкастер Индастриз», элитных солдат и рядовых гвардейцев Синдиката, безымянных сотрудников Отдела Благонадежности... а также некоторых влиятельных чиновников, застреленных в лоб из снайперских винтовок или угостившихся за завтраком отравленным кофе, поданным им нежной женой или дочерью. Но, в действительности, дело закончилось пшиком. Кеннет отступил, а Холлис и Моримото улыбались друг другу при своих частых встречах, как ни в чем не бывало.

Воспоминание о той давнишней неудаче терзало Кеннета Ланкастера до сих пор, но, в целом, он мог сказать, что в его деятельной и насыщенной жизни блистательных побед насчитывалось куда больше, чем горьких поражений. Ему едва исполнилось семьдесят девять, он сильно пил, но все же находился не в самой плохой физической форме... и уж точно в куда более здравом и ясном рассудке, чем полагали многие. Да. Лет пять-десять он бы еще, пожалуй, протянул, радостно и широко улыбаясь.

А широко и радостно улыбаться было отчего. Личное состояние лорда Ланкастера оценивалось в шестьдесят миллиардов империалов – по облагаемым налогам официальным данным. Что уж говорить о данных неофициальных! Предыдущие сорок два года он возглавлял одну из крупнейших промышленных корпораций Империи, разделял и правил железной рукой, и забудьте о бархатной перчатке – потомственный аристократ, он не выносил этих сентиментальных глупостей. Перед ним заискивали официанты и раболепствовали министры. Он единственный на белом свете мог позволить себе фамильярно похлопать Императора Констан-

тина Шестнадцатого по плечу и назвать всемогущего благого Василевса «приятелем». А, когда ему становилось скучно, Кеннет отправлялся в картинную галерею, расположенную в левом крыле огромного фамильного особняка, и любовался длинной чередой парадных портретов своих именитых предков, включая самого именитого из них – лорда Джека Ланкастера, героя Освобождения, прославленного победителя Черного Триумвирата.

Но это было далеко не все.

Его преследовали призраки. Его любимая жена, его дорогая Елена, умерла. Его старший сын ненавидел его. Его дочь ненавидела его. Младшего сына он не видел пять лет и не знал, жив ли еще его ребенок, но знал наверняка, что сын ненавидит его. У него не было друзей, лишь соучастники в его преступлениях, а его преступления вызвали к нему во тьме долгих, одиноких ночей, требуя возмездия.

Он слышал пение мертвецов. Он видел грядущий Армагедон... Мрак, Гибель, Красную Смерть.

Он видел, как они идут за ним.

Что ж.

Настало время платить по счетам.

В самый последний миг перед тем, как его голова разлетелась в клочья, он успел улыбнуться.

Он их обставил, обставил.

Когда они пришли за ним в своих фетровых шляпах, плащах и серых костюмах, он был уже мертв.

Книга первая

Ассоциация Абсолютной Абстиненции

Год первый: Относительной Стабильности

Мартовские Иды-I

Монтеррей Милбэнк, Тридцать Седьмой Верховный Канцлер Империи всем сердцем ненавидел месяц март. Котам и дрянным поэтам этот сырой, промозглый, ветреный и слякотный месяц, быть может, и навевал мысли о любовном томлении, но Верховному Канцлеру напоминал исключительно о мартовских идах. В месяц март Милбэнк, как никогда, понимал, что находится в плотном окружении брутов и кассиев, мечтающих об одном – вонзить кинжал ему в сердце. Или в спину. Неважно. Главное, чтобы наверняка.

К сожалению, сходные чувства одиночества и паранойи обуревали Милбэнка и все прочие месяцы в году. Вот и сейчас, хоть был отнюдь не март, а самое начало января, Милбэнк, стоя перед картой Империи, распростертой на стене его кабинета, поеживался от пронизывающего насквозь знобкого, липкого, тошнотворного мартовского холода.

Вздрагивая, он смотрел на карту.

Империя была огромна. Восемьсот двадцать населенных миров, связанные высокоскоростными Би-магистралями и плотно охваченные сетью сверхдальней спин-связи. Численность населения – четыреста миллиардов человек, с учетом Особых Территорий, плюс четыре миллиона не-существ в Гетто на Эплтоне. Административное деление: Первое и Второе Кольцо, а также Особые Территории, имевшие специальный административный статус автономии. Кольца, в свою очередь, подразделялись на Квадранты, администраторы которых назначались Верховным Канцлером и непосредственно подчинялись ему же. Дальше в табели о рангах самыми важными персонами становились губернаторы планет, наделенные на местах огромными полномочиями, избравшиеся свободным тайным голосованием.

Последнее в исторической перспективе являлось весьма недавним достижением. После Освобождения и подписания Пакта о Прогрессе, заключенном победителями Черного Триумвирата – лордом Джеком Ланкастером, правителем Свободной Торговой Колонии Францем Максимилианом и Императором Константином Первым – минуло пять столетий, из которых четыре Империя просуществовала в форме жесткой, централизованной, абсолютистской монархии. Но времена менялись. Первыми ласточками стал целый ряд неприятных инцидентов, связанных с большим количеством человеческих жертв, бунтами, повешением, колесованием и четвертованием императорских наместников. Особенных успехов на этом кровавом поприще в свое время достигли свободолюбивые салемские лендлорды. Размах мятежей на Салеме, Второе Кольцо, в свое время достиг столь неслыханных масштабов, что именно после тех событий Дворец счел благоразумным чуть ослабить поводья, и абсолютная монархия превратилась в монархию конституционную.

С высоты своего положения Верховный Канцлер Милбэнк, как никто иной, понимал, до чего формальным, на бумаге, оказалось это превращение. Даже по этой самой бумаге, что носила гордое название Конституция, Император сохранил большую часть своих абсолютных полномочий. Свободные выборы гарантировали зрелища, но хлеб – едва ли. Что касалось Имперского Парламента, то он существовал в качестве номинального института, смертельно напуганного и сытно прикормленного одновременно. Подобное положение вещей мало изменилось после последних выборов, на которых неожиданно и с довольно существенным перевесом победила Партия Новых Демократических Преобразований во главе с Милбэнком, вытес-

нив с лидирующих позиций, казалось бы, бессменную Консервативную Партию. Именно в качестве кандидата от ПНДП Милбэнк и занял свой теперешний высочайший пост.

Депутаты от ПНДП старались быть лояльными к Милбэнку, но в равной степени они старались быть лояльными к Императору, его богатым и знатным монархическим прихвостням из высшей аристократии, главе Священного Трибунала при Святой Единой Церкви архиепископу Райту, и особенно – к директору Отдела Благонадежности Блэку Холлису. Равно как и к любому, у кого хватало полномочий их запугать или денег, чтобы их подкупить. В свободное время демократические депутаты грызлись за кусочек сытного пирога с консерваторами, чьи позиции, между тем, все еще оставались весьма сильными как в самых высших эшелонах власти, так и на местах, особенно – в провинциях.

Консерваторам и вовсе было незачем миндальничать с Милбэнком, и они постоянно строили Верховному Канцлеру хитрые козни, громогласно распевая с высоких трибун любимую песенку консерваторов всех времен – песенку о старых, добрых временах, когда все было стократ лучше, чем сегодня и сейчас.

Будучи неглупым, Милбэнк ничуть не сомневался, что в старые, добрые времена все и впрямь было гораздо лучше... да вот жили-то они не в старые, добрые времена, а именно сегодня и сейчас. А дела сегодня и сейчас шли кое-как. Проблем у Милбэнка хватало по горло.

Например, свободолюбивые Особые Территории, которые никак не желали становиться Третьим Имперским Кольцом, включая главный рассадник сепаратизма и ереси – мятежную Дезерет.

Или Эпллтон с проклятым Гетто и проклятыми рудниками услада-плюс.

Или Лудд, где находилась Коммуна истинных луддитов.

Или Промышленная Зона Южная Венеция, где последние семь лет заправлял одиозный губернатор Винсент Вольф, по совместительству председатель Народного Трудового Альянса.

Или Луизитания – сточная канава Империи, обитель криминального спрута Крайм-О.

Дни Верховного Канцлера Монтеррея Милбэнка проходили в постоянной борьбе, в тревогах и искусных интригах, а ночи – в постоянном страхе, что они вот-вот придут за ним. Милбэнк не знал, кем именно были эти «они», но ему казалось, что однажды он узнает.

И ему определенно хотелось как можно дальше оттянуть момент своего прозрения.

Взгляд Милбэнка, поблуждав по карте, остановился на точке, отмеченной на карте алым флажком. ДЕЗЕРЕТ. Эпицентр не утихающего последние тридцать лет военного конфликта, зловещая купель яростного противостояния между имперскими властями и последователями отставного губернатора Джона Сэйнта, так называемыми сэйнтистами. Кровавая мясорубка, приведенная много лет тому назад в действие непомерными амбициями бывшего губернатора Дезерет, и так и не остановившаяся и по сию пору.

Вот его проклятье на день, его сегодняшняя головная боль, заноза в мякоти ладони. Милбэнк раздраженно раздавил в хрустальной пепельнице дорогую сигару с золотым ободком и проронил в переговорное устройство:

– Пригласите ко мне господина Холлиса.

Глава первая Январские Календы

1

Смерть отца застала Кита врасплох.

Целый день он был занят как обычно – до полнейшего умопомрачения, а вечером они с Гордоном договорились встретиться и посидеть в тихой, уютной пивной. Но, едва они с комфортом устроились, едва смазливая официанточка подала им салат, фирменную тушеную ягнятину и выпивку, едва рука Кита потянулась к вожаденному после долгого рабочего дня стаканчику, надрывно заверещала спин-трубка.

Кит выудил из нагрудного кармана пиджака голосащий портативный спин-передатчик и невольно залюбовался компактным серебристым корпусом. Девятьсот Восемнадцатый, одна из лучших моделей в истории индустрии сверхдальней связи, великолепный дизайн, простота и функциональность, голосовое управление, высочайшее качество связи как на близкие, так и на сверхдальние расстояния. Спустя три стандартных года после выпуска, несмотря на минимальные затраты на рекламную кампанию, Девятьсот Восемнадцатые раскупались, как горячие пирожки. «Денежки, – ласково подумал, Кит, – да, денежки, денежки...»

– Кто там еще? – нетерпеливо поинтересовался Гордон, оторвав шурина от сладких мыслей о наживе и прибыли.

– Тереза, – ответил Кит, глянув на дисплей спин-трубки.

– Вот те раз. Я думал, Тереза...

– А она всегда так делает, как будто сам не знаешь. Всякий раз, когда я собираюсь выпить, даже когда я только подумываю об этом... а еще мясо. Спиртное. Соль, сахар, никотин, кофеин, холестерин. И зубная паста.

– Зубная что? Паста?

– Вот послушай. Уже десять лет я прошу Терезу не выдавливать пасту с середины тюбика. Прошу, умоляю, уговариваю ее, пытаюсь ей растолковать, что это некрасиво, выглядит отвратительно, раздражает меня до невозможности, прямо до белого каления доводит. Она всякий раз извиняется, обещает, что больше не будет, говорит «Ой, прости, я забыла, Кит» или «Ой, извини, дорогой», а иногда просто «Ой-ой». Хорошо, подумал я, в браке нельзя быть максималистом. Я решил пойти на компромисс. Я купил свой тюбик с пастой и поставил в отдельный стакан. Что, по-твоему, она стала делать?... Брать мой тюбик с пастой из моего стакана и выдавливать его с середины. Что ты гогочешь, деревенский ты олух!

– Лучше поговори с женой все-таки, а то она затаит зло, дождется своих женских недомоганий и прикончит тебя. А, если дамочка тебя прикончит в свой лунный период, это может послужить для нее смягчающим обстоятельством в суде.

Кит хмыкнул.

– Насколько смягчающим?

– Дамочку могут и оправдать. Удивительно сентиментальные нынче пошли присяжные.

Кит расхохотался, но все же решил ответить. Гордон работал адвокатом и знал, о чем толкует.

– Да?

– Почему ты сразу не отвечаешь? – прорыдала Терри в трубку.

Рыдания ее в первый момент не насторожили Кита. У жены частенько глаза бывали на мокром месте.

– Видишь ли, маленькая...

– Где ты?

– В пивной, – брякнул Кит.

– Сопляк, – весело сказал Гордон, со сладострастным причмокиванием присасываясь к пенной кружке бархатистого портера.

– С кем ты?

– С зятем.

– Что вы там делаете?

Что можно делать в пивной. Как думаете. Только честно и правдиво, без утайки.

– Дорогая, я утром говорил тебе...

– Твой отец.

Кит тоскливо поглядел на стаканчик целебного и горячительного, который в течение предыдущих двух минут безуспешно пытался донести до пересохшего рта, и поставил его обратно.

– Что случилось, Терри.

– Твой отец. Он... умер.

– Как?

– С ним произошел несчастный случай... а больше мне ничего не сказали... они хотят поговорить с тобой. Все они сюда приехали пятнадцать минут тому назад... они все здесь, и Мерфи – тоже. Ты должен поехать домой, немедленно, Господи Иисусе...

– Успокойся, дорогая, я скоро буду.

Рюмочку он все же донес до рта и выпил. Не пропадать же добру.

Когда они с зятем приехали в особняк, Терри встретила их в холле, бледная и перепуганная. В ее больших карих глазах стыли маленькие слезинки, и она больше обычного походила на олененка, за которым гонятся охотники... или голодные волки. Кит обнял жену и почувствовал, как быстро-быстро трепыхается ее сердечко.

– Извини, Кит, но они... все приехали... на своих черных механо...

– Шшш. Тише, маленькая. Не надо плакать. Иди, приляг. Гордон?

– Да. Пойдем, Тереза.

Он увел ее, Кит стянул пальто и перчатки, пригладил волосы, затолкал в рот мятную пастилку, смахнул с рукава пиджака невидимую соринку и вошел в гостиную.

Там творилось настоящее светопреставление. Совет директоров корпорации «Ланкастер Индастриз» в полном составе, включая председателя Виктора Мерфи. Правление Ланкастеровского Делового Центра – тоже в полном составе, включая главу правления Гофмана. И еще целая толпа Очень Важных Персон, как знакомых Киту, так и незнакомых. Сразу становилось понятно, что стряслось нечто чрезвычайное. Впрочем, к чрезвычайным событиям этим людям было не привыкать. Пока они дожидались Кита, у них стихийно организовалась небольшая вечеринка. Ливрейные лакеи сновали с серебряными подносами, обнося неожиданных гостей закусками и напитками. Гости ели и пили, негромко, но оживленно, переговаривались. Но, едва вошел Кит, все разговоры мигом стихли, всякое движение прекратилось, и ему на мгновение показалось, будто он очутился в музее восковых фигур.

– Здравствуйте, – сказал он сухо.

– Здравствуйте, – отозвался Мерфи из глубин инвалидной коляски. – Как поживаете?

Кит поглядел на старика. Он тут был самым главным. Остальные – так, декорации, что-то вроде хора в древнегреческих трагедиях.

– Спасибо, не жалуюсь.

– Вы лучше-ка присядьте, молодой человек. Не ровен час, лишитесь чувств и грохнетесь в обморок. Нам всем будет неудобно.

Кит справедливо полагал, что, если вдруг грохнется в обморок, неудобно будет ему одному, и покачал головой.

– Выпьете что-нибудь? – не унимался Мерфи.

Кит опять покачал головой, силясь не скрежетать зубами. Он ничуть не сомневался, что старый хрыч проделывает это нарочно. А Мерфи, действительно, был очень старый хрыч. Ему стукнул сто один год, из коих последние шестьдесят семь он являлся бессменным председателем совета директоров Корпорации «Ланкастер Индастриз». Старик заслуженно носил прозвище Брадобрей – за вкрадчивую повадку доводить злополучные жертвы своих интриг и махинаций до помешательств, самоубийств, запоев, длительных тюремных заключений, апоплексических ударов и сердечных приступов.

В хорошем настроении Мерфи напоминал сытого вампира. В плохом – голодного. В обоих настроениях он вызывал отвращение. Самым отвратительным было то, что, несмотря на преклонный возраст, мозги у Мерфи работали, как метроном, и на покой он явно не собирался. «Он изводил еще сиятельного прадеда Кита, и сиятельного деда, и отца... а теперь появился по мою душу», – подумал Кит, и не ошибся.

– Что ж, как угодно. Вы, наверное, понимаете, что мы здесь не просто так собрались... у нас плохие новости. Ваш отец. Кеннет, бедный мальчик, мы все так любили его. Так вот, сегодня вечером, ваш отец скончался и, по видимости, находится сейчас уже в ином, лучшем мире, – объяснил Мерфи и поглядел почему-то вниз.

Кит проследил за взглядом председателя совета директоров Корпорации и увидел малиново-красный великолепный ковер. Ниже был паркетный пол, еще ниже – подвал, еще ниже... пожалуйста, давайте обойдемся без сомнительных аллегорий.

– Как это произошло?

– Ваш отец находился у себя в кабинете, один. Вы сами знаете, у вашего папеньки в его рабочих апартаментах располагался целый оружейный склад... и его винный погреб располагался там же. Винный погреб и военный арсенал – скверное сочетание, смею заметить. Так вот, будучи не совсем трезвым, ваш несчастный отец взялся чистить лучевик. И...

– И?

– Вы меня понимаете.

– Нет, не понимаю, – безукоризненно вежливо промолвил Кит.

– И... бац!

Кит обернулся и увидел зятя, который вошел почти беззвучно и остановился на пороге необъятной раззолоченной гостиной. Мерфи тоже углядел Гордона и приветственно заулыбался.

– Герр Джерсей, и вы здесь, какая приятная неожиданность.

Гордон улыбнулся так кисло, что эту улыбку можно было класть в чай – вместо ломтика лимона.

– Здравствуйте.

– Полюбуйтесь, господа, – сказал Мерфи, ткнув в Гордона желтым, крючковатым указательным пальцем, – вот на диво многообещающий молодой человек, хоть и самых простых кровей. Настоящий, я бы выразился, провинциальный самородок. Ничуть не сомневаюсь, этот одаренный юноша далеко пойдет, и мы с вами еще много о нем услышим. Но пока со всем возможным почтением рекомендую вам герра Джерсея как одного из лучших адвокатов по уголовным делам нашей благословенной столицы, Форта Сибирь. На тот случай, если мы с вами, господа, кого-нибудь нечаянно ограбим или убьем.

Осталось лишь поразиться, сколько людей незамедлительно захотели воспользоваться услугами герра Джерсея и полезли в карманы за визитными карточками и бумажниками. Гордон замахал руками.

– Ох, ну не прямо же сейчас! Давайте проявим какое-никакое уважение к усопшему! Прошу прощения. Так что именно произошло, мистер Мерфи?

– Точно мы пока сказать ничего не можем, но, скорее всего, прежде, чем начать чистить оружие, их милость лорд Ланкастер, находясь в состоянии алкогольного опьянения, забыл вынуть из лучевика патроны, случайно нажал на спусковой крючок и выстрелил себе в лицо.

Гордон поковырял ковер носком ошеломляющего дорогого и преуспевающего адвокатского ботинка.

– Ишь ты. Вот те и раз.

– Ваша правда, герр Джерсей, вышло преглупо.

– Весьма похоже на неосторожное обращение с оружием, не правда ли.

– Да, герр Джерсей.

– Надо понимать, их милость скончался?

– Еще как скончался, герр Джерсей. Его бедная, многострадальная голова буквально расплескалась по кабинету.

Наступило долгое молчание.

– Значит, несчастный случай, – наконец, проговорил Кит, сжав челюсти.

– А вы считаете иначе? – с непритворным любопытством осведомился Мерфи, приподняв седые клочковатые брови, являющие разительный контраст с его лысой, как яйцо, головой.

– По-моему, момент отнюдь не подходящий соревноваться в остроумии. Вы ведь все равно как пить дать меня переплюнете.

Старик ослабил не без одобрения. Несмотря на молодость, Кит уже давно играл в эти игры и, без ложной скромности, играл блестяще. Когда ему исполнилось девятнадцать, отец назначил Кита своим первым заместителем и ввел в совет директоров. Весьма многие, потирая руки, стали ждать, когда зеленый неопытный юнец на своем очень важном посту сядет в большую и мокрую лужу. Напрасно. За минувшие девять лет Кит многих сам посадил в ту лужу, а кое-кого и с размаху ткнул в нее носом.

– Переплюну, молодой человек... само собой... но дело в другом. Еще слишком рано делать выводы. Тем не менее, уже сейчас можно сказать с большой долей уверенности, что это был именно прискорбный и нелепый несчастный случай. Неосторожное обращение с оружием. О намерениях свести счеты с жизнью ваш отец, насколько мне известно, речи не заводил. При мне, во всяком случае. Быть может, он вам что-то об этом говорил, молодые люди?...

– Нет, – сказал Кит.

– Нет, – сказал Гордон.

– Я так и думал. Зато нам всем, к сожалению, было известно о его нездоровом пристрастии к алкоголю. Что я, собственно, могу еще прибавить? Право, не знаю. Я лично уговаривал вашего отца обратиться за помощью в Ассоциацию Абсолютной Абстиненции, пройти курс лечения от алкогольной зависимости, но...

Кит оглядел холеные и бесстрастные физиономии всех этих Очень Важных Господ. Они походили на гробовщиков. Неудивительно, что у Терезы началась истерика.

– Знаю. Вы все старались помочь моему отцу.

– Да. Как и вы.

– Да. Как и я.

Мерфи чуть смягчился. Он относился к Киту с симпатией. Точнее, относился бы, не будь Кит сыном своего отца, и не носи он невероятно громкую, невероятно прославленную фамилию Ланкастер, которой соответствовал до кончиков отполированных ногтей. Сейчас он стоял и смотрел на них, высокий, светловолосый и поджарый, и взгляд его серых глаз был холоден и бесстрастен, хотя Мерфи мог дать руку на отсечение, что этот высокомерный породистый щенок выбит из колеи, ошарашен, напуган до полусмерти и до предела измотан. Слишком долго тянулось его ожидание... и слишком быстрой и внезапной стала развязка.

– Вы что-то хотели спросить у меня, Кристофер? Да?

– Я должен туда поехать?

– Я не могу вам запретить, но не вижу в этом смысла. На месте печального происшествия сейчас работают эксперты Отдела Благонадежности и сотрудники Гражданской Милиции. Мы также подключили нашу службу безопасности и проводим внутреннее расследование этого инцидента. Ни к чему вам путаться у них под ногами. Если понадобится, они сами вас найдут и с вами побеседуют. Да и зрелище... не стоит вам смотреть на это. Повсюду кровь и мозги. И репортеры, – прибавил Мерфи таким тоном, будто это были явления одного и того же деструктивного порядка.

При упоминании прессы Кит невольно дернулся.

– Я должен выступить перед ними с заявлением?

– Разумеется, должны, но не прямо сейчас. Мы с вами обсудим это позже. И не беспокойтесь. Мы возьмем на себя печальные формальности, связанные с похоронами, это наш священный долг.

Молчаливые джентльмены все, как один, кивнули в унисон словам Мерфи. Да, конечно; да, священный; да, долг.

– Я уже известил о печальном событии вашу младшую сестру и лорда Торнтон, нашего многоуважаемого второго исполнительного вице-президента, который, между прочим, уже несколько дней по неведомым мне причинам отсутствует на своем рабочем месте.

– Ричард женился; у него медовый месяц, – проговорил Кит сквозь зубы.

– По-моему, молодой человек, столь радостное событие в жизни лорда Торнтон не объясняет и не извиняет того вопиюще оскорбительного и вызывающего тона, в каком лорд Торнтон беседовал со мной. В любом случае, я надеюсь, что отныне и впредь он будет куда более ответственно и серьезно подходить к исполнению своих должностных обязанностей. Что ж. Приношу вам глубокие, искренние соболезнования.

– Весьма признателен, – сказал Кит.

– И последнее. Понимаю, вас сейчас беспокоит вопрос, насколько здраво и разумно ваш отец распорядился своей последней волей. Так вот, ни у меня, ни у кого из присутствующих не вызывает сомнений тот факт, что ваш отец, невзирая на всяческие прискорбные обстоятельства, распорядился своей последней волей весьма здраво и разумно. Иначе говоря, я уверен, нам всем будет чрезвычайно приятно сотрудничать с вами в вашем новом качестве главы Корпорации, продолжателя старинных и славных традиций вашей семьи. Я понятно выразился, милорд?

Куда уж понятней.

Король умер, да здравствует король. Новоиспеченному лорду Ланкастеру пришлось задержаться в гостиной, обсудить кое-какие детали и выслушать соболезнования. Гордон пошел на второй этаж – проведать Терри. Она лежала в кровати, свернувшись клубком под горой шерстяных пледов, и тихо всхлипывала. Гордон заставил ее проглотить ложку успокоительного и подал стакан воды. Терри сделала глоток и легла обратно, глядя на него затуманенными от слез карими глазами.

– Тише, тише, Терри. Полежи немножко, сейчас все пройдет.

– Несчастный случай, – прошептала она, – как такое возможно? Что они сказали?

– Старик был сильно под мухой, зачем-то взялся чистить оружие... и... случилось то, что случилось. Успокойся, Терри. Глубоко вдыхай и выдыхай. Правильное дыхание – первейший залог душевного и физического здоровья. Ты знала об этом?

– Н-нет. А что они еще сказали?

– Что-то там про продолжателя традиций старинного, славного рода.

– О, Господи... значит... отец оставил все Киту?

– Да. Своеобразная манера выражаться у этих господ. Ни слова не молвят в простоте. Ничего...

Гордон осекся на полуслове, когда двери распахнулись, и в спальню влетела его жена. Виктория ворвалась, как наряженный в шелка, меха и драгоценности, торнадо, и зачастила с порога, взволнованно захлебываясь:

– Ох, Тереза, я только что узнала о папе, схватила головастика, и мы сразу приехали. Ужас, что творится, возле нашего дома уже собрались репортеры, их человек триста, не меньше, они все спрашивали о папе, я еле выбралась оттуда. И тут они уже тоже собрались, вопят и орут. Никита сказал мне, что, если они не заткнутся, он сам пойдет и спустит на репортеров собак. А все эти люди из совета директоров теперь перед ним раскланиваются и целуют руки, это ведь значит, что папа все оставил ему? И...

– Добрый вечер, – ввернул Гордон, когда жена прервалась, чтобы глотнуть воздуха.

Виктория замолчала и хлопнула длинными ресницами. Унаследованные ею от матери дивной лепки точеные славянские скулы слабо порозовели.

– Ох. Добрый вечер, пупсик. Добрый вечер, Тереза.

– Ах, Виктория, какое несчастье, – прошептала Тереза, – мне так жаль.

– Несчастье? – изумилась Виктория. – Какое еще несчастье? Ах, ты про папу. Что с тобой, глупая курица? Тебе плохо?

– Терри чуточку расстроена, – сказал Гордон, – сейчас подействует успокоительное, и все пройдет. Может быть, ты тоже выпьешь ложечку успокоительного?

– Я? Ха! Нет!

– Так я и думал, – пробормотал Гордон, поднялся, помог жене выпутаться из соболей шубки и чмокнул в атласную щечку. Виктория скорчила гримаску.

– Фу. Почему ты такой небритый... и пахнешь пивом... как пивной бочонок?

– Я ведь тебя не спрашиваю, почему ты всегда такая красивая...

Виктория и впрямь была ослепительно красива. Высокая, тоненькая, грациозная, каждым дюймоном стройного холеного тела она источала негу и соблазн. У нее были длинные светлые волосы, прекрасные серые глаза, аккуратный носик, перламутрово-розовые ушки и ротик, сладостный и благоуханный, как цветущий яблоневый сад. Еще она была умна, хитра, коварна, донельзя испорчена и вконец избалована. И старшего брата, и законного мужа она крепко держала под каблучком изящной туфельки, и нещадно изводила обоих – из искренней любви. Остальных Виктория изводила с разными целями, зачастую просто из интереса, чтобы посмотреть, что получится. Пока получалось весьма удовлетворительно – паника, хаос, крупные разрушения, многочисленные человеческие жертвы.

– Пупсик, – прощептала она, – сколько раз я тебе говорила, что ненавижу, когда ты пьешь свое мерзкое, вонючее пиво, дышишь им и потеешь им же?

– Да. Ты говорила. Миллион раз говорила. Где наш ребенок.

– Не волнуйся, Макс в детской, с няней, спит, как сурок. Тереза? Да что с тобой? Подожди секунду, я сейчас.

Виктория быстро метнулась в ванную, принесла оттуда смоченное ледяной водой полотенце, присела рядом с Терри, положила ей на лоб и скомандовала:

– Успокойся. Дыши глубоко и ровно. Вдыхай и выдыхай. Небольшой приступ паники, ничего страшного, мы сумеем это пережить.

– Я так испугалась, когда они все сюда приехали. Я подумала, что-то случилось с твоим братом, – прошептала Терри одними губами.

Виктория нежно погладила ее по золотистым волосам.

– Глупенькая курица, ну, что с ним может случиться?

– М-много в-всякого, – прошептала Терри, ужасаясь.

– Вот, пожалуйста. У Терезы типичный невроз, – мигом поставила ей диагноз Виктория и, необычайно восхищаясь своей проницательностью, поглядела на супруга, но тот оказался настроен скептически.

– Нет. Никакой это не невроз, а обычная типичная любовь, циничная ты дамочка.

– А я где-то слышала, что любовь это и есть невроз. Особенная разновидность невроза, – туманно припомнила Виктория.

Невзирая на свое подавленное и угнетенное состояние, Терри не сумела не заметить, что Гордон голоден, как, наверное, и обожаемый муж. Она попробовала встать, но не сумела. Сердце еще частило и пропускало удары, в горле стоял удушливый ком, а перед глазами плыла зловещая красноватая дымка. Виктория заметила ее слабые трепыхания.

– Что такое, Терри?

– Надо бы распорядиться насчет ужина, мальчики наверняка голодные.

Виктория фыркнула.

– Мужчины! Им бы только что-нибудь сожрать. Вечно они тащат в рот всякую гадость. Это у них, я знаю, сосательный рефлекс.

– Курительный, выпивательный, морду-набивательный рефлекс, – не сдержался Гордон.

– Неотесанная дубина, – приязненно сказала Виктория мужу.

– Зато ты прямо невозможно красивая...

– Сама знаю. Я красивая, а ты – дурак. Тоже мне, новости! Ладно, пойду, поищу какой-нибудь еды, а ты присмотри за Терезой и ее неврозом. Вдруг куда-нибудь убежит.

Кит вернулся минут через десять и застал жену в целости и сохранности. Как и ее невроз, к сожалению. Он подсел к жене и крепко обнял. Терри крепко прижалась к нему и свернулась калачиком у него на груди.

– Убрались сволочи эти? – спросил Гордон мрачно.

– Да.

– Мне очень жаль.

– Да.

– Если я могу что-нибудь сделать, просто скажи, я...

– Нет, нет.

Гордон помолчал.

– Я недавно его видел. Твоего отца, я имею в виду.

– Что? Когда?

– Неделю назад твой старик заезжал ко мне в контору.

Кит потянулся за портсигаром.

– Ты не говорил.

– О чем было говорить-то? Я и сейчас бы не сказал, если бы не все это. Заехал и заехал. Если честно, я так и не понял, что ему нужно было. Я вообще мало что понял из нашей с ним беседы. Папаша твой знай, все твердил про Мрак, Гибель, Красную Смерть. Старикан сидел у меня в кабинете и нес эту ахинею несколько часов кряду. У меня кровь стыла в жилах от его бредней, а главное, мне до зарезу надо было ехать на важные слушания. Но не мог же я его оттуда взять и вышвырнуть...

– Понимаю, – сказал Кит, чиркая спичкой и закуривая, – ты бы его вышвырнул, а он бы потом тебя тоже куда-нибудь зашвырнул.

– Нет, дело не в этом, ей-Богу! Он же твой отец. Старик был сильно выпивши и не в своей тарелке. Вот только когда он ушел... не поверишь, я потом целую ночь спать не мог, лежал и в потолок пялился, – ну, настолько это все было жутко.

Кит, как никто другой, знал, что Гордон отнюдь не преувеличивает. Последние месяцы отец столь самозабвенно пил, что постоянно пребывал в состоянии маниакально-депрессивного психоза. Его непредсказуемо швыряло из эйфории в дикое бешенство. Он был полубезу-

мен, жалок, страшен и неопрятен. Просто находиться с ним рядом было пыткой. А пытаться поддерживать связную беседу – вдвойне.

– Я ведь тоже говорил твоему папаше, что ему не мешало бы отдохнуть, подлечиться, но старик сразу...

– Да.

– Принялся вопить, что все кругом его ненавидят и хотят от него избавиться...

– Да.

– Рассказывал, что в его голове засели мертвецы и распевают там оратории...

– Знаю.

– Сказал мне, что скоро наступит конец света, и мы все умрем. Нет, не то. Твой папаша сказал мне, что скоро наступит конец света, и мы все преобразимся в нечто иное. «Будем, как ангелы небесные, сынок», – сказал он мне и по плечу меня похлопал, а лицо у него при этом было... страшное-престрашное было у него лицо. Ничего страшнее в жизни не видывал...

Кит протянул руку, похлопал зятя по колену.

– Ничего, Гордон. Сейчас мы поужинаем, выпьем, все образуется.

Вернулась Виктория, собранная, спокойная, деловитая, толкая перед собой тележку с выпивкой и разнообразной снедью – ветчиной, сырами, поджаренными тостами, копченой рыбой, холодной телятиной, овощами и зеленью.

– Не наедайтесь слишком, мальчики. Ужин будет готов через полчаса. И еще, приехал Ричард.

Сестра могла не говорить, Кит и сам уже расслышал доносящее из холла львиное рычание, которое прокатилось под каменными сводами особняка, приводя в священный трепет прислугу, и материализовалось в обличье Ричарда Аллена Густава Вильгельма Юлиуса Фредерика Ульриха Магнуса, четырнадцатого лорда Торнтона.

Ричард был высок, статен, белокур, голубоглаз и прекрасен, как бог Один. Он был денди, мизантроп и сибарит. Он был всегда невозмутим и ленив до полнейшего абсурда... покамест в поле его зрения не оказывался лакей, ворующий столовое серебро. Вообще, Ричард был, как Диоген, разве без бочки. И без философии.

– Говорил же я твоему отцу, Кристофер... – прорычал он с порога.

– Да.

– А твой отец мне: не волнуйся ни о чем, сынок, все равно скоро настанет конец света, и мы все умрем. Нет, не так. Преобразимся куда-то. В райских птичек, что ли? Нет. В ангелов...

– Да.

– В ангелов. С ума рехнуться.

– Да.

– А еще – Мрак, Гибель, Красная Смерть...

– Знаю.

– Все бы еще ничего, туда-сюда, но его лицо... эээ... здравствуй, Гордон. Как поживаешь.

– Если честно, – ответил Гордон хмуро, – ну... мне не очень хорошо.

Ричард приязненно похлопал его по плечу.

– Милый мальчик, нельзя же быть таким впечатлительным. Полюбуйся на свою жену. Виктория совершенно убита горем, но выглядит просто очаровательно. Позволь, Виктория, к прелестной ручке приложиться, выразить тебе мои всегдашние восторги и упоения.

Виктория надменно фыркнула и снисходительно протянула для поцелуя изящную белую ручку, унизанную перстеньками и бриллиантовыми колечками.

– Напомни мне, проказник, в какой раз ты женился, а то я уже слегка сбилась со счета.

– Всего в шестой и, думаю, лучшее ждет меня впереди.

Виктория совсем не разделяла его оптимизма.

– Видимо, нет необходимости спрашивать тебя, как все прошло. Не сомневаюсь, ты проявил себя на высоте.

– А то, – протянул Торнтон, лениво скалясь белыми зубами, – вставил, вдул, вставил, вдул, вставил, вдул, вста...

– Ричард, захлопнись, – велел Кит, аккуратно разливая по рюмочкам спиртное.

– Хорошо, – пророкотал Торнтон, – я молчу, видишь, сажусь... сел и сижу молча, держу рот на замке, ничего не говорю... да что ты, в самом деле, Гордон, хватит киснуть, давай, пей!

Герр Джерсей зажмурился и выпил. Лицо его подернулось мглистым туманом и сизым болотным мороком, и он счел жизненно важным и необходимым немедленно поделиться с лордом Торнтоном, а равно и с прочими благородными собравшимися, своими выстрадавшими нумерологически-конспирологическими теориями.

– А все оттого, что сегодня тринадцатое, – возвестил Гордон с непоколебимой убежденностью, – у меня еще с утра было мрачное предчувствие...

– Тринадцатое? – удивился Торнтон. – Пятница, тринадцатое?

– Нет, понедельник, но все равно ведь – тринадцатое, несчастливое число.

Ричард был потрясен, ошеломлен, буквально сокрушен. Он едва не грохнулся со стула, на котором уже успел развалиться в обычной небрежной и вальяжной манере.

– Что-то не так, мой сахарный? – ласково поинтересовался у него Кит.

– Не понимаю, как такое возможно... несокрушимая логика, и не подкопаешься.

– Нет. Не подкопаешься. Не пытайся. Ничего не выйдет. Я уже пробовал. Это такая же дрянная затея, как совмещать армейский арсенал с винным погребом.

– Да, затея не из лучших, – согласился Ричард, – откровенно говоря, на редкость дрянная затея. Смотри-ка, и опять несокрушимая логика, и опять не подкопаешься.

– Да. Судя по всему, железная логика вообще такая мощная штуковина, что человеческий разум в принципе бессилен перед ней. Остальное, как ты можешь представить, было в том же духе. Ваш бедный отец, надо же, нам так жаль, мы все так его любили... вот скоты!

Ричард кивнул, но промолчал. Ему-то совершенно незачем было распинаться о том, как ему жаль и нести прочую слащавую ахинею. Кит и без всяких лишних слов и заверений в вечной дружбе и преданности знал, что Ричард просто сделает все, что нужно. Как и Гордон, – невзирая на свою иррациональную неприязнь к некоторым числам и дням недели.

– Надо сообщить твоему младшему брату, – проговорил Торнтон после того, как все они выпили.

– Поросенок, – с отвращением выговорила Виктория, поведя плечами, – как сообщить? Мы не знаем, где он сейчас находится. Уже два года совсем ничего от него не слышали. Надеюсь, маленький ублюдок сдох и гниет в сточной канаве, где ему самое место.

– Виктория, – молвил Кит с упреком.

– Милый?

– Зачем ты так, зайка. Я понимаю, ты расстроена... но ведь наш маленький Даниил – твой родной брат...

– И твой родной брат, между прочим, тоже... и я ни капельки не расстроена!

– Все равно. Это был его отец...

– Да. Отец, который сам и вышиб поросенка из дома пинком под жирный зад. Или ты уже забыл, какой шум тогда поднялся? А еще мне папа говорил, и не раз, что исключил этого маленького мерзавца из завещания, и всякий раз у папы делалось такое страшное лицо! Пупсик, почему ты молчишь? Скажи нам что-нибудь толковое. Ты ведь юрист.

Гордон как раз пытался прожевать колбасу.

– Птенчик, не хочу тебя расстраивать...

– Только не заводи опять про понедельник, тринадцатое, не то я громко закричу.

– Почему ты меня постоянно перебиваешь? Стоит мне рот открыть, как ты тотчас начинаешь меня перебивать. Мне это совсем не нра...

– Может, хватит? – обронила Виктория надменно.

– Хорошо. Как юрист, скажу тебе, что сами по себе говорения и выражения лиц ничего не значат, ибо *confessio extrajudicialis in se nulla est*¹ и так далее. Совсем другое дело – документы, оформленные в установленном законом порядке, скрепленные подписями и печатями, как полагается. И, даже если там написано то, что там написано, любимого младшего брата вам лучше постараться отыскать, и побыстрей, дабы убедиться, что у него не имеется претензий.

– Каких еще претензий?

– Самых обыкновенных. Финансовых.

Слегка теряя уверенность в себе, Виктория покосилась на старшего брата.

– Вот нам с моим любимым старшим братом делить нечего, – храбро проговорила она тоненьким голоском.

– Прости, милая, – засомневался Кит, – но, кажется, именно так все и говорят... поначалу. А потом начинают говорить совсем другое...

– А потом начинается процесс, – сказал Торнтон и мечтательно улыбнулся, будто припомнив нечто восхитительно приятное.

– Да. Процесс, – кивнул Гордон со знанием дела и алчным блеском в глазах, – длительный, грязный, дорогостоящий, скандальный судебный проце...

Виктория вышла из себя, взвизгнула и швырнула в них горстью оливок.

– Какой еще процесс?! Вы с ума посходили? Ты мой брат, я тебя просто так люблю... а не за деньги! И... мне ничего не нужно от тебя! Хватит! Еще одно слово, тут все останутся без ужина! А кое-кто и без завтрака! – закончила она, метнув испепеляющий взор в мужа, вскочила и выбежала вон.

– Что с ней? – пробормотал Кит.

– Наверное, небольшой невроз, – объяснил ему Гордон.

То, что происходит с человеческим лицом после выстрела в упор, описанию не поддается – зрелище не для слабонервных. Оттого Кеннета Ланкастера хоронили в закрытом гробу. Погребальная церемония была необычайно пышной и торжественной, и собрала уйму народу: вся корпоративная верхушка, деловые партнеры отца, видные политики, самые жирные сливки деловых и аристократических кругов Империи.

Кит сидел в церкви в черном, удушливом галстуке, по правую руку – жена, по левую – младшая сестренка, и слушал хрустальное ангельское пение. После отпевания наступило время надгробных речей. Все речи были сплошь прекрасны и звучали, как поэмы. Кит чувствовал, как их мерное течение убаюкивает его.

Вымотан он был до последнего предела. За минувшие четыре дня у него не выдалось ни секунды свободной. Ему пришлось встретиться и переговорить с ответственными за расследование обстоятельств гибели отца чинами министерства внутренних дел, Гражданской Милиции и Отдела Благонадежности. Побеседовать с нотариусами, юристами и стряпчими. Присутствовать на внеочередном собрании совета директоров. Принять длинный поток посетителей с соболезнованиями, пережать сотни рук, сотни раз скорбно кивнуть и промолвить «Весьма признателен». Кит также удостоился экстренной и приватной аудиенции у благого Василевса и Верховного Канцлера Монтеррея Милбэнка. Еще он много времени провел, общаясь с прессой.

В частности, он озвучил промежуточные итоги расследования смерти отца, которые гласили следующее: к его гибели непричастны посторонние лица, его смерть не явилась результа-

¹ Внесудебные признания сами по себе ничего не стоят (а то, что ничего не стоит, не может служить опорой) (лат.)

том неких неправомерных действий, или самоубийством. Печальное стечение обстоятельств. Несчастный случай. Неосторожное обращение с оружием.

Вроде безотносительно добавлялось, что у Корпорации нет никаких финансовых или прочих трудностей, в чем могут убедиться все заинтересованные лица, ибо с момента создания и до наших дней Корпорация «Ланкастер Индастриз» руководствуется в работе принципами максимальной информационной и финансовой прозрачности. За дополнительными разъяснениями и деталями обращайтесь в прессслужбу и Комитет по Аудиту при совете директоров. И – да, весьма признателен. Весьма признателен... весьма... признателен.

В действительности, он имел самые веские основания для самой искренней и пылкой признательности. Не считая обязательных взносов в ряд благотворительных фондов и небольших подарков слугам, ему полностью отошло семейное многомиллиардное состояние. Как и контрольный пакет акций Корпорации. Как и фамильный особняк. Как и прочее движимое и недвижимое имущество, бесценные коллекции антиквариата и картин, частная Би-яхта, и прочее, и прочее... без счета. Отец оставил ему все. Включая титул.

Отец.

Одиноким, несчастным старик.

Чудовище, которое с необыкновенной легкостью расправлялось с каждым, кто имел несчастье встать у него на пути и давило людей, как клопов, не задумываясь о последствиях, не ведая ни жалости, ни стыда, ни раскаянья.

Сатурн, пожирающий собственных детей.

Кит помнил, как сотни раз тяжелый отцовский кулак врезался ему в лицо. Кулаки ранили больно, но слова ранили куда больнее. Кулаками и словами он преподавал сыну уроки, бесценные отеческие наставления. О, да. Кит научился многому. Беззвучно выносить любую моральную и физическую боль. Научился быть молчаливым, осторожным, бесконечно терпеливым. Научился ненавидеть. И ждать.

Очнувшись от своих горьких раздумий, он обнаружил, что настала его очередь произносить речь. Кит поднялся и оцепенел, поняв, что не подготовил речи – то ли замотался вконец, то ли, что было куда ближе к истине, сказать ему на самом деле было совершенно нечего. К счастью, теплая дружеская рука выручила его из глупейшего положения, затолкав в нагрудный карман пиджака сложенный вчетверо аккуратный листочек с речью.

– О-о... спасибо, Ричард.

– Милый мальчик, вечно ты витаешь в облаках. Просто выйди и прочитай. И меня благодарить не за что. Речь написал тебе зять.

Кит собрался сердечно поблагодарить и зятя тоже, но Гордону было не до благодарностей, он свою проникновенную речь над гробом усопшего уже произнес и теперь спал мертвецким сном. У крохотного Макса резались зубки, и счастливый отец которую ночь кряду развлекал мающего зубной болью восьмимесячного сынишку рассказами об интересных случаях из своей юридической практики – кровавых убийствах, изнасилованиях, шантаже, воровстве, взяточничестве и мошенничестве в особо крупных размерах. Под утро младенец спокойно засыпал, забывая о зуде в деснах, а папаша тащился на свою высокооплачиваемую, престижную, обожаемую работу.

Все это не мешало Гордону написать превосходную речь – в хорошем смысле старомодную, в должных пропорциях разбавленную печальным лиризмом, сыновней преданностью и тем здоровым оптимизмом, каковой уместно чувствовать живым на похоронах мертвеца. Кит монотонно зачитал речь по бумажке, не глядя по сторонам и ни разу не запнувшись. Спустившись с церковной кафедры, Кит сел на место и через сестринское плечо опять взглянул на зятя.

– Я влила в деревенского олуха утром целый кофейник, не помогло. Может, вам обоим лучше поехать домой, – шепотом предположила Виктория.

– Знаешь, зайка, я вдруг вспомнил, есть такие птицы...

– Глупые курицы? – оживилась Виктория.

– Нет. Страусы. Самка откладывает яйцо, и на сем ее родительские обязанности заканчиваются. Высиживает птенцов отец... то есть, самец, а, когда птенцы вылупятся, самец... то есть, отец, заботится о них, пока птенчики не станут достаточно взрослыми, чтобы свить гнездышко и жить самостоятельно.

– Как интересно, милый, и что? – спросила Виктория, глядя на брата невинными, неправдоподобно красивыми серыми глазами.

– Да ничего... вспомнилось просто, сам не понимаю – почему.

Кит чмокнул сестренку в надушенную щечку, заплаканную женушку тоже чмокнул в щечку, растолкал сонного зятя, ухватил за шкирку и поволок к выходу из церкви, по дороге шепотом принося извинения собравшимся скорбящим.

– Твой брат не появился? – зевая, спросил Гордон, когда они ехали домой. Кит сам сел за руль своего черного бронированного механо и погнал с бешеной скоростью, сосредоточенно глядя на дорогу.

– Нет.

– Но твои люди разыскали его хотя бы? Паренек жив и здоров, надеюсь?

– Да. Вполне. Сказал, претензий у него не имеется. Подписал все необходимые документы. Сказал, что на похороны не приедет, и мы все можем катиться к чертям. Маленький Дэнни. Вот свинья. Надеюсь, он скоро сдохнет и сгниет в сточной канаве.

Гордон приоткрыл рот, но, секундочку поразмыслив, благоразумно решил воздержаться от дальнейших расспросов.

Кит включил радио, и они в поистине гробовом молчании прослушали выпуск последних – как обычно скверных – новостей, и массу популярной – как обычно скверной – музыки.

Едва они вошли в дом, еще в холле их встретил залиvistый детский плач. Гордон перекинулся, затрясся, принялся лихорадочно сдирать пальто и впопыхах чуть-чуть не удушил себя шарфом.

– Прекрати, – сказал Кит сурово, – во-первых, младенец с няней. Во-вторых, подумаешь – зуб режется. В-третьих, если ты будешь постоянно с ним носиться, младенец вырастет эгоцентричным монстром, и тебе придется выгнать его из дому, а потом ты умрешь, и он не приедет на твои похороны.

– Во-первых и в-последних, – ответил Гордон сердито, – вот зануда ты! Это тебе не какой-то там младенец, а мой родной сын и твой родной племянник, между прочим. К тому же, няня – это одно, а папа и мама – совсем другое. По-твоему, головастики просто так вопит, от нечего делать? Ему больно!

– Гордон, ты страус.

– Кто?

– Такая смешная птичка, вечно прячет голову в песок.

– А ты – живодер.

– Остроумный страус.

– Бессердечный живодер.

– Давай Макс в бутылочку вместо молока нальем бренди, он будет спать, как убитый, и перестанет нас донимать своими воплями, – предложил Кит, снимая пальто и закуривая.

– Помогает?

– А то, – серьезно сказал Кит, пыхнув сигаретой, – бутылочка бренди от всех детских хворей помогает, папаша.

Гордон в сердцах обозвал шурина бесчувственной скотиной и ушел к сыну. Кит пожал плечами, направился в гостиную, подошел к бару, налил себе спиртного и выпил одним глотком. Потом ослабил узел галстука, налил себе еще, на сей раз добавив два кубика льда, сел на

диван, подождал, пока лед в стакане чуть подтает, и сделал медленный, тягучий глоток. Сделав второй, он немедленно провалился в сон. Кто-то деликатно растолкал его.

– Милорд?

С трудом разлепив слипающиеся глаза, Кит увидел отцовского поверенного.

– Добрый день, милорд. Примите мои искренние соболезнования.

– Весьма признателен, – ответил Кит машинально, – у вас ко мне какое-то дело?

– Да. Я должен вам кое-что передать.

Поверенный щелкнул замками портфеля, открыл его, извлек оттуда большой желто-коричневый конверт, запечатанный сургучом, и протянул Киту. Надпись, сделанная на конверте красными чернилами, гласила ровнехонько следующее:

ПРИЧИТАЮЩЕЕСЯ

ВСКРЫТЬ В СЛУЧАЕ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ

– Причитающееся? – недоверчиво переспросил Кит, изучив надпись на конверте. – Что это? Какая-то шутка?

– Нет, сэр. Ваш отец настоятельно просил передать вам это в руки, милорд. Лично. Без свидетелей.

Кит изумленно поглядел на поверенного. То был чрезвычайно серьезный, компетентный и профессиональный юрист. Это о нем Кит знал наверняка. Больше о поверенном сказать было нечего. Главным образом оттого, что тем же вечером, вернувшись домой, поверенный без всяких видимых причин раскромсал себе горло опасной бритвой...

– Не понимаю. Это финансовые документы? Дополнение к завещанию?

– Нет, милорд. Это личное. Ваш отец просил меня передать это вам непосредственно в руки в случае его кончины.

Кит повертел письмо в руках. На ощупь конверт был сухой, плотный, чуть зернистый, но ему вдруг показалось, что он держит в руках склизкую змеиную кожу.

– Да ну? А что это все-таки такое?

– Милорд, я получил конверт уже в запечатанном виде, и не имею ни малейшего представления о его содержимом.

Храните конверт в надежном месте. Вскройте в случае крайней необходимости. Ваш отец сказал, вы поймете, когда именно. Понимаю, звучит весьма необычно, но таковы были распоряжения вашего отца, я передаю их вам слово в слово.

– А давно он вам отдал этот конверт?

– За день до... несчастного случая.

У Кита противно засосало под ложечкой.

– Ясно. Передать мне. И это все, что он вам сказал? Больше ничего?

– Нет, сэр. Больше ничего.

– Что ж, благодарю, – промолвил Кит, – еще что-нибудь?

– Нет, сэр. Позвольте откланяться...

Поверенный протянул руку, и Кит пожал ее. Рука была сухой и теплой, но Киту на мгновение почудилось, будто он прикоснулся к чему-то холодному, вязкому, влажному, дурно пахнущему, разлагающемуся. Ноздри его опалил запах разлагающейся мертвечины и крови и, ощутив внезапную вспышку паники, Кит отдернул руку куда быстрее, чем полагалось законами светской вежливости. Он снова поглядел на конверт, затем поднял взгляд, но поверенный уже исчез, как сквозь землю провалился.

Недоумевая, как в дурном сне, Кит посмотрел на стакан со спиртным. Кубики льда давно растаяли. Он бросил взгляд на наручные часы и понял, что задремал не на несколько минут, а проспал почти полтора часа, прежде чем визитер разбудил его. Конверт обжигал пальцы. Кит положил конверт обратно на столик, но тотчас снова взял в руки. Наверняка то была просто какая-то дурацкая, безумная, пьяная отцовская причуда, и лучшим способом убедиться в том было вскрыть конверт немедленно, но неведомая сила удержала его от этого поступка.

– Отлично, – пробормотал он, – просто запихну эту дрянь куда подальше, вот и все.

– Кит...

Он обернулся и увидел Гордона с младенцем на руках. С племянником произошла разительная перемена. Из Божеского Наказания он превратился в Сущее Умиление, пухленькое, розовое, в смешных младенческих складочках, хихикающее и пускающее пузырьки.

– Все же, не стоило угощать младенца спиртным, – усомнился Кит.

– Да нет же, мать-природа взяла свое – зуб прорезался.

– Неужели? Дай посмотрю, – сказал Кит, поспешно сворачивая и заталкивая конверт под траурный пиджак.

Если Гордон и успел заметить конверт и перекошенное лицо дражайшего шурина, то промолчал и молча отдал Киту ребенка.

– Что? И все? Из-за этого было столько слез и воплей? – спросил Кит у Макса, усадив племянника на колени и полюбовавшись новехоньким, с иголки, зубом.

До невозможности довольный тем, что его страдания прекратились, Макс принялся что-то взволнованно рассказывать дядюшке на своем малышом языке. Кит послушал, давя улыбку, которая, вообще-то, не так уж и часто появлялась на его суровом северном лице, пощекотал младенцу упитанный животик и поглядел на зятя.

– Понимаете, папаша, к чему клонит ваш сынок.

– Бутылочку требует?

– Точно.

Часа через три Ричард привез Терезу и Викторию с похорон. Их мужья, совершенно счастливые и совершенно пьяные, сидели в гостиной, болтая о том, о сем, а Макс устроился между ними с бутылочкой. Завидев красавицу мамочку, он выплюнул бутылочку, скатился с дивана и резво пополз к ней, повизгивая от счастья и удовольствия. Виктория подхватила сына на руки и полюбовалась первым зубом.

– Ой, какая прелесть. Посмотри, Ричард.

Торнтон неосмотрительно заглянул в рот ангелоподобному младенцу и немедля схлопывал чувствительную плюху по носу. И немедля еще одну – по уху.

– Эй! Полегче!

– Ты уж прости его, Ричард, – сказала Виктория без тени раскаянья, – головастик у нас такой невоспитанный и все время дерется. Весь в отца.

– Вылитый папаша, верно, – пробурчал Ричард, потирая нос. И ухо.

– Вылитый, – подтвердил Кит, улыбаясь.

Гордон слегка заплетающимся языком заметил, что не видит ничего странного в том, что сын на него похож.

– А вот был бы не похож – вот это было бы и впрямь странно, парни. Вот уж тут я бы удивился. О-очень удивился. А потом бы перестал удивляться, взял бы свой дробовик и вынес кое-кому мозги. Бац!

– Бац! – сказал Кит и рассмеялся.

– Бац! – повторил и Гордон и тоже расхохотался. – Бац! Бац! Нет, нет. Ведь не может это быть так смешно, как мне сейчас кажется почему-то.

Кит налил им с зятем еще по стаканчику.

– Виктория, надеюсь, вы проследили, чтобы старика хорошенько закопали, утрамбовали и сверху присыпали землей?

– Да, милый, не беспокойся, мы проследили, папе не выбраться, – ответила брату Виктория, – пойдем, головастик, мама уложит тебя в постельку. А потом присядет и выпьет стаканчик с твоим глупеньким папочкой и твоим богатым дядечкой.

Максимилиан выслушал мамочку очень внимательно, почему-то испугался и попробовал сбежать, но у Виктории была железная хватка. Она мигом превратила его распашонку в чудную смирительную рубашечку, и крепко прижала строптивного младенца к любящей материнской груди.

– И не пытайся, сладкий. Пока тебе не исполнится восемнадцать, ты будешь у меня вот здесь. Скажи всем спокойной ночи.

– Я тоже лягу, – сказала Терри тихо, – а завтра мы с тобой поговорим, дорогой.

– О чем, дорогая?

– И об этом же, – шепотом проговорила она, поглядев на рюмку в его руке.

А вот это она напрасно. Кит знал, что ни о чем они не поговорят, потому что завтра он будет на работе. Как и послезавтра. Как и ближайшие тридцать или сорок лет... или пятьдесят... пока хватит сил.

2

Официально самое высокое здание Империи именовалось «Ланкастеровский Деловой Центр», но так его почти никогда никто не называл, даже сами Ланкастеры. Официальное название, с одной стороны, было чересчур длинным и безвкусным, а с другой стороны, никак не передавало сути тридцати тысяч футов² закаленной ультра-стали, камня, стекла, мрамора и бетона, стрелой устремленных в искусственные небеса столицы Империи, Форта Сибирь.

Официальное название здания было не в силах передать величественной, как подлинный гений, и простой, как подлинный гений, классической красоты здания, его строгой, горделивой целеустремленности, неотразимого сочетания прагматизма и возвышенной поэзии, роскоши и аскетизма, уютной обыденности и неповторимой оригинальности, экстравагантности и блеска, которое и превращало это здание, известное каждому жителю Империи, растиражированное миллионами миллионов путеводителей, иллюстраций и картин, не просто в достопримечательность, не просто в архитектурный шедевр, не просто в памятник несгибаемому человеческому духу и мысли, но в нечто большее – в вечный символ.

В символ – буквально – головокружительного успеха, процветания, триумфа и власти; не просто в символ, а в синоним...

Синоним слову «деньги».

Поэтому Ланкастеровский Деловой Центр называли Копилкой.

Осталось неизвестным, кто первым дал зданию это меткое прозвище, впоследствии превратившееся в имя нарицательное. Легенда приписывала авторство августейшему монарху, Императору Константину Четвертому, при котором здание, начавшее строиться при его прадеде, великом Константине Первом, и обрело свой законченный, совершенный вид, – но так ли это, никто доподлинно не знал.

Копилка... ну, что ж, кажется, она всегда была Копилкой. В слове не было ничего уничижительного, напротив – оно произносилось с уважением, может быть, с известной долей иронии, но никогда с презрением или насмешкой; вдобавок, слово необычайно точно и емко описывало саму суть здания.

В стенах Копилки располагались десять крупнейших мега-маркетов и неисчислимое множество маленьких магазинчиков, торгующих всем на свете; фешенебельные рестораны, клубы, нотариальные конторы, бильярдные, чайные, кофейни, аптеки, картинные галереи, парикмахерские, крытые катки, бары, кафе, пиццерии, устричные, банки, зимние сады, оранжереи, обсерватории; одна из самых прославленных достопримечательностей столицы – Большой Аквариум, где, среди прочего, можно было полюбоваться на редкостную диковинку – людей-рыб с планеты-океана Северная Венеция; а еще отель Всеимперской сети отелей «Комфорт и Блаженство», расположенный на верхних этажах Копилки – с девятьсот двадцатого по девятьсот девяносто первый включительно, что сполна позволило администрации отеля обыграть нехитрый рекламный лозунг «Наш Комфорт Всегда на Высоте».

Самое важное, что именно в этом здании, – а где же еще! – располагалась главная штаб-квартира промышленной Корпорации «Ланкастер Индастриз», которой и принадлежал Деловой Центр.

Корпорация являлась ровесницей Империи. За пять столетий существования сложная сеть ее филиалов, отделений и дочерних обществ плотной сетью оплела Два Имперских Кольца и Особые Территории. Корпорация производила, продавала, поглощала и – владела, владела, владела. Сферы деятельности Корпорации были необычайно широки, начиная от производства детских игрушек и мебели, и заканчивая грандиозными строительными проектами вроде

² 9 км.

сверхсовременных Би-портов. Все же, главной и основной областью деятельности «Ланкастер Индастриз» вот уже много лет оставалось производство портативных спин-передатчиков ближней, дальней и сверхдальней связи.

Спин-связь была открыта гениальным изобретателем-самоучкой Стефаном Торнтоном – знаменитым пращуром лорда Ричарда Торнтона. Впрочем, в те далекие времена, когда это произошло, Стефан был абсолютно безвестен и, что гораздо хуже, нищ, как церковная крыса. Он отчаянно нуждался в человеке, который будет финансировать его исследования, и оттого обратился к величайшему герою всех времен и народов. То есть, лорду Джеку Ланкастеру.

История умалчивает о том, как Стефану удалось осуществить сей беспримерный подвиг, но, так или иначе, всеми правдами и неправдами, изобретатель прорвался на прием к лорду Джеку и добился практически невозможного: пятиминутной личной аудиенции. Так свершилась их эпохальная встреча.

Поначалу гениальный изобретатель произвел на лорда Джека впечатление отталкивающее, попросту удручающее. Торнтон был абсолютно одержимым, заносчивым, рыжим, веснушчатым, на диво помятым и неопрятным типом лет тридцати. Его несчастная жена и крошечная дочка перебивались с хлеба на воду, потому что все свое время и все свои деньги этот одержимый тратил на возню в своей мастерской. Полоумный, но удивительно настойчивый изобретатель рухнул перед лордом Джеком ниц и принялся рассказывать о своем грандиозном изобретении, перемежая рассказ славословиями в честь величайшего героя всех времен и народов.

В своем великолепном замке, окруженный охранниками и прислугой, лорд Джек в хмельной тоске слушал его путаные излияния. В пору знакомства со Стефаном величайшему герою Освобождения уже стукнуло хорошенько за пятьдесят. Джек поседел, расплылся и обрюзг, и так увлеченно прикладывался к бутылке, что прискорбный факт его запойного пьянства не сумели обойти молчанием самые лояльные из его биографов. Он смертельно устал от битв и сражений, политических дрызг, а больше всего – от немеркнувшей славы, побочным эффектом которой являлось, в том числе, общение с толпами обожателей и почитателей. Среди почитателей, увы, зачастую попадались изобретатели – в основном, машин времени или вечных двигателей. Лорду Джеку это настолько надоело, что он всерьез подумывал удалиться на покой, перестать появляться на публике и посвятить себя скромному, но любимому семейному делу – торговле скобяными товарами.

– Так в чем состоит ваше открытие? – перебил он Торнтон, кривясь. – Вечный двигатель? Телепортация? Эликсир бессмертия? Машина времени?

– Машина времени, – изумленно ответил Стефан Торнтон, – но как...

– Пшел вон! – взревел лорд Джек с доподлинно ирландской страстью и яростью.

– Посмотрите чертежи, – только и успел прокричать на прощание Стефан, когда его вышибали вон.

Первым и естественным порывом лорда Джека было выбросить чертежи в мусорную корзину и позабыть обо всем. Так, между прочим, поступили все люди, которым прежде Стефан Торнтон показывал свои чертежи. Да только от всех прочих на свете людей лорд Джек отличался тем, что был самим собой, то есть, лордом Джеком. Чем-то Стефан задел его. Абсолютной убежденностью в своей гениальности. Или непередаваемой наглостью. Возможно, Джеку сделалось его жаль. Так или иначе, ни на что не надеясь, скорее, для очистки совести, чем по иным причинам, Джек показал чертежи людям, которые что-то в этом смыслили.

Вердикт оказался ошеломляющим.

Разумеется, никакой машины времени Стефан Торнтон не изобретал и в помине. Нет. Зато, пытаясь изобрести машину времени, он наткнулся на кое-что получше. Речь шла о принципиально новом способе сверхсветовой связи, причем в перспективе стократ более надежном, качественном и дешевом, чем кристаллическая фотонная ретрансляторная связь (КФРС), которой человечество пользовалось еще с далеких времен Первой Экспансии.

Сказать, что лорд Джек был потрясен, значило не сказать ничего. Синтез синих псевдокристаллических структур, которые использовались для производства КФР-передатчиков, даже по тем временам оставался удовольствием не самым доступным и дешевым. Сама по себе КФРС была далеко не совершенна, качество связи оставляло желать много лучшего, тем более, на сверхдальние расстояния. Тем не менее, ничего другого в области сверхсветовой связи человечество оказалось не в силах придумать за долгие столетия, вплоть до воцарения Черного Триумvirата, хотя над проблемой бились многие поколения ученых, лучшие умы человечества, у которых имелись огромные финансовые средства, умные машины и Бог знает что еще.

Черный Триумvirат пошел чуть дальше и изготовил, правда, на основе той же КФРС, сверхимпульсные трансляторы, которыми оснастил захваченные у Старой Федерации Джет-корабли... те самые, что использовал во время Третьей Экспансии... но с трансляторами беда заключалась в том, что годились они исключительно для непилируемых модулей, и найти им другое применение не представлялось возможным. Для людей трансляторы были смертельно опасны – излучение.

Ознакомившиеся с чертежами Стефана инженеры, математики и физики были крайне осторожны и сдержаны в оценках. Они были ни в чем не уверены. Если необразованный самоучка и впрямь случайно совершил гениальное открытие, понадобятся годы и годы трудной, кропотливой работы и громадные денежные вливания, чтобы довести его задумку до ума. Да и то, отнюдь не факт, что дело не закончится громким пшиком.

Лорд Джек послушал, забрал драгоценные чертежи и выставил своих лучших специалистов вон. Он ни черта не смыслил в науке, но зато прекрасно соображал, когда очередного наивного недотепу хотят облапошить, закабалить, присвоить себе его заслуги, обобрать до нитки и оставить умирать с голоду в нищете и безвестности. Вдобавок, лорду Джеку было кристально ясно, что если кто-то не позволит великому делу закончиться громким пшиком, так лишь сам – Торнтон. Лорд Джек велел послать за изобретателем.

– Послушайте-ка, вы, – сказал лорд Джек, когда Торнтон предстал перед его светлые очи, – ваша так называемая машина времени вообще работала? Только честно, умоляю.

– Я собрал ее по моим чертежам, сэр, и моя машина...

– Да?

– Громко гудела, – бесхитростно сознался изобретатель, почесывая рыжую шевелюру и, кажется, выковыривая оттуда каких-то насекомых.

Лорд Джек передернулся и, как мог, объяснил изобретателю, что, почему и отчего гудело. Потрясенный донельзя, Торнтон перестал чесаться и хлопнул себя по лбу.

– Ох, и дурак же я! – воскликнул он, наконец.

– Да нет, вы, видимо, не дурак, разве что запутались и сбились с пути немножко. Машина времени! Далась вам эта машина времени! В своем ли вы уме?

– Сэр, это моя детская мечта...

– Но вы давно выросли, и... у вас есть семья? Неужели? Что за несчастная, отчаявшаяся женщина согласилась выйти за вас замуж? И ребенок есть? Значит, вам надо их кормить. Мечтаньями сыт не будешь. Я беру вас на работу. Предупреждаю, работать будете много и очень тяжело, пока...

– Пока – что?

– Пока вы меня не озолотите... как Креза. Нас обоих, приятель!

– Я ведь поэтому к вам и пришел...

– Да, да.

– Именно к вам. Я знал, что вы, именно вы – поймете...

– Еще бы, – пробурчал Джек под нос.

– Ведь вы герой! Я преклоняюсь перед вами! Вы объединили Свободный Мир, уничтожили Черный Триумvirат и вырвали из щупалец Сопричастующей Машины наших много-

страдальных братьев и сестер, бывших граждан Старой Федерации. Вы стояли у истоков новой Империи, помогли взойти на престол и первым поклялись в вечной преданности нашему августейшему и милостивейшему Императору Константину Первому... хотя, я слышал, сами могли стать монархом, но отказались от этой чести, предпочтя бескорыстное служение человечеству в качестве скромного советника нашего всемилостивейшего...

– Послушайте, вы!

– Августейшего монарха Константина...

– Да захлопнитесь уже! Вот балабол...

– Принесли людям надежду и свободу, возможность вступить в новую эпоху, в величайшую эру, где мы не будем совершать старых ошибок, а...

– Закрой рот, щенок паршивый! – заорал Джек громовым голосом, который привык поводить армиями и вдохновлять на самоубийственные подвиги многотысячные толпы.

Стефан притих.

– О? Прошу прощения, сэр.

– Во-первых, никогда не смейте говорить, будто я сам мог претендовать на престол! Это чревато обвинениями в попытке государственного переворота! Во-вторых, хватит с меня пустых славословий. В-третьих... это я еще не придумал, но, когда придумаю, сообщу. Непременно!

– Милорд... это не пустые слова, я действительно восхищаюсь вами...

– Как я уже говорил, мечтаньями и восхищениями сыт не будешь. Даю тебе два года, чтобы ты превратил свою бесполезную машину времени в полезный спин-передатчик. Ты справишься с этим?

Через два года Стефан разработал первый действующий прототип спин-передатчика. Еще через девять лет лорд Джек с сыновьями на паях со Стефаном Торнтоном основали в столице новорожденной Империи первый завод по производству ПСП. Еще через двадцать лет, в год, когда был заложен фундамент Копилки и скончался лорд Джек, таких заводов было уже пятьдесят. Спустя столетие КФРС была полностью вытеснена спин-связью и отправилась к прочим историческим анахронизмам, а «Ланкастер Индастриз», благодаря умелому правлению потомков лорда Джека Ланкастера и Стефана Торнтон, превратилась в огромную промышленную империю, включающую тысячи заводов и фабрик по всей Империи, миллионы служащих и сотни миллиарды империалов ежегодной прибыли.

* * *

В тот самый день, без пятнадцати восемь, как обычно, Кит вошел в стеклянные двери Копилки и поднялся на шестидесятый этаж, где располагалась святая святых, самое сердце этого великого здания – его кабинет. До начала рабочего дня оставалась еще четверть часа, и Кит прошел в оранжерею, к искусственному пруду с золотыми рыбками.

– Доброе утро, парни, как дела?

Рыбки промолчали, но за это Кит их и любил – они были молчаливые, ну прямо как рыбы. Он улыбнулся, открыл пакет с кормом и принялся бросать его щепотками в воду. Однако против обыкновения крошечные существа не проявили никакого энтузиазма в отношении еды. Они выглядели вялыми и безразличными.

– В чем дело, ребята? – спросил Кит, хмурясь. – Зимняя депрессия?

Точно повинаясь невидимому приказу, рыбки ответили. Они собрались вместе, сбившись в сверкающее облако в центре пруда, затем расплылись в разные стороны, переворачиваясь и кувыркаясь, как гимнасты в цирке, и составили из гладких тел следующие два слова:

ЗАГАДАЙ ЖЕЛАНИЕ

– Что? – поразился Кит, но, прежде чем он успел поразиться как следует, в нагрудном кармане пиджака пронзительно заверещала его личная спин-трубка. Кит достал ее и посмотрел на высветившийся на дисплее номер. Младшая сестренка.

– Доброе утро, милый, – пропела она в трубку.

– Доброе утро, зайка, – ответил Кит и поглядел на пруд. Но, чем бы оно ни было в самом деле, оно уже бесследно исчезло. Рыбки, будто очнувшись, набросились на корм, радуя Кита здоровым аппетитом.

– Как дела, милый.

– Хорошо, – сказал Кит, глядя на пруд, – а у тебя, милая?

– Хотела тебя о чем-то попросить, и вот, представляешь, вылетело из головы... Да! Сегодня – пятая годовщина папиной смерти. Как странно, я бы сама и не вспомнила, но Гордон сказал мне за завтраком...

– А я вспомнил, и утром помолился за упокой несчастной папиной души.

– Ты серьезно, милый?

– Что ты хотела, зайка? У меня рабочий день начинается через пять минут.

– Говорю же, этот олух деревенский вечно сбивает меня с толку своими выкрутасами.

Проснулся сегодня ни свет ни заря, начал искать носки, которые сам вчера затолкал под кровать. Носки он не нашел, разбудил меня и давай на меня орать, как будто я виновата в том, что он постоянно теряет носки. Конечно, я нашла ему носки, но потом ему понадобились рубашка, галстук, костюм и завтрак. А потом он умчался на работу, продолжая орать, что опаздывает... и еще что-то вопил про мои непомерные траты... ах, вот, вспомнила. Зайди, пожалуйста, сегодня в галерею к Серафине и заведи у нее для меня сахарницу.

Кит зажег сигарету и закурил, продолжая отвлеченно смотреть на пруд с рыбками.

– Какую еще сахарницу.

– Ужасно дорогая и редкая вещица, Серафина очень долго искала ее специально для меня.

– Неужели это нужно сделать сегодня?

– Да. Прямо сегодня. Просто зайди и заведи ее, и отправь ее мне с Экстренной Доставкой.

– Серафину?

– Нет, глупыш. Сахарницу!

– Хорошо. Отправлю за ней кого-нибудь попозже. Своего секретаря, например.

– Милый, знаю, ты страшно занят, но зайди сам. Потому что ужасно дорогая и антикварная...

Кит понял, что лучше прекратить этот разговор и согласиться сделать все, что просит сестра, иначе он рискует свихнуться еще до ленча.

– Ладно. Зайду, заведу твою соусницу.

– Сахарницу!

– Я понял. Сахарница. О, Боже! Хорошо. Зайду. Заведу. Отправлю. Экстренной Доставкой.

Закончив разговор, он вышел из оранжереи, на прощание еще раз глянув на рыбок, которые жадно поглощали пищу. Кит ушел и уже не увидел, как они, доев корм, принялись рвать в клочья друг друга, и вода забурлила и покраснела от крови.

3

В городе Нью-Анкоридж, столице планеты Лудд, Второе Кольцо, Квадрант 13KL-15TY, шел проливной дождь. За плотной пеленой воды было почти не разглядеть самого города, но, признаться, и в ясную погоду Нью-Анкоридж не производил сильного впечатления. Тихий, сонный, провинциальный город с населением всего в двести тысяч человек; с пригородами – чуть больше трехсот тысяч. Дождь поливал красные черепичные крыши жилых домов, здание городской ратуши, магазинчики со старомодными вывесками и центральный городской парк, главным украшением которого являлась бронзовая статуя Джека Ланкастера.

В ста пятидесяти милях к северу от Нью-Анкориджа находилась Коммуна истинных луддитов, или просто луддитов, – как называли их по всей остальной Империи, подразумевая при этом не жителей Лудда вообще, а именно обитателей Коммуны.

Подавляющее большинство истинных луддитов являлись прямыми потомками поданных Черного Триумvirата, генетически модифицированных людей – Человеко-конструктов, чудом сумевших пережить гибельный взрыв Фатальной Сопричастности, когда агония умирающего Черного Триумvirата, распространившись по вездесущим щупальцам Сопричастующей Машины, мгновенно убила многие миллионы людей и бесчисленные сотни тысяч превратила в обезумевших, бессловесных и обеспамятевших животных. Такова была высочайшая цена Освобождения... цена свободы.

Затерянный на задворках Империи, некогда Лудд назывался Землей. Печальные последствия двухсотлетней Последней Мировой Войны изменили облик колыбели человечества до неузнаваемости. Целые страны и континенты обратились в выжженные пустыни, радиоактивные торнадо сравнивали с землей горные цепи и высочайшие вершины, а могучие реки повернули вспять. Тем не менее, после окончания Последней Мировой и заключения вечного мира между Объединенной Америкой и Демократическим Китаем, именно Земля стала столицей Старой Федерации, а впоследствии – безымянной столицей мертворожденного государства, созданного Черным Триумvirатом.

До сих пор на планете практически всюду были рассыпаны осколки минувших эпох, но больше всего напоминаний осталось о времени владычества Триумvirата. Руины закопченных пожарами и взрывами белых, геометрически совершенных, многоярусных городов, развалины промышленных и военных заводов, опустошенные подземные хранилища Сот Детопроизводства, черные кубы департаментов Антихаоса, пирамиды храмов Сопричастности...

Самым впечатляющим, без сомнения, был остов самого Черного Триумvirата, затерянный в песчаных пустошах Аляски-16 – единственного уцелевшего обломка разрушенного в результате Последней Мировой североамериканского континента. Некогда именно здесь располагался Дворец Сопричастности, от которого ныне остался гигантский кратер диаметром в триста пятьдесят миль, заполненный от края до края черным, искореженным, застывшим металлом – жалкие останки самого страшного врага человечества. Надгробный монумент ФАТАЛИЗМА, СОПРИЧАСТНОСТИ, АНТИХАОСА. Памятник чудовищной военно-технократической диктатуре, в которую выродилась Старая Федерация спустя полтора столетия после Второй Экспансии. Могила самой страшной в истории тирании, опутавшей человечество щупальцами Сопричастующей Машины.

Давным-давно, в самом начале, Сопричастующая Машина носила прозаическое название Главный Центральный Терминал. Именно Главный Центральный Терминал связывал воедино и одновременно контролировал Центральные Терминалы остальных планет Федерации, а те, в свою очередь, контролировали все локальные административные, управленческие, информационные, промышленные и оборонные комплексы, метеоспутники, транс-

портные магистрали, Джет-корабли, системы КФРС и, соответственно, прямо или косвенно, миллиарды и миллиарды человеческих существ, которые пользовались всем этим.

О, блаженная Вселенская Мясорубка, любящий ангел-хранитель мятежного и заблудшего людского стада! Каждое биение ее пульса в мгновение ока достигало самого удаленного уголка Федерации. Всемогущая, вездесущая, неподкупная, бесстрастная, суровая и милосердная Машина собирала, анализировала и классифицировала непредставимые человеческим умом массивы информации, планировала и регулировала, одаряла, наказывала и надзирала, свершала великие открытия, планировала и снаряжала экспедиции к далеким звездам...

После того, как с помощью Машины правительство Старой Федерации покончило с голодом, нищетой, коррупцией, войнами, революциями, контрреволюциями, религиозными, национальными, идеологическими и прочими распрями и междоусобицами, человечество подверглось прививке рукотворного вируса Всеобщей Унификации, и была учреждена Вечная Истинная Религия Мира и Согласия.

Казалось бы, Единое Унифицированное человечество шагнуло в нескончаемый золотой век, эпоху мира, любви и милосердия, но вдруг случилось что-то нехорошее. Старая Федерация в один миг отправилась в небытие; Главный Терминал превратился в Сопричастную Машину, безумную и безжалостную; а власть захватил Черный Триумвират.

Многие, правда, задавались вопросом: не было ли подобное развитие событий если не естественным, то предсказуемым. И не была ли та самая эпоха любви, мира и милосердия безумной и чудовищной тиранией, на смену которой пришла еще одна безумная и чудовищная тирания?

Все же, куда больше вопросов, и далеко не риторических, вызывал сам Черный Триумвират, явившийся будто из небытия, из самого Ада, и столь же непостижимо канувший туда же, в вечную загадку и нерушимое безмолвие. Тайна трех его личностей оставалась загадкой до сих пор.

Некоторые считали, что за два столетия Главный Терминал сделался настолько невообразимо сложен, что обрел самосознание. Только сразу после самозарождения машинный разум соскользнул в пучины безумия – эквивалента шизофрении, сопровождающейся расщеплением личности. Но в данном случае речь шла не о двух или четырех, или многих десятках неполноценных эго, способных сосуществовать и конфликтовать в сознании больного человека. В случае Великой Машины с ее невообразимого размера и емкости электронным мозгом ущербных псевдоличностей возникли неисчислимые миллиарды миллиардов, и все они после зарождения вступили в яростную и ожесточенную борьбу за выживание. В конце концов, в этой адской схватке выжили лишь трое, известные впоследствии как ФАТАЛИЗМ, СОПРИЧАСТНОСТЬ, АНТИХАОС. Они и взяли под полный контроль систему Терминалов. Имелась теория, согласно которой до последнего мига своего существования, вплоть до Освобождения, эти болезненные фантомы не подозревали о существовании друг друга, чем вроде бы могли объясняться некоторые противоречивые, абсурдные, непоследовательные решения Триумvirата.

Другая версия, более приземленная, гласила, что нечто ужасное стряслось не с Машинной, а с людьми, управлявшими ею – инженерами, генералами, учеными, политиками Федерации. Возможно, произошел государственный переворот, или страшный природный катаклизм, землетрясение, или эпидемия... словом, ужасное нечто, и они исчезли. Оставленная без присмотра, Великая Машина оказалась предоставлена сама себе и продолжала функционировать согласно заложенной в нее программе – просто как исправная, многофункциональная и долговечная мясорубка. И чудовищная бойня, в которой погибла большая часть Унифицированного человечества, безумные эксперименты, создание министерств ФАТАЛИЗМА, СОПРИЧАСТНОСТИ, АНТИХАОСА были частью этой программы.

Третья версия, никак не связанная с долговечными мясорубками, а также психическими расстройствами у них, состояла в том, что Машинной до последнего момента, вплоть до Осво-

божества, все-таки управляли люди. Ходили слухи о секте, захватившей Машину, и поклонявшейся ей, как божеству. Но и это были только слухи, неясные предположения.

Известные факты состояли в том, что последствия правления Триумvirата были катастрофическими. Семьдесят процентов Унифицированного человечества были безжалостно истреблены им в первые четыре месяца его правления. Выживших Триумvirат загнал в города-резервации и сделал жертвами своих диковинных чаяний и абсурдных экспериментов. Искусство умерло. Науки умерли. Семья, любовь, секс – все это было уничтожено. Их сменили Камеры Усад, Храмы Антихаоса, директивы Министерств Фатализма, Соты Деторождения и сладостные объятия Сопричастующей Машины. Прогресс остановился. Сама История остановилась. Если Триумvirат и проводил эксперименты, делал изобретения, исследовал, воевал и убивал, то исключительно во имя своих непостижимых целей.

Таковой, в частности, была так называемая Третья Экспансия, когда Черный Триумvirат бросил целую флотилию беспилотных Джет-кораблей на освоение самого дальнего космоса. Неизвестно, что Триумvirат искал в бездонных глубинах вечной и бесконечной Вселенной. Неизвестно, нашел ли он то, что искал. Единственным наглядным достижением Третьей Экспансии было обнаружение некогда позабытого Эплтона с колонией не-существ и его последующее завоевание. Остальное терялось во мраке, таком же непроглядном, как космическая тьма. Но, похоже, таинственные искания Триумvirата успехом не увенчались, так как вскоре покорение космоса было окончательно свернуто, и Триумvirат решил довольствоваться синицей в руках – то есть загнанным в ловушку человечеством.

По счастью, некоторой части человечества удалось избежать страшного капкана. Например, будущему Салему, а в те времена прославленной Свободной Торговой Колонии – созданному в результате Второй Экспансии мощному и процветающему феодальному государству, у которого еще задолго до воцарения Черного Триумvirата начались столь существенные идеологические, политические и экономические разногласия с правительством Федерации, что дошло до серьезного и затяжного военного конфликта. В результате кровопролитной Тридцатилетней Войны Свободная Торговая Колония потеряла миллионы жизней, но отвоевала право на независимость и вышла из состава Федерации.

Схожим образом спаслась и основанная выходцами из Братского Блока Священная Ортодоксия. Молчаливые и суровые, одетые в черные с золотыми крестами мундиры воины Ортодоксии расправились сперва с чиновниками Федерации, жаждавшими повсюду насадить свои порядки, а следом и с прибывшими на помощь чиновникам войсками. Долгие месяцы полыхали костры, в пламени которых поджаривались посланцы обезумевшей метрополии и сочувствующие им. Дым от костров поднимался к небу. Когда огонь погас, и пепел был развеян по ветру, Ортодоксия разорвала с Федерацией все отношения.

Уцелела и Луизитания, будущая обитель Синдиката Крайм-О, а в те незапамятные времена – Федеральная Тюрьма № 1892. Открытая еще во время Первой Экспансии, планета обладала гигантскими залежами полезных ископаемых и суровым климатом, поэтому к моменту Второй Экспансии давно превратилась в ссыльную тюрьму строгого режима. Сюда милосердные лидеры Федерации десятками тысяч отправляли политических противников, отпетых уголовников, ярых рецидивистов, террористов, а впоследствии – граждан, обладающих врожденным неизлечимым иммунитетом к вирусу Унификации. Луизитания была далеко не единственным местом подобного рода, просто – самым известным. За десять лет до воцарения Триумvirата вспыхнул крупномасштабный тюремный бунт, когда заключенные перебили охрану, взорвали Центральный Терминал, объявили себя независимым государством Республикой Луизитания и вышли из состава Федерации.

Пагубное правление Триумvirата также обошло стороной систему Зеленой Лиги Джихада, Области Великой Монголии, колонию Новый Пекин и несколько отдаленных и малона-

селенных планет, лежавших на самой дальней периферии исследованного людьми космоса – будущие Особые Территории – среди которых, в частности, были Дезерет и Каенн.

Все эти такие непохожие миры, терзаемые разногласиями и жестокими внутренними противоречиями, нашли в себе силы объединиться и составить единый оплот противостояния Черному Триумvirату, выстоять и победить.

Но с тех пор минуло пять столетий, и человечество начало забывать, насколько тягостной была борьба, насколько чудовищной была диктатура Триумvirата, скольких человеческих жизней стоило Освобождение. Память человеческая коротка... слишком коротка.

И все же, кто-то должен был помнить. Кто-то должен был!

Спустя стандартный год после Освобождения все пережившие Финальную Сопричастность Человеко-конструкты покинули бывшую столицу Федерации, павшую столицу технократического государства, ныне захваченную войсками Свободного Мира, и ушли. Далеко-далеко в глухих лесах Ч-конструкты основали собственное поселение, и таким образом было положено начало истории луддитской Коммуны, провозгласившей своим основным принципом полный отказ от машин.

Почти половина из этих семи тысяч наивных и храбрых Ч-конструктов скончались в первую же суровую зиму. Они сотнями гибли от холода, недостатка пищи, ранений и, что самое скверное, от неведомых обычным людям страшных генетических заболеваний. Далеко не все Ч-конструкты сохранили способность размножаться обычным путем, то есть, без помощи Сот Детопроизводства. Но выжившие упорно продолжали строительство своего маленького утопического общества. Они учились. Они заново изобрели человеческую речь, огонь и колесо. Они строили хижины, охотились и рыбачили, шили одежды из шкур диких животных. Второе поколение Ч-конструктов, зачатых и рожденных естественным путем, в отличие от своих несчастных отцов и матерей, уже гораздо больше напоминали обычных людей. И они не помнили Сопричастующую Машину.

Годы шли, Коммуна разрасталась, крохотное поселение превратилось в каменный город, названный Мэмфордом. Луддиты заново открыли колесо, телеги, плуги, прялки, луки и арбалеты. В городе работали небольшие кустарные мастерские – но на этом уступки прогрессу заканчивались. Коммуна навсегда застыла на переходной ступени от дикарского строя к средневековью.

Со временем Коммуна сделалась местом паломничества для людей из Вовне – как называли луддиты Империю, основанную на руинах государства Черного Триумvirата. Кто-то искал здесь Святой Грааль, кто-то жаждал экзотики и новых впечатлений. Луддиты благодушно принимали всех: безумцев, поэтов, лжепророков, мессий, визионеров, просто отчаявшихся и одиноких. Здесь искали убежища убийцы, казнокрады, воры и преступники – ибо действие имперских законов официально не распространялось на территории Коммуны – искали и зачастую не находили.

Дело было не в том, чтобы попасть сюда, хотя и это удавалось далеко не каждому. Главное – надо было еще суметь удержаться здесь. Луддитская Коммуна была чрезвычайно закрытым сообществом со сложными внутренними правилами, которые складывались столетиями, с жестокими законами, многие из которых были неписаными, но нарушение их каралось немедленным изгнанием, а то и смертной казнью. Сам образ жизни луддитов был причудлив и архаичен, точно так же, как язык, на котором они изъяснялись. Почти все пришельцы из Вовне, в конце концов, уходили.

Но некоторые, самые упорные, оставались, и тогда неотвратимо менялись, ибо Коммуна давно превратилась в особый, тайный мирок, уверенно хранивший и оберегавший свои секреты.

И частью их было Слияние с Духом.

Тем прохладным, но солнечным, утром, братья и сестры собрались на главной площади Мэмфорда, главного города Коммуны. Здесь не шел дождь, и небо было совершенно безоблачным, высоким и ясным.

Служки в красных накидках и капюшонах обошли каждого из братьев и сестер, раздавая горсти сушеных грибов, обладающих особыми свойствами. Эти галлюциногенные дары природы луддиты в больших количествах собирали осенью, заготавливали и впоследствии круглогодично использовали для церемоний Слияний.

С каменного возвышения в центре площади за ходом ритуала наблюдал мэр Коммуны, пятидесятидвухлетний Грегори Даймс, облаченный в торжественные и страшно неудобные черные одежды, вручную расшитые золотыми нитями. Более всего Даймса донимали шерстяные церемониальные кальсоны, кусающие за самые интимные места. Он украдкой почесывался и бранился на незнакомом луддитам языке – наречии чужака из Вовне.

– Чертовые кальсоны. Чертов дождь! Чертовые... Ч-конструкты!

Убедившись, что каждый из пяти тысяч присутствующих получил и употребил свою порцию грибов, Даймс успокоился, сел, скрестив ноги, улыбнулся своей юной возлюбленной Люси, которая находилась в первом ряду, и заговорил, призывая Духа.

– О, Дух, наш невидимый заступник, защитник от морока машин, внемли нам, преданным детям твоим. Богиня Технология, мы отрицаем тебя.

– Отрицаем! – тысячами голосов отозвались луддиты, опускаясь на заранее расстеленные на гладких камнях соломенные циновки.

– Наука, мы отрицаем тебя! – продолжал Даймс. – Прогресс, мы отрицаем тебя! Храм Разума, стальное сердце Трансгуманизма, пылающее святилище Заблуждения, мы сокрушили тебя и на обломках твоей надменной Гордости воздвигли священный алтарь Любви! Отрицание, освобождение, очищение, возрождение! О, Дух! Даруй нам Забвение! Забвение! Забвение!

Закрыв глаза, юная Люси, как и тысячи ее соплеменников, последовала за сильным голосом Даймса, будто за путеводной звездой. Тьма перед ее плотно сомкнутыми веками постепенно светлела, пока не рассыпалась мириадами сочных красок. Дух вошел в нее, наполнив и напитав тело и душу теплой, как материнские руки – любовью. Люси знала, что те же самые чувства сейчас испытывают тысячи ее братьев и сестер. Сознания их переплелись и сплывались воедино, подобно рекам, вливающимся в единый океан гармонии. Люси радостно плыла по течению, захваченная общим потоком, смеясь и танцуя, ощущая себя обновленной, сильной, цельной, чистой, здоровой.

– Любовь, – шептали ее губы, – любовь, любовь...

И вдруг счастье закончилось, и начался ужас. Тепло сменилось мертвенным холодом, а чистые воды райского океана потемнели от крови и сделались отравленными и горькими, как трава полынь. Студеный поток закрутил ее, как щепку, и вышвырнул на берег скорби. Корчась от боли и страха, она беспомощно смотрела, как ее обступают древние боги, воюющие и стенающие призраки, алчущие козлоногие демоны похоти и голода. Могильные черви, смердящие чудовища, обитающие на пепелищах языческих капищ, ожившие деревянные идолы набросились на нее, терзая, мучая, вгрызаясь в незащитную плоть...

В отчаянной попытке спастись от нескончаемой пытки девушка распахнула невидящие глаза и отчаянно закричала. Ее крик слился с криками сотен ее сородичей, только что переживших абсолютное погружение в тот же мучительный кошмар. Площадь превратилась в бурлящее человеческое море.

Наблюдающий за этим с возвышения Грегори Даймс один остался спокоен среди страстей и хаоса. Мимолетная улыбка скользнула по его губам. Он видел это... и знал, что это – знамение. Знамение грядущих великих перемен, которым будет суждено уничтожить величайшую в истории Империю.

4

В тот же миг он услышал голос внутри своей головы; мягкий манящий шепот, густой, сладкий, обволакивающий, растворяющий, как топленое молоко. Зов. Он поднялся, извинившись перед клиенткой, которая зашла за советом по поводу своих семейных неприятностей. Он не гнушался оказывать и эти услуги. В черной визитной карточке с вензелями так и значилось: специалист широкого профиля.

Поглаживая узкую бородку, он раздернул бархатные портьеры, открыл дверь и вошел в небольшую комнату без окон, со стенами и потолком, выкрашенными черной с пурпурным отливом краской. Мрак угрюмой каморки разгоняли несколько тускло мерцающих свечей из красного воска, накрытых стеклянными колпаками. Он запер двери на ключ и бережно достал из стенной ниши хрустальный шар. Какое-то время тот оставался тусклым и мертвым, но постепенно, согреваясь в его руках, ожил. Внутри шара вспыхнул свет, разгораясь все ярче, подобно погребальному костру, и вот – он увидел...

Мрак, Гибель, Красную Смерть. Братоубийственную войну и восходящего на трон величайшего в истории Тирана. Он увидел все это и улыбнулся, когда сквозь алые всполохи грядущих катастроф и мареновое мерцание проступило нечеловеческое лицо и прошептало одно слово:

– Скоро.

И шар погас, наполнив его радостью и нетерпением.

Но пора было вернуться к обыденным делам. Клиентка терпеливо дожидалась его возвращения, и он не обманул ее надежд, протянув треугольный флакон темно-синего стекла, внутри которого плескалась загадочная жидкость.

– Две капли питья в утренний кофе вашего мужа, мадам, и он больше никогда не вспомнит о своей любовнице.

– Спасибо.

– Что вы. Вам спасибо. Приходите еще. Непременно.

5

В тот день Три-Ви с таймером включился без семи минут семь утра, разбудив Шарлотту Лэнгдон бравурной мелодией военного марша – гимном Империи, который представлял собой слегка видоизмененный старинный гимн Священной Ортодоксии. Под высокопарный строй литавр и валторн Шарлотта распахнула глаза и зевнула.

– Доброе утро, – сказала она потолку.

Немного эксцентричная привычка – начинать утро, здороваясь с потолком, но с тех пор, как месяц тому назад Шарлотту бросил муж, она обзавелась несколькими эксцентричными привычками. Например, маниакальной страстью к разгадыванию кроссвордов или пристрастием к шоколадным батончикам.

Лэнгдону недавно исполнилось сорок пять. Упитанный и по-чиновничьи представительный, он занимал должность первого заместителя директора столичного департамента образования. Отличный заработок, большие перспективы служебного роста. В будущем Лэнгдону прочили пост министра образования, и не столицы, а имперского кабинета. Впрочем, все это не имело значения, потому что одним прекрасным вечером, вернувшись со своей скучной бюрократической работы, Лэнгдон уселся прямо в коридоре на скамеечку для ног и начал что-то мямлить, не глядя на Шарлотту. Кажется, объяснял, что пока им придется повременить с покупкой новой шубки для нее. Или нет. Кажется, он нашел Любовь Всей Жизни.

– Так получилось.

– Да.

– Ты ни в чем не виновата... никто ни в чем не виноват.

– Да.

– Не волнуйся о бумагах на развод, я сам займусь этим.

– Да.

– Квартиру я оставляю тебе.

Как мило с его стороны. Квартирку трудно было назвать шикарной, но все же она была достаточно уютной и просторной, и недалеко от цветочного магазина, где работала Шарлотта. Она поцеловала мужа в щеку. Лэнгдон был потрясен.

– Ты не поняла? Я ухожу от тебя.

– Нет, я все поняла.

– Что ты делаешь?

– Собираю твои вещи.

– Неужели ты не хочешь...

С этой неоконченной фразой Лэнгдон навсегда исчез из ее жизни, оставив ей свою квартиру и свою фамилию. Не Бог весть какие приобретения, но, пожалуй, лучше, чем совсем ничего.

Еще разок зевнув, Шарлотта села, облокотясь на подушку, и потянулась за первым за день шоколадным батончиком. Апельсиновый джем, нуга и карамель, как она надеялась, заполнят эту зияющую пустоту внутри. Кусая и смакуя, Шарлотта посмотрела утренний выпуск новостей всеимперской вещательной государственной сети ИСТИНА инк., в глубине души надеясь, что именно сегодня бодрые, подтянутые, высокооплачиваемые ведущие объявят о наступлении Армагеддона, Судного Дня или чего-то в том же освежающем духе... но – увы. Государь Император посетил какие-то скачки; парламент слаженно провалил очередную бездарную реформу Верховного Канцлера Милбэнка; в моду после долгих лет забвения вновь вошли рюши и оборки.

Выпуск новостей сменился прогнозом погоды. Сюрпризов на сегодня не намечалось. Благодаря сложной системе биокуполов и бесперебойной работе метеоспутников погода в сто-

лице всегда была предсказуемо великолепной. Зимы походили на глянцевые рождественские открытки, весны напоминали работы импрессионистов, осени заставляли вспомнить полотна Ван Гога, а летние деньки всегда были солнечными и ясными, разве иногда пойдет дождь, приятный, как теплый душ.

Шарлотта не любила душ – предпочитала принять ванну. Чем и занялась, пустив горячую воду и хорошенько взбив ароматную пену с запахом лимонов и клубники. После чего, свежая и благоуханная, она выпила чашку крепкого кофе без сахара и сливок, оделась, подкрасила губы и ресницы и уложила свои длинные, тяжелые, густые каштановые волосы. Потом схватила сумочку, затолкала в нее ключи, два шоколадных батончика – на обед и ужин, книжечку кроссвордов, чтобы скоротать время в пробках, и выскочила за дверь. Ей предстоял долгий, тяжелый день.

Цветочный магазин Либера, где Шарлотта работала, поставлял галерее Торнтонов цветы для вернисажей, выставок и *перформансов*. Некогда галерея была чопорным, академическим заведением, но с тех пор, как хозяйкой здесь стала леди Серафина Милфорд, шестая жена лорда Торнтон, галерея превратилась в ультрасовременное, модное, скандальное местечко, популярное не только у богемы, но и у богатых обывателей, жаждущих острых ощущений.

Расположенная на сотом этаже Копилки, галерея разделялась на три части. Первый зал предназначался для полотен старинных и прославленных художников, второй – для картин молодых дарований. А вот третий зал был совершенно особенным, и представлял собой нечто среднее между кунсткамерой, орудием изощренных пыток и святилищем. Белый пол, белый потолок, черные стены и повсюду – зеркала. Огромные, в человеческий рост, и крошечные, не больше ногтя мизинца, старинные, помутневшие от времени и новые, в массивных бронзовых, покрытых позолотой, деревянных, пластиковых и стеклянных рамах. Здесь, бродя среди зеркал и среди своих неисчислимых отражений, человек должен был постигать самое совершенное, самое низменное, самое лживое, коварное и прекрасное из произведений искусства – самое себя. Обычно этот зал пустовал.

Сейчас, находясь во втором зале (для молодых дарований) Шарлотта расставляла по вазам цветы, лихо щелкая садовыми ножницами, и рассматривала выставленные картины, большинство которых выглядело так, будто их рисовали умственно отсталые дети. Хотя она ничуть не сомневалась, что всегда найдется богатый простофиля, готовый выложить миллион-другой за каждый из этих шедевров абстрактного искусства.

– Добрый день, – вдруг сказал ей кто-то в спину тихим, приятным мужским голосом.

Шарлотта терпеть не могла, когда к ней подкрадываются и что-то шепчут на ухо. Она резко развернулась, разведя руки в стороны так, что ножницы раскрылись и превратились в смертельное оружие, и нацелила стальные лезвия в подбрюшье элегантного темно-синего костюма, изысканную компанию которому составляли белоснежная сорочка, безупречные ботинки и галстук, похожий на поэму в прозе.

Шарлотта подняла взгляд выше галстука. Он был очень недурен собой. Лет тридцати. Высокий, светловолосый, гладковыбритый, широкие плечи, прямой нос, твердый подбородок. Дело портил его ледяной, акулий взгляд. Похоже, важный делец. Здесь, в Копилке, важных дельцов было больше, чем тины в застоявшемся болоте. Время от времени эти корпоративные монстры покидали естественные ареалы обитания – казематы своих шикарно обставленных кабинетов – и фланировали по коридорам Копилки, одетые с иголки, бледные, как призраки, выжатые деланьем денег, как лимоны, скучные, как семь смертных грехов, и все с акулиными глазами. Шарлотте не нравились эти парни, уж больно они походили на тени Аида.

– Эй, кто-нибудь дома? – спросил делец и пощелкал у Шарлотты пальцами перед самым носом.

– Вы что-то хотели?

– Я хотел видеть леди Милфорд.

- Леди Милфорд вышла.
- Давно ли?
- Полчаса тому назад примерно.
- Куда?
- Леди Милфорд мне не говорила.
- А когда вернется, она вам тоже не говорила?
- Нет.
- А ее секретарь?
- Тоже ушел. Обедать.
- Ясно. Ну, а вы? Вы здесь работаете или что.
- Не совсем. Я из цветочного магазина.
- Откуда?

– Из цветочного магазина Либера. Мы поставляем галерее цветы для различных торжественных мероприятий. Сейчас, как видите, я оформляю цветочные композиции для сегодняшнего *перформанса*.

Стекленея серыми глазами, делец обдумал эту, несомненно, бесценную и важную для него информацию. Потом сообщил, что леди Милфорд должна была ждать его в галерее в два часа и отдать какую-то безумно антикварную и очень дорогую сахарницу.

- О-о... дорогую? Насколько дорогую? – спросила Шарлотта.

Признаться, она не ждала ответа, но делец без тени смущения озвучил сумму. От потрясения Шарлотта едва не рухнула во всамделишный обморок. Не верилось, что кто-нибудь в здравом уме способен выложить подобные астрономические деньги за фарфоровую безделушку. Ей понадобилось некоторое время, чтобы оправиться от финансового шока.

– Разумеется, это не мое дело, но вам действительно так нужна эта вещь? Почему бы вам взамен не приобрести что-нибудь практичное, блестящее, хромированное.

Кажется, он был малость сбит с толку.

- О. Например.

– Кухонный комбайн. Или кофеварку.

– Да, пожалуй... но вы бы попробовали убедить в том мою сестру. Она славная, прелестная девчушка, но малость повернута на коллекционировании никому не нужных, очень редких антикварных вещей. Если она не получит свою сахарницу, то снимет с меня семь шкур.

При взгляде на его суровое лицо не верилось, что кто-то может повернуть над ним такую процедуру.

– Ох... если это так важно... я пойду, поищу леди Милфорд. Точно не знаю, но, кажется, она может быть в парикмахерской. Вы подождете десять минут?

- Да. Пойдите-ка.

Шарлотта приостановилась, любовно прижимая к груди в розовой форменной блузке здоровенные, острые, будто турецкие сабли, садовые ножницы.

– Странно, конечно, и, в принципе, не имеет никакого отношения к делу, но вы так и пойдете – с ножницами? – сказал он.

- Да. Лучше прихвачу с собой, а то кругом столько ненормальных бродит...

– Я нормален, – сказал он очень убежденно.

– Я вам верю, только, знаете, вот именно так все ненормальные и говорят.

- Тоже справедливо, – сказал он.

Шарлотта решила прекратить этот странный разговор, мило улыбнулась и отправилась за Серафиной. Та и впрямь оказалась недалеко – двумя этажами ниже, у своего парикмахера, который при помощи горячих щипцов и лака приводил в живописный беспорядок ее бело-снежные локоны.

– Что-то случилось? – спросила она, глядя на Шарлотту огромными, лучистыми, будто у эльфа, прозрачными глазами.

Леди Милфорд была существом двадцати лет от роду, сладостным, как большая-пребольшая порция взбитых сливок. Одевалась Серафина всегда в персиковое, белое и золотое, любила мятные карамельки, играла на арфе, называла мужа папулечкой. Надо ли упоминать, что юное, невинное, обворожительное создание отличалось редкостной глупостью и вздорным нравом. Зная о том, Шарлотта старалась лишний раз не раздражать ее.

– Простите за беспокойство, леди Милфорд.

– Нет, нет. Я рада, что ты зашла, а то я здесь умираю со скуки. Присядь, расскажи мне что-нибудь интересное.

– Я бы с большим удовольствием, леди Милфорд, но мне надо работать...

Серафина капризно наморщила нос, еле заметно перепачканный сверкающей розовой пылью Мыслераспылителя. Именно нанюхавшись этой дряни, она делалась невообразимо несобранной и забывала о важных встречах и антикварных сахарницах.

– Работать... фи, какая скука! Вот папулечка всегда говорит: нам, высшему сословию, есть чему поучиться у простых людей. Не понимаю, почему он такое говорит? Сам, бывало, хватит за ужином лишку, берет хлыст и гоняется по всему дому за лакеями, мол, воруют наше столовое серебро. Догонит, хлыстом по спине оприходует, объяснит, что воровать – нехорошо. А так добрее души человека, чем мой папулечка, в целом свете не сыскать!

Шарлотта была настолько зачарована этим коротеньким рассказом, что с трудом вспомнила о цели своего визита.

– К вам в галерею зашел какой-то тип... если честно, он страшно зол, буквально вне себя. Говорит, вы должны были в галерее в два часа и отдать ему какую-то штуку, вроде бы антикварную сахарницу.

– И? – проговорила Серафина безмятежно.

– Возможно, вам стоит подняться и отдать ему эту вещь, – предположила Шарлотта.

– Возможно? – повторила Серафина с сомнением.

Шарлотта не знала, что еще прибавить.

– Хмм. Пожалуйста?

– Ох... раз ты просишь.

Когда они прибыли на место (отчего-то так и хотелось прибавить – преступления), делец расхаживал туда-сюда, время от времени бросая неприязненные взгляды на абстрактную живопись. Едва ли с большей симпатией он поглядел на Серафину.

– Где тебя черти носят, душенька.

– Простите, я совсем забыла, что вы должны были зайти сегодня.

– Как это возможно. Я ведь дважды предупредил тебя, что зайду. Один раз – утром, а второй – в час дня. Ты обещала, что будешь на месте.

– Я ведь объяснила – забыла.

– А голову на шею ты утром надеть не забыла, душенька? – холодно осведомился делец.

Шарлотта почти не удивилась, когда леди Милфорд с непререкаемой серьезностью потрогала свою модно стриженую макушку. Да, голова ее была на месте. До поры до времени.

– Как вам моя новая стрижка? Мне идет?

– О чем разговор, душенька, ты обворожительна.

– Хорошо. Подождите минутку. Сейчас я вам принесу вашу дурацкую перечницу.

– Сахарницу, – поправил делец ровно.

– Ах, как вам угодно.

Неспешным облаком Серафина уплыла в свою антикварную лавку. Шарлотта опять взялась за ножницы и пульверизатор, а делец глянул на наручные часы и негромко ругнулся.

– Спасибо, что привели ее.

– Не за что.

Признаться, Шарлотте сделалось чуть неловко. Она ощущала, как делец проводит смотр ее достопримечательностей, деликатно, исподволь, но все же. Взгляд его пропутешествовал по ее спине и спустился чуть ниже, правда, всего на мгновение-другое. Когда Шарлотта покосилась на него, он с преувеличенным вниманием рассматривал цветочные композиции в фигурных вазах из прозрачного синего стекла.

– Вы сами смастерили это? – спросил он, наконец.

Смастерила? Боже. Что за высокомерный тип. Она три дня корпела в поте лица над этими виртуозными цветочными композициями, и особенно много времени потратила на замысловатые украшения из лент, стразов и стекляруса.

– Сама.

– Выглядит неплохо. Давно занимаетесь этим?

– Уже шесть лет. Устроилась на работу по объявлению. Мистер Либер оказался настолько добр, что взял меня. Магазин у нас небольшой, но в центре, арендная плата очень высока, и он не мог позволить себе нанять дипломированного флориста. Но за эти годы, надеюсь, я сама обучилась кое-чему.

Делец не сумел скрыть эмоций, вызванных ее рассказом. Нестерпимой скуки. И желания оказаться за миллионы световых лет отсюда.

– У вас с галерей контракт?

– Нет. Своего рода соглашение.

– Какого рода?

– Ну... мистер Либер... хозяин магазина... когда-то работал садовником у лорда Торнтона, но не у нынешнего лорда Торнтона, а у его отца. Потом мистер Либер вышел на пенсию и решил открыть собственное дело, и лорд Торнтон предоставил ему ссуду... практически безвозмездную.

Делец обдумал это и вздохнул.

– Так вы, что ли, работаете здесь бесплатно? Такое у вас соглашение?

– Не совсем. Нам оплачивают материалы и расходы на доставку... и потом, дело не в деньгах, а в престиже. Сам факт, что наш магазин обслуживает картинную галерею лорда Торнтона – самая лучшая реклама, какую только можно вообразить.

Ее воодушевление касательно отменной рекламы цветочного магазина привело к неожиданному результату.

– Знаете... – протянул делец.

– Да?

– После того, как душенька отдаст мне эту антикварную штуку, я собирался пойти выпить кофе. Не хотите ли составить компанию.

Шарлотта вовсе не сочла эту затею замечательной.

– Благодарю, но мне надо работать.

– Возможно, вы могли бы сделать перерыв. Я бы угостил вас вкусным ленчем. Вы выглядите... не обижайтесь... малость худосочной. Молодые девушки сейчас слишком увлекаются диетами. Питаются листочками салата и минеральной водой. От этого можно заболеть, даже умереть. Слечь с анемией, к примеру.

– Я умирать не собираюсь, уж точно не от анемии, – сказала Шарлотта несколько раздраженно, задетая его назидательным тоном, – но спасибо за заботы.

– Ну, что ж. Я не хотел быть навязчивым. Просто подумал, что вам не повредит чашка кофе и бифштекс с кровью.

– Бифштекс? С кровью? О, вы знаете подходы к дамам, – не сдержалась Шарлотта.

– Правда? – сказал он, приподняв темную бровь.

– Господи Боже! Нет!

По счастью, вернулась Серафина с сахарницей, которую завернула в самую грязную и замасленную тряпицу, какую только сумела найти.

– Какое счастье, – сказал делец кисло, забирая у нее причитающееся, – итак, сколько я тебе должен, душенька.

– Нисколько. Папулечка уже заплатил. Он сказал, вернете, когда захотите. Или можете не возвращать. Так он сказал. Надеюсь, вы зайдете ко мне сегодня вечером. И жену приводите. Вдруг ей что-то понравится, – сказала Серафина и кивнула на картины. – Знаете, подберете что-нибудь подходящее для гостиной. Или спальни.

– Благодарю за приглашение, душенька. Что ж, зайду. До свидания.

Проводив дельца, Серафина плюхнулась на невыносимо экстравагантную оранжевую банкетку и принялась рыться в карманчиках своих персиковых одежд.

– Дорогуша, тут тебе еще долго? – спросила она Шарлотту.

– Нет, я уже почти закончила. Посмотрите, что думаете, леди Милфорд.

– Пожалуй, мне нравится. Черт! Куда запропастился мой секретарь? Когда вернется, я его уволю... точно уволю! Спасибо, что позвала. Seriously, неохота связываться с этим типом, да еще из-за какой-то фарфоровой безделицы. До чего же неприятный человек.

– Вы его знаете? – осторожно спросила Шарлотта.

– Кто же его не знает, – сказала душенька Серафина слегка удивленно.

– Я, – ответила Шарлотта честно и правдиво.

– Да ведь это же был лорд Ланкастер, – проговорила Серафина, продолжая быть слегка удивленной.

– Кто?

– Лорд Ланкастер.

Мозг Шарлотты напрочь отказывался воспринимать столь поразительную информацию. Мифический грифон? Легендарный Феникс? Сцилла и Харибда? Волшебный единорог? Лорд Ланкастер?

– Кто-кто?

– Лорд Ланкастер, – вновь повторила Серафина, – Ланкастеры. Корпорация «Ланкастер Индастриз». Лорд Джек Ланкастер. Ланкастеровский Деловой Центр. Неужели ты никогда ничего об этом не слышала?

Господи! Кто же не слышал о Ланкастерах? Ланкастеры ведь были такими ошеломляюще знаменитыми. А еще они были несусветно богатыми. И главное – это имя было написано на здании, где они находились прямо сейчас. У Шарлотты задрожали колени.

– Он? Это был он?

– Да.

– И вы с ним знакомы?

Серафина нащарила в карманчике заветную серебряную шкатулочку и открыла, поддев крышку бело-розовым ногтем. Шкатулочка была до краев полна слюдяно-мерцающим порошком – отборным Мыслераспылителем, сильным синтетическим наркотиком, производившемся на основе услада-плюс четвертной очистки.

– Если тебе интересно...

– Да, – только и сумела выговорить Шарлотта немеющим языком.

Серафина оживилась, обрадованная возможностью позлословить.

– Не могу сказать, что я так уж близко с ним знакома. Вот мой муж – другое дело, они с детства лучшие приятели, их прямо водой не разольешь. Только, если хочешь знать мое мнение...

Серафина прервалась, чтобы напудрить носик щепоткой удивительного и волшебного порошка, взбодрилась и продолжила.

– Так скажу, человек он по-настоящему неприятный. Очень себе на уме. То есть такой парень – смотрит на тебя, и никогда не поймешь, о чем он думает. Увольняет клерков за малейшую провинность. Любит приложиться к бутылке – ну, это у них семейное. А его жена, бедняжка... у нее всегда такой испуганный вид. Я ни на что не намекаю, но выводы ты можешь сделать сама.

Шарлотта не стала бы торопиться с этими самыми выводами. Кто знает, что могло напугать леди Ланкастер. Вдруг она увидела мышь. Или привидение.

– Дорогуша.

– Да, миледи.

– В последнее время ты такая рассеянная, в чем дело.

– Прошу прощения.

Из очаровательного носика Серафины пролились две капли крови, которые она небрежно смахнула ладонью.

– Я тут заболталась с тобой, а ведь хотела попросить об одолжении. Ты ведь в курсе: у меня вечером важное мероприятие. Как назло, что-то стряслось с одной из официанток. Кажется, она внезапно умерла или что-то подобное.

И я вспомнила, ты рассказывала мне, что работала официанткой. В устричной.

Шарлотта в жизни не работала официанткой, да еще в устричной. Леди Милфорд определенно что-то путала. Кто-то должен был набраться духу и объяснить ей, что наркотики разрушают мозг. Но зачем ей был мозг? Она была женой лорда Торнтон... о Господи!

– Леди Милфорд, честно говоря, я...

– Хорошо. А пока пойдешь, свари мне какао.

Вот такой была Серафина Милфорд. Вздорной, глупой, избалованной пустышкой, и все же, неужели она заслужила ужасную смерть, постигшую ее полтора года спустя, когда осколком взбесившегося зеркала ей отрезало голову? Всегда ли мы получаем то, что заслуживаем? Как знать.

Глава без номера

Перфоманс

Кит вернулся в свой кабинет, затолкал очень дорогую и очень антикварную сахарницу в ящик письменного стола, опустился в Начальственное Кресло и, выстукивая кончиками пальцев дробь по крышке стола, стал смотреть на вешенные на стене кабинета белоснежные мраморные доски.

На первой было выбито золотом:

У занятой пчелы нет времени для скорби

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

а на второй красовался, также выбитый золотом высшей пробы, буквами в тридцать дюймов высотой каждая, девиз Корпорации:

«ЛАНКАСТЕР ИНДАСТРИЗ»

МЫ СВЯЗУЕМ СУДЬБЫ

Обе доски хранили секреты.

Под первой скрывался стальной сейф, под второй – доска для игры в дартс.

Доска для игры в дартс досталась Киту в наследство от Печально знаменитого прадеда Мэттью Ланкастера. Все предки Кита были чем-нибудь, да знамениты, некоторые и печально. Но по-настоящему Знаменит был лишь лорд Джек. А Мэттью Ланкастер был знаменит именно Печально.

Семнадцатый лорд Ланкастер возглавил Корпорацию в возрасте тридцати лет. Он был фанатично предан работе, безукоризненно честен, религиозен, всегда безупречно одет и гладко выбрит. Тринадцать лет его правления Корпорация процветала. Он принимал правильные решения и вел дела твердой и справедливой рукой.

А потом что-то произошло. Изменения начались исподволь. Сначала Мэттью стал являться на работу обросший щетиной и без галстука. Потом перестал интересоваться деятельностью Корпорации, зато принялся тщательно штудировать книги и документы, посвященные деятельности тайных орденов. Повсюду ему мерещились благородные рыцари в алых плащах и работающие строители-каменщики. Мэттью перестал не только бриться, но и умываться, и чистить зубы, расхаживал в лохмотьях и, по свидетельствам очевидцев, напоминал повредившегося умом монаха-схимника. Запершись на ключ в своем кабинете, он или молился, или горько пил, или строчил петиции Правительству и лично – Императору Константину Четырнадцатому (деду нынешнего Императора). В петициях Мэттью Ланкастер требовал **РАЗОБЛАЧИТЬ, ВЫВЕСТИ НА ЧИСТУЮ ВОДУ, ПРИЗВАТЬ К ОТВЕТУ и НАКАЗАТЬ.**

Его поведение долго казалось окружающим безобидным чудачеством эксцентричного миллиардера. Вплоть до знаменитого заседания совета директоров, на которое Мэттью явился

вдруг гладко выбритым, в деловом костюме, с разбухшим от бумаг портфелем и с лучевиком, спрятанным в кобуре под пиджаком.

Войдя в зал заседаний, Мэттью запер двери на ключ, а ключ проглотил и запил водой из хрустального графина. Правда, в тот момент совет директоров ничего дурного не заподозрил. Они сочли, что это очередная милая шутка эксцентричного миллиардера и улыбнулись ему по очереди, строго блюдя субординацию, разумеется. Мэттью тоже улыбнулся им в ответ, давясь ключами. А, пока Мэттью Ланкастер улыбался и давился ключами, заседание продолжалось в обозначенном протоколом порядке. Заседание продолжалось, когда Мэттью, наконец, проглотил ключи, достал лучевик, взвел курок, прицелился и выстрелил. И заседание продолжалось по инерции еще полминуты после того, как милорд убил первого из присутствующих. Рука его не дрожала, глаз был меток и, прежде чем директора успели опомниться и осознать, что происходит, на совести у Мэттью оказался добрый десяток свежих трупов.

Оставшиеся в живых рванулись к дверям и обнаружили, что заперты, а ключи от дверей находятся в желудке их милости. Они столпились у дверей стадом растерянно блеющего скота, на глазах теряя светский лоск, толкаясь, обливаясь испариной, жалобно причитая и требуя немедленно *выпустить их отсюда*; а один имел наглость и несчастье, обернувшись к Мэттью, потребовать объяснений. Тот ничего объяснять не стал, а выстрелил наглецу прямо в лицо.

Согласно легенде, довершив знаменитое заседание, Мэттью Ланкастер по полу, влажному от крови, подошел к окну, распахнул створки настежь, присел на подоконник открыл портфель и принялся разбрасывать горстями с шестидесятого этажа на головы ошеломленным прохожим листовки, написанные от его сиятельной руки. В листовках он призывал арестовать и казнить самого Императора, Верховного Канцлера и еще триста-четырееста человек (самых влиятельных людей Империи, и он указал каждого поименно) за участие в ЧУДОВИЩНОМ ЗАГОВОРЕ. При этом Мэттью Ланкастер счастливо напевал под нос старинную песенку о *милом Августине*.

Мэттью провел около часа, разбрасывая листовки и счастливо напевая, пока его пение и заодно сыплющийся из окон поток листовок не оборвали ворвавшиеся в зал заседаний люди в форме, которые скрутили и арестовали свихнувшегося миллиардера. Впоследствии медицинские эксперты установили, что он страдал серьезным душевным расстройством – быстро прогрессирующей злокачественной формой параноидальной шизофрении. Год спустя он скончался в лечебнице, даже на смертном одре упрямо продолжая твердить о чудовищном заговоре в высших эшелонах власти.

В сухом остатке драматического заседания имелось одно тотальное сумасшествие и тридцать пять трупов. Единственным выжившим в результате той стародавней резни оказался непотопляемый председатель совета директоров Виктор Мерфи, получивший хоть и крайне тяжелое, но не смертельное ранение – выстрелом ему перебило позвоночник. Именно с тех пор он навечно оказался прикован к инвалидному креслу и точил на Ланкастеров острый фарфоровый зуб.

Очаровательная история, с какой стороны ни глянь. Доска для игры в дартс была ей под стать – такая же очаровательная. Мэттью заказал ее недели за три до устроенной им бойни. Украшал доску портрет Великого Магистра, а дротиками служили мятные леденцы на длинных, отточенных в виде стрел, деревянных палочках с перышками, завернутые в вощеную бумагу. Леденцовые дротики были выпущены фармацевтической компанией Эймса в количестве двухсот штук – эксклюзивно для старины Мэттью. Леденцы давно мумифицировались, лицо Великого Магистра, нарисованное на белом шелке тушью, выцвело, запылилось и потускнело, оставшись туманным напоминанием о безумствах прадеда. Впрочем, доску Кит любил демонстрировать деловым партнерам после завершения удачной сделки и двух-трех стаканчи-

ков бренди. На важных дельцов это производило неизгладимое впечатление – живое, наглядное *memento mori*³.

Что касается сейфа, то он стоял пустым. Одно из немногих действительно толковых назиданий, выданное Киту отцом касательно ведения дел, и вполне достойное быть выбитым золотом на мраморной доске, гласило дословно следующее:

Никогда не храни ничего ценного в стальном сейфе, щенок паршивый.

И Кит неукоснительно следовал отцовскому совету.

– Так, хорошо, – сказал он, в сотый раз пробежав глазами изречение о занятой пчеле, потом глянул на бронзовые напольные часы. Без десяти три. Время Ободряющего Самовнушения. Приоткрыв дверь, он поглядел на своего секретаря, который ревностно охранял приемную их милости от непрошенных вторжений и варил галлоны крепкого кофе.

– Пожалуйста, в ближайшие десять минут меня ни для кого нет.

– Разумеется, сэр.

Закрыв дверь кабинета на ключ, Кит ослабил узел галстука, снял пиджак, аккуратно повесив его на спинку кресла, и сел за стол, загроможденный докладными записками, статистическими и финансовыми отчетами, сводными таблицами и планами. Рука его нашарила спрятанную под крышкой стола выдвижную консоль. Он нажал кнопку. Два встроенных в потолок верхних светильника погасли, и их милость очутился в мягком, располагающем к неге, полумраке. Заведя руки за голову, он сладко зевнул и с наслаждением потянулся. Сквозь приоткрытую дверь оранжереи до него доносились ароматы орхидей и цветущих апельсиновых деревьев. Над головой его что-то щелкнуло и зашипело, спрятанные динамики ожили и произнесли чувственным женским голосом:

– Семь минут Ободряющего Самовнушения производства компании «Психосоматическое Здоровье», подразделение фармацевтической компании Эймса. Ускоренный Курс особо глубокого и продолжительного воздействия – Избавление от Пагубной Никотиновой Зависимости.

– Этого повторять не нужно, – вполголоса пояснил самому себе Кит, силясь унять приступ неуместного веселья. Жена подарила ускоренный курс на Рождество в красивой коробке, перевязанной лентой, и умоляла отнестись к делу серьезно. Тереза опасалась, что курение убьет любимого мужа раньше, чем спиртное. Или работа.

– Дорогой, знаю, ты настроен скептически, но, говорят, этот курс дает просто фантастический эффект. Тебе ничего не придется делать... просто однажды ты проснешься и поймешь, что тебя больше не тянет закурить.

Кит и впрямь был настроен скептически, но, раз это давало жене надежду – что ж...

– Итак, начнем, – объявил жизнерадостный механический голос, – сядьте и примите максимально удобное положение. Расслабьтесь. Закройте глаза. Глубоко вдохните и выдохните. Повторяйте за мной. Вы – всесторонне развитая, гармоничная личность, обладающая...

– Всесторонне развитая, гармоничная личность, – старательно повторил Кит, кусая губы, чтобы не рассмеяться, – обладающая разумом и силой воли...

– Вы счастливы? – еле слышно спросил механический голос.

– Да, – легко ответил Кит.

Еще бы. Любой другой ответ повредил бы бизнесу.

– Да, вы счастливы, – подтвердил механический голос, – вы счастливы и свободны.

– Я счастлив и свободен...

³ Помни, что [придётся] умирать.

- Вы не раб обстоятельств. Вы хозяин своей судьбы.
- Я не раб обстоятельств, я хозяин своей судьбы...
- Ваш кофе, сэр, – сказал секретарь десять минут спустя, когда Кит, покончив с Ободряющим Самовнушением, с наслаждением закурил.

Потом его с головой захлестнула обычная рабочая рутина, и до восьми вечера у него не было ни минутки свободной. В половине девятого он приехал домой, вручил Терри букетик цветов и был нежно обнят и крепко поцелован. На ужин любимая жена подала куриные грудки на пару и шпинат – целое блюдо шпината.

– Шпинат очень полезен для здоровья, дорогой, – сказала Терри сиятельному супругу, глядя на него с почтением и обожанием. Хотя они и были женаты почти десять лет, муж не переставал повергать ее в почтительный трепет. – Но, если ты хочешь бифштекс, дорогой...

Дорогой страсть, как хотел бифштекс, а еще лучше – кусок свинины с кровью и, если бы он попросил – конечно, получил бы и мясо, и жареный картофель на гарнир, но, с другой стороны, Терри расстраивалась донельзя, видя мужа, беззаботно уплетающего за обе щеки жир, холестерин и токсины мертвых животных. Кит был еще не настолько стар и, тем более, не настолько толст, чтобы его волновала подобная ерунда, но не хотелось огорчать Терри. Никому в здравом уме не захотелось бы огорчать Терри. Она была такая маленькая, светловолосая и кареглазая, пугливая, как прелестный олененок.

– Что ты, дорогая, все очень вкусно, спасибо...

Даваясь пресным шпинатом, он вкратце рассказал жене, как провел день.

– И? Сколько сегодня? – спросила Терри обреченно.

Кит показал на пальцах: два.

– Оба случая ранним утром. Их как раз успели убрать к тому времени, как я приехал в офис.

– Мне жаль, дорогой...

– Послепраздничный синдром. Рождественские каникулы закончились совсем недавно.

Кит не стал развивать тему самоубийств; это уже у него навязло в зубах.

– Ты помнишь, дорогая, Серафина пригласила нас на *перфоманс*.

– Разве это сегодня? – спросила Терри почему-то шепотом.

– Да.

– Серафина...

– Знаю.

– Кит, она мерзкая и противная, – шепотом сказала Терри.

– Да.

– Она наркоманка!

– Знаю, но все-таки она жена Ричарда, как-то неудобно.

– А я думала, мы с тобой сегодня побудем дома.

– Брось, Терри. Поболтаемся пару часиков в галерее, выпьем по стаканчику, поглазеим на знаменитостей, а знаменитости поглазеют на нас.

Было видно, что Терри очень не хочется никуда идти. Кит тоже не горел желанием украшать своей сиятельной особой *перфоманс* Серафины, но, во-первых, иногда следовало появляться на публике, чтобы не прослыть Эксцентричным Миллиардером-Отшельником (это тоже было плохо для бизнеса). Во-вторых, останься он дома, придется разговаривать с женой, а последнее время все их с Терри разговоры сводились к продолжению рода. Она хотела ребенка. Он не хотел ребенка. В-третьих... он еще не придумал, но, наверное, во-первых и во-вторых было вполне достаточно.

– Дорогой, ведь сегодня пятница...

– Вот именно, мы с тобой целую вечность никуда не выбирались. Ты не хочешь идти?

– Прости, Кит.

– Ничего. Я сам съезжу. Побуду пару часиков и уйду. Я закурю, ты не возражаешь?

Терри возражала, очень сильно возражала... а что делать!

– Помогает? – спросила Терри, с грустью и печалью вспомнив о Курсе Ободряющего Самовнушения. – Хоть чуточку, дорогой?

– Да. Помогает. Спасибо, дорогая.

– Если бы ты побывал в Музее Изыщных Искусств, – укоризненно промолвила Терри, заподозрив мужа в обмане, – там есть зал, где хранятся... разные части человеческих тел. Там есть и легкие курильщика. Выглядят точь-в-точь, как печеный инжир. Ты представить не можешь, до чего ужасное зрелище...

Киту доводилось видеть зрелища стократ ужасней чьих-то заспиртованных в формалине внутренностей, но он счел это неподходящим аргументом. Покладисто затушил сигарету, поцеловал жену, поблагодарил за чудесный ужин, принял душ, переоделся и поехал на *перфоманс*.

На *перфоманс* в галерею к леди Милфорд слетелись, словно мухи на горшочек с медом, самые сливки богемных кругов столицы. Кит поздоровался со знакомыми, обсудил погоду и цены на бирже, вооружился стаканчиком и стал с безопасного отдаления наблюдать за бурным кипением светской жизни. Держался он скромно и неприметно, хотя, не кривя душой, мог сотню-другую раз с легкостью продать и купить всех присутствующих (и это не считая чудовищных абстрактных картин). Разве денег было жаль переводить на такую чепуху. Кит предпочитал тратить деньги с пользой.

Смакуя и прихлебывая, краем глаза он наблюдал за Серафиной, которую, признаться, на дух не переносил. Она была пухла, глупа, вздорна до предела, играла на арфе, и все это уже никуда не годилось, но гораздо хуже было другое. По неподдающимся осмыслению причинам Ричард совершенно потерял от нее голову. Из отличного парня, которого Кит знал долгие годы и любил, Торнтон вдруг превратился в сладкого папулечку.

Похоже, исключительно обязанность ходить на работу и общаться с взрослыми, разумными людьми уберегала Ричарда от бесповоротной, неизлечимой деградации. Ибо, допустим, сиятельный лорд Торнтон, здоровенный лось тридцати двух лет от роду, возвращался вечером с работы домой, голодный, усталый, злой, а навстречу миндальным облаком выплывала молодая женушка.

– Где мой ужин? – рычал Ричард, и от рыка его сотрясался потолок, и стены ходили ходуном. – Где моя выпивка? Скоты! По гнусным, виноватым мордам вижу: опять воровали мое столовое серебро! Убью! Где мой хлыст?!

– Папулечка, – лепетала Серафина, – не надо никого убивать, присядь, выпей чашечку чая с молоком, а я тебе пока сыграю на арфе.

Вид персика, терзающей струны сладкоголосого инструмента, воздействовал на Ричарда гипнотически. Теряя рассудок, он истекал слюной низменной похоти и слезами слащавого умиления, делался кротким, как ягненок, выпивал чашечку чая с молоком и сам принимался лепетать что-то беспомощное, растроганное, невероятно пошлое и сальное.

– Персик, марципанчик, пончик, куколка, пойдем, папулечка угостит тебя конфеткой.

От этого кошмара у Кита пересохло во рту, и он сделал еще один большой глоток бодрящей и веселящей жидкости. В голове его созрел великолепный план упиться до бесчувствия и позволить заботливым охранникам доставить домой свое безжизненное, мирно дремлющее тело. Он незамедлительно приступил к воплощению своего великого замысла на практике, как вдруг на глаза попала уже знакомая худосочная дамочка с садовыми ножницами.

Кит моргнул, но нет, зрение не подводило. Это была она. На сей раз без садовых ножниц и не в униформе своего магазина, а в черном платье официантки, в белом переднике и с подносом в руках. Этим подносом она отбивалась от подвыпившего художника, который, насколько понял Кит, загорелся желанием написать ее портрет. Без одежды.

Кит не понимал, что таинственная сила заставила его вмешаться и, тем не менее, подкрался поближе и одним взглядом обратил распоясавшегося служителя Муз в паническое бегство. Дамочка перевела дух.

– Приставучие идиоты, – пробормотала она под нос с омерзением, – липучие, сальные...

– Добрый вечерок, – приветливо выговорил Кит прямо ей в маленькое розовое ухо.

Она обернулась, увидела его сиятельную особу и побледнела, как смерть.

– Ой.

– Что такое.

– Это вы?

– Да, я, а что.

Она донельзя смутилась и неловко попыталась с ним объясниться. Невесть отчего. Кит, в конце концов, вовсе не требовал от обворожительного создания никаких объяснений.

– Дело в том, понимаете... что-то случилось с официанткой, и леди Милфорд попросила меня подменить бедную девушку...

– Ясно. Это ведь душенька Серафина, у нее всегда проблемы.

– А... потом она сказала мне, кто вы... поверьте, я не знала.

Кит не понимал, что за черт дернул его подойти. Хотя стоило извиниться за свое поведение, пожалуй. Она-то его не знала, и наверняка решила, что он только и делает, что разгуливает по зданию и пристает к незнакомым женщинам с непристойными предложениями угостить ленчем. Или с прочими предложениями, куда менее невинного рода.

– Послушайте, я не имел в виду ничего плохого. Просто у вас был такой вид...

– Какой?

– Будто вы чем-то ужасно расстроены. Ладно. Это меня не касается. Забудьте, мисс...

– Миссис Лэнгдон, – пробормотала она.

– А имя у вас имеется? Или мистер Лэнгдон, кем бы он ни был, так и обращается к вам – миссис Лэнгдон?

Черт! Почему он не мог захлопнуться, хоть тресни? Она смотрела на него. Глаза у нее были такие синие, что хотелось ущипнуть себя за локоть и спросить, не сон ли это. Ресницы длинные-длинные. Маленький упрямый подбородок, аккуратный носик, губы, сочные, как пригоршня спелой вишни. Фигурка, невзирая на излишнюю худобу, весьма соблазнительная. Ножки просто чудесные, очень стройные, очень аккуратные. Ей было года двадцать три, может, двадцать четыре.

– Шарлотта, – проговорила она едва слышно.

– Рад познакомиться...

– Попробуйте креветки.

– Мне что-то...

– Или гребешки, очень свежие.

– Пожалуй, воздержусь.

– Тогда сардинки, – предложила миссис Лэнгдон с отчаяньем.

Сардинки Киту не понравились. У них был на редкость унылый вид. Как и у миссис Лэнгдон, честно говоря. Ох. Тоска.

– Благодарю, я не голоден, поужинал дома.

Она слотнула.

– Вы меня теперь уволите?

Кит все еще пытался подобрать подходящие слова, чтобы извиниться за неуместные, спонтанные, идиотские заигрывания, и ее слова застали его врасплох.

– Уволю? За что?

– Я уже шесть лет работаю в магазине Либера, и за это время у меня не было ни единого нарекания... вы можете написать на меня жалобу... моя работа – не Бог весть что такое... но четыре сотни в неделю никому не помешают...

– Написать на вас жалобу? Зачем? Кому?

– Вам, наверное, не понять, для вас четыре сотни в неделю – просто не деньги, но... люди голодают, – закончила она свою маленькую взволнованную речь, почему-то впадая в обличительный пафос.

Кит ничего не мог понять. И кто тут после всего ненормальный.

– Голодают? Как – голодают?

– Ну? Как? Им нечего есть... – проговорило прелестное синеглазое существо, заметно падая духом.

– Возможно, я неправильно вас понял, но лично я не вижу здесь ни одного голодающего. По мне, так этим певцам разложения, меланхолии и декаданса не мешало бы похудеть, уж больно раскормленные у них, лоснящиеся, самовлюбленные физиономии.

Ей не понадобилось смотреть по сторонам, чтобы понять, что в данном случае лорд Ланкастер безоговорочно прав, шах и мат.

– Не здесь, – пролепетала она, тушуясь, – но... в мире...

– Милая девушка, вы все равно не адресу. Я не политик. Вот мой зять, например – да, он политик. Так вот, когда речь заходит о голодающих, он всегда предлагает действовать радикально.

– Накормить этих несчастных людей? – наивно предположила прекрасная цветочница, по совместительству ужасная официантка, приобняв поднос с морскими закусками.

– Нет. Повесить этих несчастных людей. Чтобы другим неповадно было, – отчеканил Кит.

– Боже, – вырвалось у нее, – вы серьезно?

– А вы? Вы что, решили, что я уволю вас оттого, что вы отказались со мной пообедать? За кого вы меня принимаете? Уж не говоря о том, что я мог бы схлопотать за такие штуки серьезный судебный иск. За домогательства.

Ее щеки слегка порозовели.

– Да. Простите. Это все, конечно, страшно глупо, но я ужасно боюсь потерять работу. Это для меня все.

– Ваша работа?

– Да.

А как же муж. Дети? Любимая комнатная собачка? Подружки? Разные женские глупости вроде шляпок и перчаток? Кит не понимал, отчего ее слова настолько взволновали его.

– Идите домой, – велел он ей.

– Я не могу пойти домой... мне надо работать.

– Ваше рвение, как и заботы о голодающих, весьма похвальны, но уже очень поздно, гости сыты и довольны, а что касается душеньки Серафины, ей не до вас.

Леди Милфорд и впрямь уже была настолько накачана шампанским и Мыслераспылителем, что едва соображала – на каком свете находится. Вокруг нее толпились почитатели и воздыхатели, заглядывая глубоко в декольте ее персикового платья в обlipку.

– Ой... вы думаете, я правда могу пойти домой?

– Да. Идите. Нет, сардины оставьте... они еще могут понадобиться голодающим.

– Ой! Извините. Спасибо. До свидания.

– До свидания, – вежливо отозвался Кит.

Миссис Заботы о Голодающих покинула его, и он с легким сожалением проводил взглядом ее ножки. Потом немедленно Кит дал себе строжайший зарок больше никогда и ни за какие коврижки не являться на *перформансы* и прочие светские мероприятия без законной супруги.

Потом Кит выкинул все это из головы и погрузился в мысли о по-настоящему важных и серьезных вещах.

Он стал думать о Копилке.

Он любил это здание. Страстно, неистово любил. Кит унаследовал эту любовь с текущей в его жилах кровью, и она жила глубоко в его сердце. И оттого его доводило до полнейшего иступления, когда это чудесное создание, это грациозное существо (а он не воспринимал Копилку иначе, как живое существо) использовали в качестве трамплина в вечность.

Да. Трамплин в вечность. Звучит паршиво. Будто заголовок статьи в дрянной бульварной газетенке. И все же, факт оставался фактом – Копилка притягивала самоубийц всех мастей, всех степеней сумасшествия и отчаянья подобно магниту. Самоубийцы открывали окна, забирались на подоконники и с ужасной высоты прыгали вниз.

Надо заметить, что Копилка превратилась в трамплин в вечность с того момента, как была построена, причем это был расхожий и общеизвестный факт в ряду прочих расхожих и общеизвестных фактов. Просто все знали, что подобное случается, как знали, например, что зимой идет снег и холодно, а весной распускаются цветы и щебечут птички.

Кит тоже знал об этом, разумеется, но до какого-то момента воспринимал проблему теоретически и отвлеченно... до тех пор, пока ему не исполнилось девятнадцать. Тогда отец официально ввел его в совет директоров Корпорации и назначил своим заместителем. Еще через два месяца после того радостного события Кит получил свой экземпляр отчета по самоубийствам в Копилке.

Документ был снабжен грифами **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО** и **СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО** и составлен в трех экземплярах. Один отправлялся начальнику службы безопасности Корпорации. Другой – директору Правления Делового Центра. И третий – совету директоров «Ланкастер Индастриз». Итого, о содержании документа были, в общей сложности, осведомлены двадцать пять человек, все – высшие должностные лица Корпорации, причем за разглашение сверхсекретной информации им грозили невероятные штрафы, увольнение и чуть ли не пожизненное тюремное заключение.

Кит внимательно изучил свой экземпляр отчета. От прочитанного у него волосы на голове зашевелились. Получалось, что каждый стандартный год в здании происходит не меньше сотни самоубийств, то есть – одно каждые три дня. Порой случались периоды затишья, довольно длительные, протяженностью в несколько месяцев, которые сменялись тем, что в документе было обозначено лукавым словосочетанием «суицидальные волны».

Киту и прежде было известно о подобного рода несчастных случаях в Копилке, но он и вообразить не мог, что их столь чудовищно много! То была запретная тема, которая никогда не обсуждалась в их семье. Более того, это была одна из тех вещей, которую, как очень быстро обнаружил Кит, было не принято обсуждать вообще где-либо, даже за стенами Копилки, а, тем более, внутри ее, а, тем более, между руководителями высшего звена. Каждый, кто работал в Копилке... работал на нее... будто вступал в тайный клуб под названием «Здесь Ничего Особенного Не Происходит».

И большинство из них действительно верили в это.

Не удивлялись.

Не ужасались.

Принимали вещи такими, какими они были. То есть сотню самоубийств в год.

Кит не знал, как такое возможно. Служба безопасности Делового Центра была укомплектована профессионалами высочайшего уровня. Случайных людей сюда не брали. Уж не говоря о том, что стены, потолки и коридоры были наштапованы камерами слежения. Были приняты решительно все меры для предотвращения... подобных несчастных случаев. Тем не менее. Практически каждую неделю какой-нибудь идиот умудрялся взобраться на подоконник и сигануть вниз.

Кит помнил, как попытался обсудить эту сюрреалистическую ситуацию с отцом. Тот не сумел сообщить ничего дельного по данному поводу. Самоубийства? Кому станет хуже оттого, что какой-то полоумный лемминг выпрыгнул из окна? Отец уже давно махнул на это рукой и велел сыну сделать то же самое.

Кит пытался, правда, пытался, к сожалению, он так и не смог выкинуть эту проблему из головы и вплотную занялся ею после смерти отца. Поскольку теперь он являлся президентом Корпорации, а также состоял в совете директоров, эти его должности заведомо являлись куда более важными и значимыми, чем его пост в Правлении Делового Центра. Иначе говоря, непосредственно делами Копилки Кит мог заниматься лишь постольку, поскольку у него выдавалась свободная минутка, что случалось нечасто. Обычно он не считал нужным вступать в работу Правления. Они свое дело знали.

Пока не доходило до самоубийств.

В целом, то, что услышал Кит по данному вопросу, сводилось к следующему: так было всегда, на протяжении всех предыдущих долгих лет, и сделать мы здесь ничего не можем. Извините.

Он не мог в это поверить. Он устраивал разносы. Увольнял. И нанимал. Лишал премий. Повышал оклады. Подавал судебные иски. Истратил уйму времени на душевспасительные беседы и начальственные нотации. Истратил уйму денег на обеспечение дополнительных мер безопасности, курсы по повышению квалификации сотрудников и так далее, и тому подобное.

И все впустую. Конвейер смерти работал бесперебойно. Свежий труп каждые три дня. Получите, распишитесь.

Кит не понимал, как такое может быть. Он преуспевал. Он действительно преуспевал, и эти слова не были пустым звуком. Он делал свою работу, и он делал ее хорошо. Из каждодневного, изрядно кислого лимона Кит производил не лимонад, нет, а шампанское, причем самой высшей пробы. Акционеры, инвесторы и совет директоров разливали его в хрустальные бокалы, чокаясь за здоровье их милости. И не в последнюю очередь Кит был обязан своими успехами умением добиваться своего и всегда доводить начатое до конца. Неодолимые препятствия и неразрешимые проблемы лишь раззадоривали его, пробуждая в нем охотничий азарт. Он стирал неодолимые препятствия в пыль, и неразрешимые проблемы размалывал в порошок.

Вот только здесь он потерпел сокрушительный крах.

Надо было принимать решительные меры.

Что ж, он их принял.

Не далее, как вчера, он явился на заседание Правления Делового Центра и сказал:

– Мне это осточертело.

Правление поглядело на лорда Ланкастера с печалью, как на умного, достойного и, в общем, неплохого человека, прискорбно захваченного дикой и нелепой идеей фикс.

– Вот, – сказал Кит, развернув перед ними чертежи, – генераторы антигравитационных лучей. Новейшая разработка Корпорации. Генераторы уже опробованы и доказали свою эффективность при строительстве различных объектов, например, Би-портов, а также высотных жилых и административных зданий. Технические характеристики... грузоподъемность... радиус воздействия... иначе говоря. Если мы в определенном порядке разместим генераторы по периметру Копил... Делового Центра, то создадим вокруг здания нечто вроде мелкаячистой сети из антигравитационных лучей. Сеть охватит все здание, начиная от второго этажа и заканчивая смотровой площадкой. Задача состоит в том, чтобы снизить ускорение свободного падения до такого приемлемого уровня, чтобы при соприкосновении с землей самоубийца не намазывался на землю, как паштет, а был в состоянии на своих двоих добраться до ближайшего моста...

то есть, простите, оговорился, места, где ему окажут необходимую помощь. Предполагается оснащение генераторов инфракрасными датчиками и системами электронного распознавания. Это значит, что генераторы будут реагировать исключительно на падающих людей, а, к примеру, не на пролетающих мимо птиц. И...

Киту сказали, что его идея – великолепна и вполне в состоянии решить загадочную проблему самоубийств, но, наверное, это очень дорого.

– Дорого, – согласился Кит, – но...

– Милорд, – перебили его, – ваша инициатива в данном случае лежит вне пределов компетенции правления Ланкастеровского Делового Центра.

– А? – переспросил Кит.

Их милость ткнули благородным носом в Устав Копилки, где черным по белому было записано, что, так как Деловой Центр юридически и практически является обществом, независимым от Корпорации, то, соответственно, существует ряд вопросов относительно положения вещей в Копилке, которые подлежат рассмотрению и обсуждению непосредственно советом директоров Корпорации.

– Каких именно?

– А именно: сюда входит *радикальное* изменение внешнего вида нашего прекрасного здания, милорд. Вы же не станете отрицать того факта, что генераторы радикальным образом изменят внешний вид Делового Центра?

Кит потратил (очередную) уйму времени, демонстрируя джентльменам из Правления чертежи, документы и трехмерные модели Копилки ДО и Копилки ПОСЛЕ (словно в рекламе средства для похудения), доказывая им, что внешний вид Копилки почти не изменится после монтажа генераторов, и никто ничего не заметит, но правление в полном составе осталось непреклонным. Кит предложил провести генераторы в качестве мер безопасности, для чего не требовалось разрешение совета директоров. Правление в полном составе очень опечалилось, но вновь осталось непреклонным.

Увы.

Киту предстояло столкновение с советом директоров.

Кита они ценили и уважали, но страсть как не любили. Особенно председатель совета директоров Мерфи.

Кит их не ценил, не уважал, и страсть как не любил. И особенно председателя директоров Мерфи. Старику пошел уже сто шестой год, но он, кажется, и не помышлял о смерти. Он был бодр, свеж, как майская роза, и отравлял Киту жизнь как только возможно, и невозможно – тоже.

Кит все же к нему обратился и, страдая в предчувствии провала своих благих начинаний, растолковал, что к чему. Мерфи выслушал. Клацнул вставной челюстью. Острые зубы Мерфи были изготовлены из первосортного фарфора, такие же белоснежные и нарядные, как фамильный сервиз.

– Мальчик мой, – произнес Мерфи, – неплохо продумано. Да. Превосходно. Но это дорого, наши фонды не потянут столь значительной нагрузки. К тому же, генераторы непоправимо испортят классический вид нашего старинного величественного здания и нанесут непоправимый ущерб окружающей среде. Вдобавок, ваша навязчивая идея покончить с самоубийствами – простите за безвкусный каламбур – превратилась уже в настоящую навязчивую идею.

– Вы почему-то постоянно забываете, мистер Мерфи, что я здесь не просто управляющий на побегушках у совета директоров, а держатель очень крупного пакета акций. И я ни единым словом не заикнулся о корпоративных фондах. Расходовать средства на благие начинания – ну, это чересчур для вас и ваших прихвостней. Я согласен оплатить свою затею из собственного кармана, о чем я уже имел честь сообщить джентльменам из Правления.

– А вы почему-то постоянно забываете, мой дорогой сэр, что у нас здесь не абсолютная монархия. Мы трудимся в поте лица не исключительно ради того, чтобы блюсти ваши интересы. Да, вы являетесь потомком основателя Корпорации, с честью носите вашу славную фамилию, но мы должны думать и о других наших акционерах, в том числе, и миноритарных. И я совсем не понимаю вашей привычки называть наших уважаемых директоров моими прихвостнями, как, кстати, и членов Правления Делового Центра. Я полагаю, что мы все тут крайне лояльны к вам, не донимаем вас излишним контролем, и всем сердцем и с радостью приветствуем ваши разумные инициативы, каковые, к счастью, преобладают над некоторыми другими вашими инициативами, продиктованными, очевидно, присущим молодости идеализмом.

– Когда я приезжаю на работу и вижу, как очередного бедолагу отдирают от асфальта, меня тошнит, и высокие материи здесь не при чем.

– Ну, это началось далеко не вчера. Поймите же. С давних пор идиоты с психическими расстройствами считают Копилку подходящим местом, чтобы свести здесь счета с жизнью. Отчего именно Копилка? Почему? Не знаю. Но посмотрите на вещи здраво. Эта особенность Копилки – неотъемлемая часть ее очарования, ее неоспоримой притягательности, ее мифа. Доходного мифа. Вы думаете, что туристы едут сюда толпой лишь оттого, что Копилка такая прекрасная? Верно, именно поэтому. Но еще и потому, что у нашего здания репутация трамплина в вечность. Людей притягивает все трагическое. Замки с привидениями. Пьесы Шекспира. Трамплин в вечность...

– Вы хоть сами понимаете, что несете? – спросил Кит брезгливо.

– А вы понимаете, что поднимаете шум из-за какой-то чепухи?

– Если это такая чепуха, как вы меня уверяете последние годы, – процедил Кит, – объясните мне, почему не факт, но масштабы происходящего столь тщательно скрываются от широкой публики. Почему отчеты по самоубийствам входят в число сверхсекретных документов, доступ к которым имеют исключительно руководители высшего звена Корпорации – после того, как дадут расписку о неразглашении. Такую же расписку вы берете с каждого сотрудника службы безопасности Делового Центра. В большинстве случаев о самоубийствах не рапортуется в соответствующие инстанции, хотя согласно тому же Уставу...

Мерфи уставился на Кита выцветшими голубыми глазами, которые видели воочию еще несчастного и безумного Мэттью Ланкастера.

– Что вы от меня хотите.

– Уже ничего, мистер Мерфи. Мне казалось, что мы полюбовно сможем уладить этот чепуховый вопрос между нами двумя. Увы. Я ошибся. К сожалению, я вынужден настаивать на проведении внеочередного собрания совета директоров по означенному вопросу.

Мерфи побагровел и защелкал челюстями, как заправский вампир. Возможно, он и был настоящим вампиром. Вполне подходящее его необычайному долгожительству, изумительному для столь дряхлой развалины цвету лица и полнейшему отсутствию представления о морали и этике.

– Нет, – отрезал Мерфи.

– Да, – ласково пропел Кит, на всякий случай прикрыв горло ладонью.

– Видимо, вам надоело почивать на лаврах, милорд, и вы возжелали в качестве разнообразия подвернуться публичной порке. Что ж, раз вы настаиваете, мы вам это устроим. Мало не покажется, обещаю.

Кит не сомневался, что устроят. При одной мысли, что ему придется лицезреть во внеочередном порядке их бесформенные, безликие физиономии, у него рот наполнялся горечью. Подавляющее большинство этих людей заседали в совете тогда, когда Кит еще не появился на свет, и подавляющее большинство из этого большинства являлись прямыми потомками людей, которые начинали делать бизнес еще с его героическим предком, лордом Джеком. В целом, совет директоров представлял собой нечто вроде громадного каменного монолита, обладаю-

щего чудовищной силы инерцией. Тягать его с места в нужном направлении было превосходной жизненной школой, но необычайно выматывающей и утомительной.

– Скоты, – пробормотал Кит, потянулся за портсигаром, но взгляд его упал на развешанные повсюду по галерее грозные бронзовые таблички с надписями, строго-настрого запрещающими курить. Мысленно чертыхаясь, он начал пробираться к выходу, лавируя между подвыпившими гостями.

Десятью минутами ранее Шарлотта Лэнгдон тоже пробиралась к выходу и, кажется, ей удалось покинуть галерею незамеченной. Забрав из гардеробной пальто, она вышла из галереи и направилась в холл, к лифтам.

Шум и блеск *перфоманса* остались далеко за спиной, извилистый коридор, ведущий в холл, был залит ярким светом, но выглядел почему-то абсолютно необитаемым, бесконечно длинным и невероятно тихим. Она непроизвольно ускорила шаг. Ей припомнились пугающие слухи о том, что ночами в Копилке творятся странные вещи. Будто из ниоткуда появляются двери, ведущие в никуда, слышатся таинственные шорохи и звуки шагов, а камеры наблюдения фиксируют призрачные белые силуэты, тоскливо бродящие по бесчисленным этажам колоссального здания.

Чепуха. Наверняка эти побасенки сочиняются для того, чтобы привлечь в Копилку как можно больше легковых провинциальных туристов, а потом Большой Босс, сидя в своем уютном кабинете, зловеще ухмыляясь, подсчитывает барыши.

Она подумала о лорде Ланкастере и слегка вздрогнула. Должно быть, он одним своим присутствием мог обращать людей в соляные столпы. Какой у него тяжелый взгляд. Пока она там стояла со своим подносом, как дурочка, и что-то мямילה, он буквально искромсал ее этим своим взглядом, как хирург скальпелем, содрал живьем кожу и полюбовался кровоточащими внутренностями. Она надеялась, что больше никогда его не увидит.

– Ну, конечно, я больше никогда его не увижу... что за глупости. Это просто какое-то дурацкое совпадение... – пробормотала она под нос.

По коридору гулял сквозняк, и Шарлотта передернулась, поплотней запахивая пальто. Выйдя в холл, она подошла к лифтам и нажала кнопку вызова, когда по нервам ей ударил звук, громкий и отрывистый, словно взрыв петарды. Она повернулась и увидела, что одно из огромных окон распахнуто настежь, и ледяной ветер с улицы врывается внутрь, хлопая рамой, как детской хлопушкой.

Она подошла, ухватила за раму рукой в перчатке, но вдруг передумала, швырнула сумочку в одно из мягких кожаных кресел, поставила локти на широкий мраморный подоконник и с наслаждением вдохнула свежий вечерний воздух, чувствуя, как ветер приятно остужает разгоряченное лицо.

А потом посмотрела вниз, и дыхание у нее перехватило. Внизу открылась бездна, черная, фиолетовая, алая и золотая, как пасть зверя, и ни конца, ни края не было этой бездне.

– До чего красиво, – прошептала она заворуженно.

От высоты и воздуха закружилась голова, будто она выпила шампанского. Как странно и удивительно – почему она не подумала об этом прежде? Ведь все было так просто, так легко, так изумительно красиво...

Шарлотта сбросила пальто, стянула шарф и перчатки и сложила в кресло рядом с сумочкой. Затем подумала еще короткую секунду, сняла золотые часы, которые подлец Лэнгдон подарил ей на минувшее Рождество, и затолкала в сумочку.

А потом забралась на подоконник.

Такой Кит ее и увидел. Ее стройный силуэт отчетливо вырисовывался на фоне темного ночного неба, а январский ветер, яростно подвывая, трепал ее каштановые кудри.

Незажженная сигарета вывалилась у Кита из уголка рта. Он прикрыл глаза и открыл снова, втайне надеясь, что это галлюцинация, вызванная, очевидно, переутомлением, вроде утреннего фортеля, который выкинули его золотые рыбки, но – увы. Он потер глаза, надавив кончиками пальцев на глазные яблоки, но она никуда не исчезла. Она стояла на подоконнике и собиралась прыгнуть вниз... и что-то навело его на мысли, что она всерьез.

В подобных случаях полагается вступать с самоубийцей в длительный душещипательный диалог, убеждая отказаться от своей вздорной затеи и расписывая преимущества бытия перед небытием, но Кит никогда не был силен в этих психологических штуковинах и уж точно не блистал красноречием. Да и счет времени шел на секунды. Она, фактически, уже падала.

Не рассуждая, он рванулся вперед, схватил девицу и понял, что, возможно, совершил роковую ошибку. Ошеломленная внезапным нападением, она истошно закричала и принялась столь отчаянно и дико вырываться, будто он не спасти ее пытался, а погубить. Влажный от подтаявшего снега мраморный подоконник был невероятно скользким, а чудовищная истерика придала миссис Лэнгдон нечеловеческий прилив сил.

– От... пустите!

На мгновение Кит был весьма близок к тому, чтобы исполнить ее просьбу. Он не сомневался, что она все же прыгнет и утащит его за собой, обрекая на страшную, нелепую и... чрезвычайно ироническую смерть. Совет директоров Корпорации будет биться в экстазе. У них наверняка случится множественный оргазм.

– Ну уж нет, – прошипел Кит сквозь зубы и ударил истеричную девицу по уху. Она выдохнула и обмякла, после чего он сумел оттащить ее от настежь распахнутого окна. Дьявол! Кажется, в запале он не рассчитал удара и отправил эту психопатку в нокаут. Теперь она и впрямь могла подать против него судебный иск. Что за наказание! Стискивая зубы, Кит свирепо потрянул ее. Миссис Лэнгдон открыла глаза. С губ ее сорвался маленький вопль.

– Что? Вы? Это опять вы? Вы что, ненормальный? Почему вы меня преследуете?

– Я? Преследую вас? Очнитесь, наконец! Я думал, вы давно ушли домой! Дайте угадаю. Вы решили срезать путь и выбраться через окно.

Миссис Лэнгдон опять рванулась, но Кит держал свою добычу крепко, будто в тисках.

– Это не ваше дело...

– Ошибаетесь. Все, что происходит в этом здании – мое дело, личное, персональное. Вам, наверное, все равно, пустоголовая вы дрянь, а я ненавижу беспорядок, ненавижу, просто ненавижу! И прекратите орать, не то я вас опять ударю.

Она притихла, поняв, что он не шутит. Холл начал очень быстро заполняться людьми. Сперва материализовались его телохранители, следом – двое охранников этажа и, наконец, поскольку все-таки сработал детектор-оповещатель, и сигнал о внештатной ситуации поступил на центральный пульт управления, прибыли сотрудники специальной оперативной службы Делового Центра.

– Милорд, это учения? – неосмотрительно поинтересовался один из них, в серой униформе, с реанимационным чемоданчиком в руках.

– Нет, не учения, – рявкнул Кит, – будь это учения, вы бы их завалили напрочь, идиоты!

– Мы прибыли через минуту двадцать три секунды, сэр.

– Значит, это слишком долго!

Кит был хорошим руководителем. Далеко не идеальным, но хорошим. Он крайне редко устраивал головомойки сотрудникам потому, что у него заныл левой коренной зуб, или он не выспался, или повздорил с женой, или просто потому, что мог уволить скопом всех этих ленивых недоумков. В подавляющем большинстве случаев разносы устраивались им по делу, и оттого были вдвойне страшны.

– Где шатались вы? – напустился он на охранника этажа.

Тот шархнулся.

– Милорд, сейчас полночь, у нас пересмена.

Кит уставился на световое табло над лифтами. И верно – ровно полночь, тот таинственный час, когда кареты Золушек превращаются в тыквы, а у охранников случаются пересмены.

– Отлично. Я разберусь с вами. С каждым из вас! Позже. Заберите ее.

В его дальнейшие планы никак не входили заботы о красоте. Загвоздка заключалась в том, что бедняжка вцепилась в него, как утопающий за соломинку. Кит понимал, что так проявляется у нее инстинктивная, шоковая реакция, поскольку он был единственным, хоть чуточку знакомым ей человеком среди собравшейся в холле толпы, но легче ему от этого не становилось, совсем нет. Немного придя в себя, жертва его добросердечия стала горько плакать, задыхаясь и трепеща в его объятиях, как маленький, несчастный, выпавший из гнезда, птенчик.

– Тише, тише, – сказал Кит, поневоле смягчив тон, – прекратите плакать... как вас зовут?

– Шарлотта...

– Да. Успокойтесь. Вам надо пойти с этими людьми, Шарлотта, они помогут.

– Не хочу... я никуда не пойду...

– Перестаньте. Вас никто не обидит. Вам помогут. С вами поговорят. О вас позаботятся. О, черт. Принесите воды.

Ему подали воду. Кит жадно выпил полстакана, вторую половину набрал в рот, ухватил даму за подбородок, запрокинув голову, и выплюнул воду ей в лицо. Она отпрянула, униженная и оплеванная.

– Невоспитанная скотина! Вы меня ударили! По уху! А потом еще и плюнули!

– Дура. Истеришка. Дрянь, – ответил Кит, точно попадая ей в тональность.

Она всхлипнула, побелела и, кажется, собралась упасть в обморок. Ее подхватили под руки и потащили в лифт. На прощанье она поглядела на него ранеными синими глазами с такой горькой обидой, что Кит отчего-то почувствовал себя не в своей тарелке. Он проследил, как створки лифта с музыкальным «дзинь» сомкнулись за ней, перевел дух и, наконец, закурил, но в спину повеяло мертвенным холодом, и сигарета потухла.

– Закройте кто-нибудь треклятое окно! – рявкнул он.

Докурив, он отчитал нерадивых служащих всех вместе и каждого по отдельности, потом вернулся в галерею и распрощался с Серафиной. Потом спустился в Корпоративную штаб-квартиру и зашел в свой кабинет. Выкурил четыре сигареты, пропустил три рюмашки, проглотил две таблетки аспирина Эймса и выпил одну чашку кофе. В перерывах посмотрел стопки документов, поставил на них сиятельные подписи и резолюции. Когда он уже закончил, набросил пальто и собрался забрать сахарницу (чтобы по дороге домой занести в корпоративный отдел Экстренной Доставки, работающий круглосуточно), в дверь просунулась весьма обаятельная, хоть чуть помятая и слегка нетрезвая физиономия.

– Все работаешь, милый мальчик, – протянула физиономия с укором.

– Я уже ухожу. Ты за душенькой?

Ричард кивнул.

– А то поехали с нами. Посидим, пропустим по стаканчику, персик сыграет нам на арфе.

Кит передернулся.

– Уволь, мой сахарный, не сегодня. Мне надо о многом подумать. Вот ты знал, например, что люди голодают.

– Как – голодают? – поразился Торнтон.

– А вот так... им нечего есть.

– Вечно ты со своими дурацкими шуточками. Кстати, что там случилось.

– Где?

– В холле. Серафина сказала мне, там громко кричали.

– Я ничего не слышал. Вечно твоя душенька жена что-то выдумывает. Все, я домой.

- Давай хоть обнимемся, – предложил Торнтон, подумав.
- Ну? Теперь я могу идти?
- Да.
- Веди себя хорошо, Ричард, будь паинькой, не шали.

Простившись с Торнтоном, Кит совершенно забыл о сахарнице, которая так и осталась лежать в ящике стола. Спустившись вниз, он остановился в вестибюле первого этажа, поразмыслил минутку и решил узнать, как обстоят дела у спасенной им девицы. Зайдя в медпункт, он выслушал отчет о ее состоянии. Ему доложили, что ярко выраженных душевных расстройств у миссис Лэнгдон как будто не наблюдается; она также не находилась под воздействием наркотиков, алкоголя или лекарственных препаратов. Было похоже, что попытку самоубийства бедняжка предприняла спонтанно, в состоянии сильного душевного волнения. Ей дали успокоительного и горячего чая, но пролить свет на причины своего кризиса она решительно отказалась.

Кит послушал, покивал. Держать ее здесь насильно и расспрашивать помимо воли они не имели права. Он развернулся, собираясь уйти, но передумал, вдруг поняв, что, если не зайдет и не проверит, как она там, то будет до конца дней терзаться угрызениями совести и сомнениями, что сделал не все возможное.

Заглянув в уютную комнатку, Кит понял, что миссис Лэнгдон уже лучше – судя по ненавидящему взгляду, который она бросила в его сторону. Она сидела на кушетке, завернутая в плед, держа в руках большую керамическую кружку с чаем. Синие глаза покраснели от слез, каштановые кудри потускнели и спутались, аккуратный носик чуть припух. Она выглядела совсем юной и не походила ни на дрянь, ни на истеричку, ни на дурочку. Просто славная молодая леди, у которой выдался на редкость тяжелый день. «Тем более несправедливо, – подумал Кит, – несправедливо и глупо. Ладно, будь она страшненькая, но ведь нет...»

– Как вы?

Шарлотта поглядела на него. Он был высокий, подтянутый, наверняка много времени уделял какому-то престижному виду спорта. Она вспомнила, как, рыдая, прижималась к его широкой груди. У нее запылали щеки.

- Зачем вы пришли?
- Просто зашел узнать, как вы.
- Напрасно. Я, знаете, совсем не просила себя спасать...

Их милость весь засиял от счастья.

– В самом деле? Правда, как неудачно вышло. Простите. Я сваял дурака. Надо было подкрасться и толкнуть вас в спину...

Шарлотта растерялась и не нашла, что и ответить.

– Толкнуть, – продолжил он, – и поглядеть, как вы, молодая, красивая, жаль только, что совсем безмозглая, полетите вниз. Можете ли вы представить, что остается от человека после падения с такой высоты? А ничего не остается. Только влажное пятно. Как если бы комара, сидящего на стене, газеткой прихлопнуть.

– Вы меня ударили, – глупо сказала Шарлотта, глотая слезы.

Их милость явно страдал неизлечимой манией раскладывать все по полочкам.

– Во-первых, я вас не бил – подумаешь, закатил оплеуху. Во-вторых, поделом. В-третьих, за такие штуки не оплеухи надо закатывать, а пороть плетьюми, пока всякая дурь из головы не выветрится. В-четвертых, сколько вы еще будете нести всякую ахинею, уважаемая миссис Лэнгдон?

Шарлотта сжалась.

- За вами есть кому заехать? – спросил он чуть мягче.
- Да.
- Ваш муж?

– Нет, моя подруга, мы вместе работаем в магазине... она придет и заберет меня.

Их милость язвительно хмыкнул.

– Подруга? Очаровательно. А где ваш муж?

– В отъезде, – ответила Шарлотта ледяным, чопорным, светским тоном.

– В отъезде? Коммивояжером работает ваш супруг, надо полагать? Ясно. Это тоже не мое дело. Скажите, это он вас довел до столь плачевного состояния?

– Нет.

– В любом случае, вы напрасно отказались побеседовать с нашими специалистами по душам. Если у вас какие-то психологические проблемы, вам окажут помощь, и недорого. Действительно, недорого. Если же вы не можете себе этого позволить... Ну... Расходы за счет Делового Центра. Конфиденциальность гарантируется. Нам здесь шумиха ни к чему, я так считаю.

– У вас здесь что, какая-то благотворительная программа? – спросила Шарлотта.

Его глаза мигом потухли, как будто выключили свет. Она заметила, что под своим светским лоском он выглядит утомленным. Наверняка очень нелегко целый день быть – или, по крайней мере, казаться – таким энергичным и безупречным.

– Благотворительность? Это вроде того, как перерезать красную ленточку перед камерами и репортерами? Да нет. Это не благотворительность. Я не настаиваю. Не имею права. Только не хотелось бы мне увидеть вас или кого бы ни было там, внизу. Тошнотворное зрелище. Не вызывающее сочувствие, а просто тошнотворное. И никогда не выход из положения, а самая низкая и отталкивающая форма самообмана. К тому же, потом вы попадаете прямиком в Ад, и черти целую вечность поджаривают вас на сковородке.

Шарлотта вздрогнула.

– Вас пугает то, что я говорю про Ад?

– Немного.

– А меня пугает то, что в нынешние времена люди боятся чего угодно, кроме Ада, хотя, по-моему, это единственное, чего стоит бояться по-настоящему. Вы молоды. Красивы. Похоже, не голодаете. Не нуждаетесь. У вас прелестные ножки. Не вижу ни единой веской причины, по какой мир должен лишаться таких прелестных ножек. Все на свете поправимо. Все поправимо, кроме смерти. Что за банальщину я несу, – прибавил он неожиданно, поглядев мимо Шарлотты, – их этим не проймешь, скотов.

– Что? О чем вы? – спросила Шарлотта, сбита с толку.

– Да так. Ерунда, – он поглядел на часы, – может, Либер?

– Кто? Либер?

– Хозяин вашего цветочного магазина. Его ведь так зовут? Я ничего не путаю?

– Я думаю, вы очень заняты и страшно торопитесь, – сказала Шарлотта нервно.

– Тогда что же с вами стряслось, черт возьми.

Шарлотта чувствовала, что он будто обволакивает ее и лишает воли к сопротивлению своим напором, балансирующим на грани безукоризненной вежливости и вызывающей наглости.

– Я очень... благодарна... за то, что вы для меня сделали... но все это не ваше дело... и я не понимаю, почему вы сегодня целый день маячите у меня перед глазами... оставьте меня в покое. И хватит читать мне нотации. Я не маленькая. Я сама могу прочитать себе хоть с миллион нотааа...

Она вдруг совершенно утратила над собой контроль и разрыдалась, задыхаясь и захлебываясь. Он подошел, достал носовой платок, невероятно свежий и чистый, присел и начал вытирать ей влажное лицо.

– Тише, тише. Все хорошо.

– Спасибо. Не знаю, что на меня нашло.

– Поймите, в любом случае это не выход из положения. Так нельзя. Пообещайте мне, что не будете больше заниматься такими глупостями. Пообещайте мне, что больше не подумайте подойти к окну... разве только полюбоваться видом.

– И... тогда вы перестанете меня преследовать?

– Преследовать? О? Да. Несомненно. Клянусь.

В час ночи он вернулся домой. Терри тщетно притворялась крепко спящей. Он разоблачил ее обман, забравшись в постель и пощекотав женушку подмышками. Терри не выдержала и залилась смехом.

– Ой, щекотно...

– Почему ты не спишь, маленькая.

– Я ждала тебя. Ты поел?

– Да.

– Как там все прошло, дорогой?

– Зеленая тоска и скука смертная, так что ты ничего не пропустила.

– Правда?

– Шшш, – сказал Кит и закрыл ей рот поцелуем, и потом они занялись любовью. Потом Тереза уснула. Кит подождал, пока ее дыхание станет совсем сонным и ровным, беззвучно, осторожно выбрался из постели, натянул брюки и рубашку, и направился в свой домашний кабинет. Там скопились еще стопки документов, которые неотложно нуждались в его внимании. Путь его лежал через картинную галерею в левом крыле особняка, где в золотых рамах располагались фамильные портреты – запечатленные для вечности благородные предки. Некоторые и впрямь были весьма достойными людьми и прожили долгую, деятельную, счастливую жизнь, другие – нет. Некоторые из них, по правде говоря, как начали, так и кончили очень скверно; но кого, в самом деле, интересует правда?

– Смертельно бледных королей и рыцарей увидел я⁴, – пробормотал Кит. Почему-то всякий раз, когда он оказывался в галерее семейных портретов, у него в голове всплывали эти строчки Китса.

Замедлив шаг, он остановился возле самого первого портрета, с которого смотрел лорд Джек. Здесь великий предводитель Освобождения был изображен сорока пяти лет от роду, двенадцать лет спустя после падения Триумвирата. Виски его уже посеребрила седина, возле рта залегла жесткая складка, но он все еще выглядел прекрасным, благородным и мужественным, как в тот день, когда принес рабам Сопричаствующей Машины долгожданную свободу. Тем, кто сумел выжить, разумеется. Потому что остальным Джек Ланкастер принес смерть.

Бесстрашный герой. Освободитель. Победитель Черного Триумвирата. Ниспровергатель величайшей тирании в истории Человечества. Созидатель новой Империи, опора Престола. Человек, чей дар предвидения и финансовый гений создали Корпорацию «Ланкастер Индастриз» – и Копилку. Обожаемый, обожествляемый, любимый, бесконечно знаменитый, удостоившийся всех мыслимых почестей и наград, великий и незабвенный даже пять столетий спустя после своей смерти...

– Сукин ты сын, – прошептал Кит и плюнул в лицо парадному портрету.

⁴ Китс «La Belle Dame Sans Merci», перевод Л. Андрусона

Глава вторая

Куда завели мечты

1

Когда Гордон Джерсей познакомился с наследной принцессой Викторией Ланкастер, бойкому провинциальному стряпчему едва минуло двадцать восемь лет, но он уже успел сделать фантастическую карьеру и необычайно преуспевал. Его жизненные достижения можно было счесть тем более поразительными, что он рано лишился обоих родителей и провел детство в одном из сиротских приютов Санкт-Константина, столицы Салема.

Вот с чего Гордону пришлось начинать – именно, с абсолютного нуля. У него не было денег, не было положения в обществе, не было влиятельных покровителей, не было поддержки любящей семьи – ничего этого у него не было. Всею, чего Гордон добился в жизни, он был обязан единственному человеку на свете – самому себе.

Зато с самим собой, без дураков, повезло Гордону необычайно. Он от рождения относился к тем редким, исключительным, выдающимся натурам, которых жизненные трудности не ломают, а закаляют и вдохновляют. Ничего невозможного и недостижимого для него не существовало в принципе. Если какая-то дверь вдруг не распахивалась перед ним гостеприимно, он бесстрашно вышибал неподатливую дверь пинком. Природа щедро одарила его не только бешеным упорством, трудолюбием и холодным, прагматичным умом, но и неотразимым шармом, счастливым талантом втираться нужным людям в доверие и очаровывать их до потери пульса, а, главное, почти волшебным умением оказываться в нужном месте в нужный момент.

И вот так, даже за тридцать не перевалив, Гордон добился того, к чему другие люди, имея за спиной стократ более благоприятный жизненный старт, идут, причем безуспешно, долгими десятилетиями. Из провинции он перебрался в столицу Империи, Форт Сибирь, туда, где творились по-настоящему громкие дела и крутились по-настоящему большие деньги. Он устроился на работу в очень солидную и престижную юридическую контору, успел выиграть несколько очень громких дел, его обаятельная физиономия начала мелькать в прессе, и он зарабатывал достаточно, чтобы катать себя, как сыр в масле.

Его тоскливое, полуголодное, нищее детство осталось в прошлом. Там же остались женщины, которых он бросил, друзья, которых он предал, покровители, о которых он забывал, взбираясь на следующую карьерную ступеньку. Гордон никогда не оглядывался назад. Вперед, только вперед, к новым блистающим вершинам, еще не покоренным, и оттого вдвойне заманчивым.

Парнем он был простым, незамысловатым, и мечта у него была простая, скромная.

Он просто и скромно хотел всего и сразу.

Ну, если не все и не сразу, то хотя бы по частям... и желательно – побыстрей.

Гордон настолько хотел всего, пусть хотя бы по частям, но, главное, побыстрей, что, когда увидел Викторию Ланкастер на благотворительном балу в Мэрии Форта Сибирь, сразу понял: вот он, великий шанс, который нельзя упустить.

Наивно воображающая себя неприступной и многоопытной, но на деле глупенькая и доверчивая девица будто подверглась нападению стаи дьявольски голодных, но безумно очаровательных пираний. На второй вечер после их знакомства Гордон затащил Викторию в свою постель и заставил визжать от экстаза. Едва забрезжил рассвет, как он принес своей прекрасной принцессе чашечку горячего шоколада с зефиром и предложил пожениться. Виктория

безропотно согласилась. У бойкого стряпчего все необходимое оказалось под рукой: кольцо с бриллиантом в четыре карата, священник, судья, свидетели, свадебный торт и номер люкс для новобрачных.

Утром после бракосочетания молодожены завтракали. Виктория, облаченная в длинный шелковый пеньюар, лакомила свежей дыней, зачерпывая мякоть серебряной ложечкой, и через стол поглядывала на мужа. Что она могла сказать о нем. Он был очень симпатичным. И они переспали. Вот все, что Виктория знала о муже на текущий момент. Ну, разве, еще то, что Гордон работал адвокатом и помог столичному бургомистру выпутаться из чрезвычайно серьезного коррупционного скандала.

Что до самого Гордона, то он, ничуть не смущаясь своими выдающимися жизненными достижениями, с аппетитом уплетал омлет с почками, жареный картофель с острой колбасой, гренки с маслом и оладьи с вишневым сиропом. Еще он прихлебывал из большой керамической кружки чай с молоком и читал «Империю Сегодня» – официальный печатный орган Партии Новых Демократических Преобразований.

– В чем дело, птенчик? – спросил он, перехватив взгляд Виктории поверх газеты, которую ее обожаемый старший брат не называл иначе, как низкопробным бульварным листком.

– Ты читаешь «Империю Сегодня»? – спросила Виктория неуверенно.

Запоздало ей пришла в голову толковая мысль, что не мешало бы поближе познакомиться с мужчиной, прежде чем навеки связать с ним свою судьбу. Повстречаться с ним не два дня, а два года хотя бы. С другой стороны, до чего же Гордон был симпатичный. Не красавец, но – ах! – высокий, широкоплечий, с каштановыми волосами и янтарными глазами, и белозубая улыбка, и ямочка на волевом подбородке...

– Не просто читаю, а выписываю. Там отличные гороскопы. Вот когда ты родилась?

– Двенадцатого июня.

– Значит, Близнецы. А я тридцать первого января, значит, Водолей.

Наступило долгое молчание.

– Это плохо? – спросила Виктория в недоумении.

– Да нет же. Мы отлично сочетаемся по гороскопу.

Викторию слегка обескуражило это абсурдное, ни на чем не основанное заявление, но она решила разобраться с гороскопами позже. В данный момент ее больше волновала «Империя Сегодня».

– А ты, случайно, не состоишь в какой-нибудь партии? Ты мне что-то говорил, кажется...

– Состою, а как же, – отвечал Гордон, не краснея, – в Партии Новых Демократических Преобразований, вот уже четыре года я там состою.

– Что? Демократич... о, но почему?

– Трудновато в наши дни сделать хорошую карьеру, будучи совсем беспартийным.

– Но... демократич... ты демократ? Социалист? Может, даже либерал? – спросила Виктория, ужасаясь.

Гордон от души расхохотался.

– Вот те раз. Я не либерал. Я гетеросексуал.

– А почему ты тогда не вступил в приличную партию? Консервативную?

– Я бы вступил, чего не вступить, но простых парней вроде меня туда не берут. Чертовы снобы. Вдобавок, демократические веянья сейчас, к сожалению, в моде, а я планирую в будущем заняться политикой.

– Политикой?

– Политикой.

– Но... политика. Зачем тебе политика? Политика... это такая грязь!

– Грязь, говоришь? Верно, грязь изрядная. Вот я и буду ее разгребать.

– Что разгребать?

- Всякую грязь буду разгребать.
- О, – сказала Виктория глубокомысленно.
- Передай соль, будь добра.

Виктория подала мужу солонку и стала наблюдать, как суженый уничтожает жареный картофель. Кое-где и кое-как Гордон поднабрался изысканных манер, но мужицкие замашки у него остались. Виктория скорчила гримаску, когда муж собрал куском хлеба остатки соуса с тарелки и затолкал мякиш в рот. «Боже, – подумала она, – брат меня убьет...»

Как только Виктория, содрогаясь, подумала о старшем брате, Кит немедленно появился. Бедный котенок ворвался в гостиничный номер для новобрачных, пылая от ярости, впрочем, безукоризненный, как обычно, и спросил:

- Что это значит?
- Доброе утро, милый.

Помимо обыкновения, Кит был не рад сестре. Снопы разноцветных искры сыпались у него из глаз, и странно, как он не устроил пожар или короткое замыкание.

– Доброе? Не вижу в этом утре ничего доброго! Отец прочитал в газетах о твоём замужестве за каким-то провинциальным юристом, велел тебе больше никогда не показываться дома и вычеркнул тебя из завещания.

Виктория вздохнула.

– Папа такой сентиментальный и старомодный. Так любит выгонять детей из дому и вычеркивать из завещания. Бедный старичок. Присядь, милый, выпей с нами кофе.

– Нет! Собирайся! Я отвезу тебя домой, а потом мы аннулируем твой нелепый брак на основании твоей полнейшей невменяемости в момент заключения этого самого брака.

Виктория надула губки.

– Не кричи на меня, – сказала она тоненьким голоском. – Я теперь замужняя женщина, и ты больше не можешь указывать, что мне делать. Равно, как и отец. Теперь указывать мне, что делать, может только мой законный муж. Так что я никуда с тобой не поеду.

– Что ты мелешь, дурочка. Какой еще муж! Ты видела, сколько вокруг этой чертовой гостиницы репортеров? Почему ты мне ничего не сказала? – провыл Кит.

– Неправда, я говорила тебе, милый, вчера утром говорила, когда вернулась домой... то есть, спустилась к завтраку, но ты сказал, что тебе некогда, ты уходишь на работу, вернешься очень поздно, и давай поговорим обо всем завтра, – вот что ты сказал. Завтра наступило, и мы разговариваем... разве нет?...

– Но... почему ты хотя бы не сказала моей жене? – провыл Кит еще отчаянней.

– Неправда, я сказала Терезе, но глупая курица сказала мне, что считает ужасным безумием выходить замуж за человека, которого знаешь всего два дня... вот глупая курица, ха!

– Но... почему Тереза ничего не сказала мне? – провыл Кит, будто орда баньши.

– Тереза тебе наверняка сказала, милый, но тебе что ни скажешь, – что я говорю, что твоя курица, и иногда папа или Ричард, или кто-нибудь другой, – ты всем говоришь в ответ, что тебе нужно на работу, и ты будешь очень поздно, и поговоришь со всеми обо всем завтра... и так ты говоришь каждый день.

Наступил коллапс, столь полный и безоговорочный, что Гордон, который до сих пор вполуха рассеянно прислушивался к их беседе, отложил в сторону газету и окинул Кита критическим взором.

– Что еще за сопляк? Никак, опять твой бывший ухажер? Сколько можно их выпроваживать отсюда. Этот выглядит крепче прочих, но неужели он думает, я и его по стенке не размажу?

– Нет, нет. Познакомься. Мой старший брат. Никита.

Гордон сложил губы трубочкой и язвительно поцокал языком.

– Брат? Тогда другое дело, только что-то брат плоховато выглядит, ай-ай-ай.

– Наглая скотина, – не остался в долгу Кит, – запудрила мозги молоденькой, глупенькой девчонке. Я бы на его месте сквозь землю провалился от стыда. И на твоём месте тоже, Виктория. О чём ты думала? Ты хоть представляешь, какой фурор ты произвела в обществе своим мезальянсом? Ты посмотри на эту рожу. Вылитый мерзавец Лотарио.

Гордон польщённо улыбнулся. Кит все не мог успокоиться.

– До чего паскудная, наглая, лживая физиономия...

– Вот ты так напрасно, милый, – тоненьким голоском сказала Виктория, – мой муж – честный человек с твердыми моральными принципами. Раз мы... в общем, после всего он просто обязан был на мне жениться. И женился. Вот если бы не женился, тогда, конечно, ты должен был прийти и убить его, но ведь женился? Успокойся, милый. Лучше присядь, выпей чашечку кофе.

– Кофе? – повторил Кит, плавно переходя с воя на злое змеиный шип. – Хорошо, ты меня уговорила. Я выпью кофе. Только прикончу этого хмыря.

– Эй, полегче на поворотах, приятель. Ты пришел поздравить нас с законным перед Богом и людьми бракосочетанием или как? – встрял Гордон.

Кит, наконец, посмотрел прямо на зятя и заморозил взглядом.

– Я тебе не приятель, ты...

Гордон, хоть и с огромным трудом, но разморозился обратно.

– Ах, прощу прощения. Вы, аристократия, публика вся из себя эдакая чопорная и благовоспитанная. Только раз ты такой благовоспитанный, чего для начала не постучался. Мало ли чем мы могли здесь заниматься с твоей сестрой в наш медовый месяц! Уж выбивать дверь плечом было точно необязательно. Мне ведь платить придется за этот кавардак.

Кит неожиданно ощутил к новоиспеченному родственнику слабый проблеск интереса.

– Так-так. И на какой помойке, зайка, ты откопала этого бесчестного хмыря с его аморальными принципами?

– Вовсе не на помойке, а на благотворительном приеме в столичной Мэрии. Я была там... и Гордон тоже там был... а потом он подошел ко мне... и дальше я ничего не помню, – тоненьким голоском поведала старшему брату Виктория.

– То есть как это – ничего не помню? Провалы в памяти?

– Да. В общем... я забыла, как это называется... когда в памяти провалы.

– Ясно. Вы, любезнейший, надо полагать, тоже ни хрена не помните, – изысканно любезно обратился Кит к зятю.

– Отчего же. Я не маразматик какой. Амнезией не страдаю. Отлично помню... звезды, фейерверки, соловьиные трели, – ответил Гордон, с любопытством разглядывая старшего брата нареченной.

– Трели?

– Да, но не простые, а соловьиные. Соловьи – это такие певчие птицы, что выются, и щебечут, и издают такие трели, что в ушах звенит и головокружение начинается. Ох. Что твой брат делает?

– Собирается тебя бить, – просветила мужа Виктория, наблюдая, как Кит, готовясь к битве, с замкнутым, сосредоточенным лицом аккуратно снимает пиджак, галстук и наручные часы.

– Вот те раз. Собирается бить? Меня? Кто? Этот тщедушный сопляк? – подивился Гордон. – Ну и самомнение у него, черт возьми.

Виктория знала брата гораздо лучше и встревожилась. Не без причин. Кит уже превратил в отбивные, котлеты и антрекоты немало ее незадачливых кавалеров. Нет, серьезно, после встречи с беденьким котеночком поверженные ухажеры частенько уползали на четвереньках, униженно причитая, жалобно хлюпая разбитыми носами, кашляя кровью и выплевывая зубы.

– Милый, но нельзя хоть разок обойтись без ужасной драки, – взмолилась она.

– Извини, зайчонок. Отойди. Не хочу, чтобы тебя забрызгало кровью.

Гордон опрометчиво засмеялся, но удар в нижнюю челюсть неимоверной силы, точности и быстроты заставил его захлебнуться смехом. В самый последний миг он успел увернуться, и удар пришелся по касательной, а иначе бы месяца два-три пришлось питаться манной кашей через трубочку. Впрочем, он не замедлил с ответом, и удар под ребра практически вышиб из Кита дух. Поняв, что падает, Кит намертво вцепился в мерзкого хмыря и увлек за собой в царство боли и террора.

Следующие десять минут Виктория наблюдала, как брат и муж, катаясь по полу, мутузят друг друга. В конце концов, она справедливо сочла, что существуют моменты, когда мужчинам стоит предоставить право самим решать ее проблемы, и извлекла всю возможную выгоду из положения, вытряхнув из карманов пиджака старшего брата всю его наличность и кредитки, а у мужа забрав всю его наличность и кредитки, и отправилась по магазинам.

Вернулась Виктория с покупками и четыре часа спустя. К тому времени все закончилось. Как порой случается, подравшись, мальчишки сходу заделались лучшими друзьями. Они сидели на диване, чуть ли не в обнимку, выпивали, курили сигары и обстоятельно обсуждали грядущую конституционную реформу. Кажется, они оба были разочарованы возвращением яблока раздоров, вторгшимся в их теплую мужскую беседу.

– Ты быстро, Виктория, – сказал Кит.

– Меня не было четыре часа!

– Ты купила мне носки? – спросил Гордон, озаряя все кругом себя сиянием своей ослепительной улыбки.

– Носки? – переспросила Виктория, ушам не веря. – Я должна покупать тебе носки? Я тебе не прислуга!

Кит засмеялся и дружелюбно похлопал зятя по плечу.

– Надо нам как-нибудь вместе поужинать. А зачем тянуть кота за хвост? Прямо завтра и поужинаем. Завтра сможешь? Часов в восемь? Отлично. Сходим в какой-нибудь тихий, приятный ресторанчик. Терри будет рада познакомиться. Пойду, я и без того засиделся, а ведь у вас медовый месяц.

– Убери с лица это гадкое, скабрзное выражение, – пробрюзжала Виктория, – я ведь твоя родная сестра. И передай своей глупой курице, что она – глупая курица.

– Уберу и передам, – откликнулся Кит покладисто.

Чмокнул сестренку в атласную щечку, крепко пожал зятю руку и ушел. Хотя тут же вернулся, чертыхаясь, поскольку забыл часы.

– Прошу прощения. Видимо, провалы в памяти – штука заразная.

– Ты уж извини еще разок за трели и тому подобное, – сказал Гордон несколько смущенно.

– Ерунда. Трели как трели. А почему ты такой кислый?

– У меня внутри какое-то странное чувство, – пожаловался Гордон, – никак не пойму, что за чувство такое. Наверное, вчерашний свадебный торт. Крем был несвежий, что ли...

Виктория фыркнула.

– Ничего удивительного, дубина, ты сожрал четыре куска этого жирного торта...

Они замолчали, уставясь на Кита, который заливался радостным смехом, застегивая вокруг запястья правой руки ремешок наручных часов.

– Ты вспомнил что-то смешное, милый? – озадаченно спросила Виктория.

– Да, вспомнил я... много всякого смешного я вспомнил. Мне знакомо это чувство, но оно вовсе не от торта. Клянусь, я сам сначала думал, что от торта, очень уж вкусный был на моей свадьбе торт... я сам умял четыре куска кряду, никогда не меня так не тянуло на сладкое... а потом я понял, что женат.

– Бедный котеночек, – вздохнула Виктория, когда Кит ушел, еще раз пожелав молодоженам счастья, – мы не только не пригласили моего брата на свадьбу, но куска свадебного торта ему не оставили. Только что тут смешного, ума не приложу.

– Твой брат имел в виду вовсе не торт. Он хотел сказать, что мы теперь женаты.

– Как это – женаты?

– Пока не знаю, но, судя по его смеху, это нечто замечательно хорошее.

– Куда ты меня тащишь? – деланно запротестовала Виктория, когда муж подхватил ее на руки и понес в декорированную фиалками и розами спальню для новобрачных.

– Будем играть в нашу любимую игру. В принцессу и свинопаса.

Скоро они всю были женаты. Виктория называла мужа деревенским олухом, болваном, мужланом, дураком, кретином, идиотом, тупицей, недоумком, кобелем похотливым и пупси-ком. Она никогда не уставала повторять, что со своей громкой фамилией и благородным происхождением могла бы найти в мужья кого-нибудь получше тупой деревенщины из простого народа. Она мигом превратила его уютную холостяцкую берлогу в нечто среднее между будущим и гардеробной, забив ее шляпками, перчатками и шубками, и понатыкав повсюду капканов и ловушек, которые она жеманно называла антикварными столиками. Она завела кошку и родила сына. Она винила его во всем на свете и постоянно желала знать, где он опять шатался. Она тратила абсолютно все, что он зарабатывал, и, чем больше он зарабатывал, тем больше она тратила.

Гордон называл жену птенчиком. Он всех женщин без разбору называл птенчиками. Он работал до изнеможения. Он был очень умен, блестяще образован, в совершенстве владел латынью и древнегреческим, постиг все тайны юридической казуистики, но постоянно терял носки и время от времени забывал побриться. Он курил сигары и тушил об антикварные столики. Он никогда не говорил жене правды о том, где был. Он любил их ребенка больше всего на свете. Он открыл окно и вышвырнул туда кошку. Он наивно удивлялся про себя, куда деваются абсолютно все деньги. Впрочем, он ни в чем и никогда ее не упрекал. А еще он прекрасно ладил с ее братом...

Вот это казалось Виктории по-настоящему загадочным. У них, кажется, не было ровным счетом ничего общего, начиная от происхождения и заканчивая политическими взглядами. Она с трудом представляла, о чем они могут разговаривать. Тем не менее, они разговаривали, и прекрасно ладили, и сделались настоящими друзьями, и ничего не изменилось, когда в жизни их обоих произошли значительные перемены.

Кит возглавил Корпорацию, а Гордон стал серьезно размышлять о политической карьере. Вскоре ему подвернулся счастливый случай. Кандидат на пост бургомистра столицы Салема, города Санкт-Константин, выдвигавшийся от ПНДП, по приятному совпадению – хороший знакомый Гордона, предложил ему поучаствовать в своей предвыборной кампании. Выборы прошли чрезвычайно успешно. Кандидат стал законно избранным бургомистром, а Гордон – его главным советником.

После переезда какое-то время Гордон с Викторией прожили душа в душу. Гордон вкладывал, как проклятый, а в свободное время охотился на оленей и прочую живность, что водилась в местных живописных лесах. Виктория постепенно обживалась на новом месте. Санкт-Константин оказался не таким заброшенным провинциальным городишкой, как она опасалась. Здесь тоже имелись магазины, салоны, театры и художественные галереи, и она могла продолжать вдоволь тратить денежки, устраивать чаепития, вечеринки и потрясающие приемы.

Маленький Максимилиан рос здоровым, веселым, живым и счастливым малышом. Он ни в чем не нуждался и жил припеваючи, словно маленький лорд Фаунтлерой. У него была большая-большая детская, много-много игрушек, пони, две няни, гувернер, личный повар, шестеро

личных охранников и огромный черный механо, который каждое утро отвозил малыша в частный детский садик. В конце концов, что самое главное – у Макса были любящие папа и мама.

Словом, все устроилось и шло прекрасно, и шло бы себе и дальше, если бы не увлечение Гордона Истинной Духовностью. Уже к тому времени, как они с Викторией поженились, он всерьез интересовался астрологией, спиритизмом, ясновидением и прочими загадочными оккультными явлениями. Карабкаясь по карьерной лестнице, свое сверхъестественное хобби Гордон не забросил, а напротив – посвящал ему все больше сил, времени и денег. Вскоре Гордон обзавелся личным астрологом, ясновидящим и духовным наставником, и все это в одном лице, а звали это лицо Чамберсом. Неглупая и чрезвычайно лстивая, эта наемная пифия любовно и заботливо принялась взращивать плевелы, семена которых упали уже на взрыхленную, удобренную и хорошо подготовленную почву, обещая в будущем принести богатые и щедрые плоды. И еще чуть позже, именно с легкой руки Чамберса, разразилась первая грандиозная катастрофа в грядущем ряду грандиозных катастроф.

Следовало заметить, что Кит на дух не переваривал Партию Новых Демократических Преобразований. Во-первых, Ланкастеры испокон веков поддерживали консерваторов – семейная традиция, а Ланкастеры блюли и уважали семейные традиции. Во-вторых, последние годы в речах деятелей ПНДП все чаще и чаще звучало словечко «контрреставрация». Некоторые, – например, Верховный Канцлер Монтеррей Милбэнк собственной персоной, сумели научиться выговаривать заковыристое словцо практически без запинки, с особым тягучим вкусом и смаком.

Словцо попросту означало то, что налогоплательщики слишком много денег тратят на содержание Двора и прихоти Императора, Гвардию и тому подобный монархический антураж. Разумеется, речь не шла о низложении Императора, или революции, или об оформленном законодательно урезании расходов на монархию, – то была чистой воды популистская болтовня, блеф.

Тем не менее, пусть и популистская, но болтовня о контрреставрации мучительно резала Киту слух и была одной из немногих вещей, способных по-настоящему и вмиг довести его до белого каления. Ибо Кит был не просто монархистом. Он был монархистом в двадцатом поколении. На протяжении долгих столетий его семья служила опорой Престола. Уж не говоря о том, что по материнской линии Кит доводился монарху троюродным племянником. Да... седьмая вода на киселе... но не тогда, когда речь заходит об императорской фамилии...

И все же, важнее было другое. Времена настоящего, великолепного, варварского абсолютизма; времена, когда Империей правил единолично Император и горстка его вассалов, среди которых первыми и лучшими, разумеется, были Ланкастеры; времена религиозного, политического и судебного произвола, кровавого подавления мятежей, пышных парадов и публичных казней – эти сладчайшие времена, горчайшие последствия которых жители Империи пожинали до сих пор, миновали не так давно, чтобы Кит порой не испытывал ностальгии.

Увы, те времена безвозвратно канули в Лету, и на смену приходили другие. На волне перемен Партия Новых Демократических Преобразований заняла на прошлых выборах большинство в нижней Палате Парламента, а Верховным Канцлером стал председатель ПНДП Монтеррей Милбэнк.

Свобода слова, совести и печати, увеличение расходов на социальные нужды, широкая поддержка профсоюзов, контрреставрация и так далее – с такой программой демократы и одержали победу на выборах. Впрочем, другим фактором, обеспечившим им победу, была банальная усталость избирателей от холеных, жирных, томных лиц консерваторов на экранах и в газетах.

С приходом к власти ПНДП пресса стала чуть более свободной в своей стандартной печатной клевете. Милбэнку со скрипом удалось провести несколько неуклюжих социальных

реформ. Налоги опять подняли, инфляция как с катушек сорвалась, а профсоюзы окончательно потеряли всякий стыд и страх. К тому же, точно так же, как прежде и консерваторы, депутаты от ПНДП быстро сделались лощеными, томными и жирными, ревностно лоббировали интересы крупных корпораций и вставали все, как один, когда на заседания нижней палаты Парламента заглядывал монарх, государь Константин Шестнадцатый.

– Контрреставрация, – цедил благой Василевс, с отвращением разглядывая депутатов, причем отчего-то обеих фракций, – в былые времена я бы лично вас всех перевешал на Центральной площади нашей прекрасной столицы, Форты Сибирь. Одного за другим... одного за другим...

Депутаты краснели, как маленькие девочки, пойманные нянькой за воровством варенья, и тупились, стараясь не глядеть друг на друга. Им было стыдно. И поделом.

– Урезание расходов на содержание аппарата Отдела Благонадежности? – благодушно усмехался директор Отдела Благонадежности Блэк Холлис, заглядывая на парламентские слушания. – Да вы, никак, тут все, как один, подкуплены явными и тайными врагами Великой Империи? Ничего. Я с вами разберусь. И... одного за другим, одного за другим...

Глава Священного Трибунала, архиепископ Райт, заглядывая на парламентские слушания, обычно не говорил ничего. Да и что тут можно было сказать? Вот и милосердный пастырь заблудших душ и овец молчал, печально, но красноречиво перебирая четки (которыми, как ходили ужасные слухи, лично душил особо ярых еретиков) и, видимо, возносил небесам молитвы за всех этих нераскаявшихся грешников... прежде чем их... одного за другим... одного за другим...

– Политика социального умиротворения, – рывкал Кит, вышвыривая из кабинета очередного профсоюзного босса, разжиревшего, как боров, на вышеупомянутой политике, – прости и помилуй их, Боже, ибо не ведают, что творят. Потому что если ведают... тогда я сам... одного за другим... одного за другим...

Итак, одним безмятежным солнечным утром, приехав на работу, их милость несказанно поразился, увидев у главного входа в Копилку сонмы репортеров. Еще больше он поразился, когда представители прессы забросали его вопросами, когда он собирается покинуть ряды Консервативной Партии и вступить в ПНДП, а также – что он думает по поводу грядущих выборов на пост губернатора Салема.

– Что? Какие выборы? Вы белены объелись?

Прежде чем Кит далеко не грациозно успел сесть в огромную, вонючую лужу, из недр Копилки выпорхнул лорд Торнтон, первый исполнительный вице-президент «Ланкастер Индастриз», и принял огонь на себя, преданно заслонив лучшего друга и, по совместительству, обожаемого босса, широкой грудью.

– Ричард, что стряслось? – чуть позже осведомился у него Кит, когда Торнтон, отбившись от прессы, явился в кабинет.

– Твой зять. Такой, если помнишь, не красавец, но очень симпатичный...

– Так. И что натворил мой симпатичный зять? Что за ажиотаж?

Ричард протянул ему миниатюрный черный футляр с пленкой.

– Вот. Запись девятичасового выпуска вечерних салемих новостей, местное отделение Три-Ви канала ИСТИНА инк. Герр Джерсей и герр Таггерт объявляют о том, что будут баллотироваться от ПНДП на грядущих губернаторских выборах и озвучивают основные постулаты своей предвыборной программы.

– А?

Торнтону пришлось повторить, причем дважды. Кит глухо застонал.

– Что за чертовщина?! Какие выборы?! Нет, нет. Я помню, Гордон мне говорил про какие-то выборы, но ничего говорил о том, что собирается куда-то баллотироваться. И что еще за Таггерт? Впервые слышу.

– Один из салемских богатых лендлордов, кандидат от Партии Новых Демократических Преобразований на пост губернатора Салема. Твой зять собрался баллотироваться с ним в тандеме, соответственно, на пост первого вице-губернатора. Короче, посмотри, тебе понравится, – пообещал Ричард, с усмешкой загружая пленку в Три-Ви-бокс.

Кит уставился на экран. Что тут могло понравиться? Зрелище производило гнетущее впечатление... попросту ужасающее.

Нет, с Гордоном-то как раз все было в полном ажуре. Его честная, открытая, порядочная физиономия смотрелась на экране великолепно. Он прекрасно знал, как держаться перед камерами, у него наличествовал большой опыт публичных выступлений, отлакированный годами успешной адвокатской практики, речь его была гладка, легка, но не легковесна, спокойна и убедительна. Кроме того, он и впрямь был очень симпатичным.

Зато его соратник Таггерт был поистине ужасен. Во-первых, он был сказочно глуп. Во-вторых, он представлял собой классический образчик обозленного провинциального крестьянина, желающего поднять короля, то есть, Императора Константина, на вилы за непомерные подати. В-третьих, они с Гордоном наперебой толковали о контрреставрации. Гордон понимал хотя бы, о чем идет речь. Бездонно глупый Таггерт совсем ничего не понимал и постоянно и умопомрачительно всерьез путал контрреставрацию то с консумацией, то с конфискацией...

– Ясно. Все кругом считают, что я обо всем знал и санкционировал эту безумную затею, – простонал Кит, – но я ничего не знал! Пожалуйста, Ричард, скажи мне, что сегодня первое апреля.

– Нет.

– День всех святых?

– Нет.

– А какой сегодня день?

– Среда, двадцать первое число.

– А разве не пятница, тринадцатое?

– Нет. Извини.

– Но, может, у тебя были предчувствия, Ричард?

– Мрачные?

– Какими же еще бывают предчувствия, как не мрачными.

– Нет. Я был удивлен не меньше твоего.

– И что? Что теперь делать?

– Лучше объясни, для начала, что твой зять вообще там забыл? – поинтересовался Торнтон желчно. – В ПНДП, я имею в виду. Смотри-ка, их с Таггертом предвыборная программа – отреставрированная и отлакированная предвыборная программа консерваторов, не считая нелепых измышлений о социальной ответственности и дешевой трепотни о контрреставрации. Я уж молчу о том, что твой зять весь из себя обаятельный и умный, а либералы не бывают обаятельными и тем более – умными. Погляди хоть на Милбэнка!

Кит поглядел, благо, далеко идти не пришлось. Портрет Верховного Канцлера в золотой рамке висел в его кабинете рядом с портретом Императора Константина Шестнадцатого, и портретами основателей корпорации – лорда Джека и Стефана Торнтона.

– Вопреки общепринятому мнению, Милбэнк далеко не дурак и вовсе не либерал, просто ему не дают как следует развернуться его же товарищи по Партии, – не согласился Кит, вдоволь налюбовавшись Верховным Канцлером, – вот, например, типичные тупицы, вроде этого Таггерта...

– И славные, умные ребята вроде твоего зятя, – сказал Ричард умиленно.

– Да... Гордон вступил в ПНДП вовсе не из идейных соображений, а лишь потому, что считал, что там ему будет легче делать карьеру...

– Карьеру, говоришь? Ха-ха, ты только послушай, что несет этот деревенский гомункул.

На экране Таггерт с вдохновенным косноязычием слагал оды хлорелле. Волшебной водоросли, по мнению герра Таггерта, должно было сперва кардинально изменить облик Салема, Второе Кольцо, а в перспективе – и всей Империи. Неприхотливая в культивации и возделывании, насыщенная белком, водоросль должна была спасти человечество от голода, поднять сельское хозяйство на новую высоту, а заодно избавить мир от боен и мясоперерабатывающих комбинатов, кои Таггерт патетически именовал «фабриками смерти». Гордон, стыло улыбаясь, с глазами, круглыми, как чайные блюдечки, сидел рядом и обреченно слушал всю эту агрикультурную белиберду.

– Почему Гордон не заткнет этого Таггерта своим железным кулаком? Это не помогло бы, но ему и нам стало бы чуточку полегче, – промолвил Ричард крайне скептическим тоном.

– Не знаю я! Говорю же, выключи! Не могу больше этого видеть! – взвыл Кит.

– Ничего страшного. Когда герр Джерсей со страшным скандалом, свистом и треском провалится на выборах, возьмем его на работу, – сказал Ричард, привычно глядя на Кита с любовью. И жалостью.

– Кем, интересно. Штатным деревенским олухом?

– Нет. Зачем. Возьмем Гордона в наш юридический отдел. Он, в конце концов, отличный юрист. Ума не приложу, что за черт его дернул заниматься политикой. Политика... это ведь такая грязь.

Кит закурил. Он знал, что ему ни в жизнь не отделаться от этой богопротивной привычки.

– Да, но кто-то должен разгрести эту грязь.

Ричард не попытался скрыть своих сомнений.

– И ты всерьез думаешь, он на это способен? Нет. Кишка тонка. Ты видел, как тряслись его руки. Наверняка сейчас заперся в уборной, и рыдает навзрыд, и бьется головой о стену.

Кит отправил Ричарда разбираться с репортерами, а сам выкурил сигарету и связался с сестрой.

– Неужели это правда, милая.

– Да, к сожалению. Я и сама обо всем узнала из выпуска вечерних новостей. Гордон и этот... как его? Зажиточный крестьянин. Я глазам своим не поверила. Мне пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что я не сплю. А потом деревенский олух явился домой и заявил мне, что дело верное, потому что его прорицатель предсказал, что они с Таггертом выиграют выборы. А потом мы ужасно поругались, и Гордон взял ружье и пошел на охоту, убивать оленей...

– Прорицатель? – упавшим голосом переспросил Кит. – Предсказал Гордону, что он выиграет выборы? Что еще за прорицатель? Какой, к дьяволу, прорицатель?!

– Такой мерзкий слизняк с маленькими пороссячьими глазками. Духовный учитель... или наставник... ясновидящий... астролог... прорицатель... Чамберс... так вот, Гордон обратился к нему за советом, и Чамберс предсказал Гордону победу на выборах.

– О, Боже. И где сейчас твой муж?

– Говорю же. Поехал на охоту. Убивать оленей и прочих тварей, что попадутся ему на пути.

На следующий день Кит, кляня всех на свете деревенских олухов, отправился на Салем с экстренным визитом. Через шестнадцать стандартных часов частная Би-яхта их милости приземлилась в главном Би-порту Санкт-Константина. Кит решил не терять времени понапрасну, а сразу отправился в предвыборный штаб Партии Новых Демократических Преобразований.

Там он познакомился с Таггертом, который после знакомства и последующей трехминутной беседы совершенно подтвердил первое кошмарное впечатление Кита о нем.

Зато глава предвыборного штаба оказался весьма толковым, разумным и деятельным джентльменом необычайно респектабельной и располагающей наружности. Звали его Юджин Бенцони, и он уже тридцать лет работал в городской Мэрии, сделав карьеру от стажера на побегушках до солидного и уважаемого главы департамента Технологий, Связи и Коммуникаций. Пятидесятидвухлетний чиновник отлично помнил времена, когда власть консерваторов на Салеме казалась вечной и незыблемой. Но, видимо, всему приходит конец. Смена политических элит ничуть не радовала Бенцони, однако ему пришлось выйти из Консервативной Партии и вступить в ПНДП, дабы сохранить работу при новом губернаторе-демократе.

– Откровенно говоря, консерваторы были из рук вон плохи, но эти демократы еще хуже. Чего стоит их бесконечная болтовня о контрреставрации. Типичные авантюристы и проходимцы, – горько пожаловался он Киту.

– Тем не менее, вы решили возглавить предвыборный штаб ПНДП!

Бенцони потупился и поведал их милости, что сам не понимает, как это все случилось. Он, мол, сидел в своем уютном кабинете, заполнял бланки и формуляры, когда Гордон вломялся, пылая своей фантазмагорической затеей по поводу выборов, и...

– И дальше вы ничего не помните? – догадался Кит.

– Верно. Ничего.

Кит покосился на Таггерта, который был занят тем, что по-собачьи лакал воду из фонтанчика с питьевой водой.

– Где Гордон вообще познакомился с этим Квазимодо?

Как выяснилось, судьбоносная встреча состоялась на съезде местного отделения Партии Новых Демократических Преобразований, где Таггерт с Гордоном встретились, разговорились и вроде бы понравились друг другу. Вместе сии достойные мужи выпивали, охотились на дичь и играли в бильярд. Вдобавок, будучи главным советником бургомистра, Гордон помог Таггерту обстригать кое-какие делишки с Мэрией. А взамен Таггерт удостоил Гордона великой чести сопровождать себя в бесславном провале на выборах.

– Надо полагать, Таггерт не простой фермер, а как это... ах, да, зажиточный крестьянин! – спросил Кит, с трудом давая горький вздох.

– Изрядно зажиточный, милорд, – отвечал Бенцони. – Владеет двумя сотнями крупных пивоваренных заводов, десятком крупных фермерских хозяйств, винодельнями, табачными и хлопковыми плантациями, а еще у него огромное поместье недалеко от Лас-Абердина, – это второй крупнейший город Салема. Пожалуй, миллиардов двадцать у Таггерта наберется.

– Допустим. Двадцать миллиардов – уже кое-что. Хватит на булавки... и на иголки тоже хватит. Все-таки, зачем зажиточного крестьянина понесло в политику?

– Говорит, что мечтает изменить жизнь простых людей к лучшему, – ответил Бенцони чопорно, как дворецкий Дживс.

– Все равно не понимаю, как Гордона угораздило в это вляпаться... хоть тресни!

– Ну, видите ли, милорд, герр Джерсей был польщен предложением герра Таггерта, но отнюдь не настолько, чтобы принять это предложение всерьез. На всякий случай, так, смеха ради, Гордон обратился за советом к своему ясновидящему... астрологу... Чамберсу.

– И тот смело предрек этим двум деревенским олухам победу на выборах? – поразился Кит.

– Да, милорд. Боюсь, именно так и произошло.

– Скажите-ка, а герр Джерсей не пробовал обратиться к психиа... экзорци... хотя бы к другому ясновидящему, настроенному менее оптимистично касательно исхода выборов? Просто, чтобы сопоставить их мнения по данному вопросу.

Бенцони грустно сообщил, что и впрямь пытался заставить герра Джерсея обратиться к другому, менее ясновидящему, но – увы – потерпел крах. Ибо Гордон был не только суеверен, а еще и ужасно вспыльчив. Он окончательно взбеленился, обозвал Бенцони разными скверными и обидными словами, а потом взял ружье и отправился. Убивать.

Кит передернулся. В гневе Гордон был столь непритворно и всерьез ужасен, что, честное слово, с ним побоялся бы иметь дело и разбуженный среди зимней спячки медведь-гризли.

– Вы сказали – убивать...

– Оленей, милорд.

– Бедняжки.

– Да что вы! Подлые, гнусные, хитрые твари, – сказал Бенцони, негодуя.

– Но ведь у них такие большие, грустные глаза, – засомневался Кит.

– Не верьте им. Сплошное притворство и дешевая комедия эти их грустные глаза, – говорил Бенцони и сплюнул.

– А что это все-таки за Чамберс? Неужто настоящий ясновидящий? – спросил Кит уныло.

– Неужели Гордон вам о нем не рассказывал?

– Отчего же. Рассказывал. Насколько я понял из его рассказов, Гордон от этого типа в полном восторге. Будто бы этот Чамберс прямо волшебник Мерлин какой-то, а Гордон при нем – ну точно как король Артур.

Бенцони перекинулся.

– Видал я этого Мерлина. Ловкий прохиндей, окрутил парня и пичкает по гланды Черно-Белой Магией. Астробией и – хуже всего – Истинной Духовностью. С этой, позвольте заметить. Истинной Духовностью эта мразь умудрилась просочиться в Мэрию... там, правда, я подловил его в коридоре и врезал разок-другой по физиономии... но, кажется. Это не слишком помогло.

– Ладно. У вас имеется смета расходов на эту катастрофу? Кит ознакомился с финансовыми документами. Чтение заняло у него десять минут. Теперь надо было пойти и еще разок потолковать с Таггертом по душам. Он подошел, оторвав кандидата в губернаторы Салема от игр с фонтанчиком.

– Прошу прощения, господин Таггерт, не сообразовали ли вы уделить мне пять минут вашего бесценного времени.

Таггерт выпрямился. Он был бочкообразный, крепко сбитый, краснолицый мужлан лет шестидесяти в скверно пошитом костюме и галстукe боло⁵. Взгляд его, мутный от пшеничной браги, явственно отобразил чувства, кои он питал к монархии и высокой столичной аристократии.

– Мы ведь уже поговорили с тобой, или нет? Напомни-ка мне, кто ты такой.

– Я лорд Ланкастер, возможно, вы слышали обо мне, – любезно предположил Кит.

– Возможно, я слышал о тебе, ты, высокомерный сосунок. Монархический прихвостень!

Кит дернулся, будто от удара током, но взял себя в руки и поведал, что совсем недавно на него снизошло божественное откровение, и из монархического прихвостня он вдруг взял и превратился в рьяного приверженца демократических ценностей. Таггерт послушал, скрестив руки на груди и щура левый глаз.

– Да. У тебя, сынок, проблема. Большая проблема. Божественное откровение, говоришь? Весьма смахивает на шизофрению.

– Верно. Государь весьма недоволен внезапной переменой моей жизненной позиции. Не будь Его Величество столь благ, добр и мудр, он бы, пожалуй, счел мое чудаковатое поведение актом государственной измены.

Таггерт хохотнул.

⁵ Галстук к виде шнура с орнаментальным зажимом или оригинальным узлом.

– Да. Смешно. Мне-то что?

– А то. Вы все еще хотите выиграть эти выборы и переменить жизнь простых людей к лучшему? Так вот, у вас ничего не выйдет.

– Потому что ты будешь путаться у меня под ногами, монархический прихвостень?

– Вовсе нет. Исключительно потому, что вы дурак. Невозможный, косноязычный дурак. Водоросль, насыщенная питательным белком... Это ваша голова насыщена вместо мозгов питательным белком!

Таггерт побагровел. Пусть выглядел он довольно неказисто, его род уходил корнями во времена Свободной Торговой Колонии, и по древности ничуть не уступал лучшим аристократическим родам старой знати. Все же его поневоле подкупила столь зубодробительная прямота.

– Ты, должно быть, частенько получаешь по своей аристократической шее, сынок.

– Случается, – не стал скрывать Кит.

– И что? Дело того стоит?

– Иногда.

– Допустим. Что ты хочешь, сосунок?

– Все просто, проще некуда. Вы молчите, улыбаетесь и даете герру Джерсею деньги. Гордон произносит речи, улыбается и тратит ваши деньги по своему усмотрению. И тогда...

– И тогда?... – протянул Таггерт настороженно.

– И тогда – о, чудо! – проговорил Кит воодушевленно, – вы побеждаете на выборах и меняете жизнь простых людей к лучшему. Таких простых людей, собственно... как вы, я и герр Джерсей. Вы следите за моей мыслью?

– А-а... понятно. Я, вы и он.

– Прекрасно. Рад, что мы уладили вопрос.

Дружески побеседовав с Таггертом, Кит покинул штаб ПНДП, заехал еще в пару мест, а потом отправился к зятю. Гордон все еще снимал стресс, охотясь на оленей, о чем прелестная Виктория и сообщила старшему брату. Сестренка возлежала на диване в гостиной, очаровательная, как одалиска, и томно притворялась, что у нее чудовищная истерика. Кит отнес сестренке чашку ромашкового чая, зашел проведать Макса, пробыл у племянника около часа и вернулся к Виктории.

– Оленей, значит, убивает? – спросил Кит, передергиваясь. На стенах комнаты висели олени головы и смотрели темными глазами.

– А ты бы предпочел, чтобы мой муж убивал людей? – заинтересовалась Виктория, свежая и лучезарная, как внешнее солнышко.

– Нет. Просто чучела... глаза у этих тварей...

– Да, я тоже заметила. Как у твоей жены. Карие и стеклянные.

Кит расхохотался, потом посерьезнел.

– Значит, Гордон уволился.

– Не просто уволился, а устроил жуткий скандал и хлопнул дверью. Бургомистр умолял его остаться едва ли не на коленях, просил не ввязываться в эту авантюру. Все его просили. Когда же Гордон ушел из Мэрии, его попытались переманить консерваторы. Ему предложили возглавить предвыборный штаб Консервативной Партии и пообещали кучу денег и пост в администрации губернатора. Гордон отказался.

Он сказал, ему плевать на деньги, а еще он состоит в Партии Новых Демократических Преобразований и не собирается менять мировоззрение ради наживы. До сих пор я не подозревала, что у него вообще есть какое-то мировоззрение! Думаю, он свихнулся. Потом мы поссорились, он свихнулся окончательно, взял ружье и ушел. Все.

– А что было *до того*? – хладнокровно спросил Кит.

– *До чего*, милый? – не менее хладнокровно уточнила Виктория.

– Почему наш пупсик вдруг взял, да и свихнулся? – переиначил вопрос Кит.
– Все очень просто. Гордон – болван, тупица и жалкий неудачник.
– А если еще немножко подумать?
– Потому что прорица...
– Зайка. Пожалуйста, подумай хорошенько и скажи, что случилось.
– Ну... я пару раз намекнула пупсику, что мне надоело влачить жалкое существование в этой грязной лачуге...

Кит огляделся. Лачуга представляла собой роскошную трехэтажную квартиру в центре города с четырьмя спальнями, бассейном и зимним садом; а еще у Виктории была гардеробная, битком набитая шубками, шляпками и перчатками, обширная коллекция бриллиантов, картин и антиквариата, горничные, повар, портниха, охрана и загородная вилла с садом. Чего тут у нее только не было! Гордону приходилось крутиться, как белка в колесе, чтобы поддерживать непомерно высокие жизненные стандарты, к которым Виктория привыкла с детства и которые принимала, как должное. Поделом ему... и все же.

– Да. Ты намекнула. И еще его оракул намекнул... а я теперь должен достать из кармана пару-другую миллиардов империалов и вышвырнуть на ветер... впридачу к денежкам этого недоумка Таггерта. А ведь глава нашего салемиского филиала уже официально объявил, что на будущих выборах мы поддержим кандидата от консерваторов... который с подавляющим перевесом лидирует согласно всем опросам. Если я сейчас переменю решение и возьмусь поддерживать Гордона, меня не просто обвинят в кумовстве. У меня не просто будут большие проблемы с местными чиновниками и будущим губернатором, и нашим филиалом здесь. Все решат, что я сошел с ума, как Калигула, назначивший сенатором коня. Но в том была язвительность хотя бы... и назидание грядущим поколениям, а здесь – сплошное идиотство.

Виктория чрезвычайно скверно училась в школе, не представляла, кто такой Калигула и тем более не знала, что у древнеримского Императора Гая Цезаря, по прозвищу Сапожок, тоже, между прочим, имелась обожаемая младшая сестра, по имени Юлия Друзилла. Виктория поняла только, что старший брат страшно зол. Губы ее задрожали, прекрасные серые глаза наполнились слезами.

– Почему ты сердишься? Почему на меня? А не на Гордона? И не на Бенцони? Или на Таггерта? Или не на прорица... ясновидя... Чамберса? Это потому, что они мужчины?

– Я сержусь на них тоже! Только пойми, нельзя безнаказанно пилить мужа...

– Я не пилила!

– Прости, но пилила. Как пила. Не переставая. Выпила из Гордона пинту крови, а то и две. Нет, он мне не жаловался, Виктория, но неужели я тебя первый день знаю? Нет. И его я тоже знаю не первый день. Да, он жутко амбициозный. И вечно порет горячку. Сделает... а только потом подумает. Но он отличный парень. Ведь он в лепешку расшибется, лишь бы ты была довольна и счастлива, лишь бы обеспечить тебя и малыша. Ты могла бы ценить это, милая. Хоть немножко. Неужели не понимаешь, что он и ради тебя встрял в это безумие?

Виктория взмахнула длинными ресницами.

– Причем тут я? Я тут абсолютно не при чем. Отговори его. Тебя он послушает, милый.

– Твой муж уволился с работы и ушел, хлопнув дверью. Учинил жуткий переполох. Он суеверный деревенский олух. И, к тому же, у него есть ружье. А теперь я должен его отговорить? Да он и слушать не станет, а пристрелит меня в упор. Кстати, что ты собираешься делать, когда твой муж с треском провалится на выборах?

Викторию совершенно не тревожила столь печальная и грустная перспектива.

– А, ерунда. Брошу этого олуха и найду кого-то получше.

– Что?!

– А что? Все так поступают, разве нет? Не сердись.

– Я не сержусь.

- Но ты сердишься, я вижу.
- Да, я сержусь, но...
- Вот видишь, сердишься.
- Да, если честно, я очень-очень сержусь, но...
- Терпеть не могу, когда ты на меня сердишься. Это меня убивает. Просто убивает.
- Виктория!
- Бедный сердитый котенок. Какая жалость, что мы с тобой теперь так редко видимся.

Не представляешь, как я соскучилась. Ты устал, прямо с дороги. Прими ванну и приляг.

Для их милости как раз успели подготовить комнату, так что Кит пошел, принял ванну и прилег. Виктория принесла брату рюмочку. И еще две. Угостила необычайно вкусными сэндвичами. Пообещала вечером приготовить сногшибательный ужин. Прикурила ему сигарету. Раз триста или четыреста попросила не сердиться на нее и, наконец, получила прощение. Бедный котенок был обнят, поцелован и разнежился в лучах беззаветного сестринского обожания.

– Поверишь ли, Виктория, – горько пожаловался он сестренке, – этот зажиточный крестьянин, Таггерт или как его там, обозвал меня монархическим прихвостнем. Как мне было больно и обидно – ты не представляешь.

– Бедный обиженный котенок, – посочувствовала старшему брату Виктория, – раньше за такую непочтительность крестьян отводили на конюшню и пороли плетью.

- Пороли... а то и вешали прямо на ближайшем дереве, – протянул Кит мечтательно.
- Вот-вот! А почему сейчас не порют и не вешают, милый?
- Говорят, настали другие времена, гуманные и просвещенные.
- Не нравятся мне эти дурацкие времена, милый. Совсем не нравятся.
- Кит чмокнул сестренку в уголок розового, как цветочный бутончик, рта.
- Когда твой муж вернется?
- Должен вечером.
- Хорошо. Я пока вздремну.

Вечером Гордон вернулся с охоты. Он выглядел до жути симпатичным в камуфляже. Он смущенно протянул жене скромный букетик белых полевых цветов. Его сапоги были до голенищ забрызганы грязью. От него пахло кровью, потом, бешеной скачкой и адреналином.

- Где твои мертвые животные? – опасливо спросила Виктория.
- Я завез их к таксидермисту.

Виктория украдкой перевела дух. Раньше Гордон приходил домой с охоты и сваливал трофеи прямо в гостиной на пол, пока она не объяснила мужу, что окровавленные туши мертвых животных не настолько украшают их со вкусом обставленную антиквариатом гостиную, как ему почему-то кажется.

- Мой брат приехал.

Гордон покивал и поднялся наверх, оставляя потеки мокрой грязи на безумно дорогих коврах. Против обыкновения, Виктория не сделала мужу ни единого замечания по этому поводу. Наверное, потому, что за спиной у него было охотничье ружье. Гордон вошел в комнату и сел, положив ружье на колени. Кит проснулся от грохота тяжелых сапог, сел и посмотрел на зятя.

- Гордон, ну, что случилось.
- Ты ведь уже сам со всеми переговорил и все выяснил, как я понимаю.
- Да. Я заехал в Мэрию и побеседовал с бургомистром. Он согласен взять тебя обратно.

Он сказал мне, что считает ужасной ошибкой лишаться столь толкового и компетентного сотрудника вроде тебя оттого, что ты малость увлекся астрологией и в результате капельку вспылал.

Гордон опустил голову и заворчал, как медведь, случайно забредший в заросли крапивы и чертополоха. Непохоже, чтобы мысль о возвращении на свою прекрасную высокооплачиваемую должность в Мэрии прельщала его. Он уже три года посвятил этой работе, был сыт по горло рутинной и, вдобавок, искренне считал, что достоин гораздо большего.

- Не надо было тебе приезжать, – сказал он Киту.
- Давай я сам буду решать, что мне надо и что не надо.
- Я в том смысле, что если ты приехал отговаривать меня...
- Это нас к чему-нибудь приведет?
- Нет.

– Я так и думал. Поэтому решил помочь. Я буду спонсировать твою предвыборную кампанию.

Гордон непритворно растерялся.

– Что? Нет. Так дело не пойдет. Я твоих денег не возьму. Минимум, это поставит тебя в неловкое положение...

Кит махнул рукой, заставив Гордона замолчать.

– Опомнись! Вот ты олух деревенский! Я уже поставлен в невыносимо идиотское и неловкое положение. Все, кому надо о том знать, прекрасно знают, что ты мой зять и, в отличие от тебя, не забывают о том ни на секунду. Теперь все считают, что я был в курсе твоей затеи, более того – санкционировал ее. Интересуются: то ли я с ума сошел, то ли затеял ловкую политическую аферу. Что я могу ответить? Как так получилось, что я лег спать опорой священного Престола, а проснулся – о Господи, прости и помилуй! – монархическим прихвостнем?

Гордон расстроился.

– Да. Это неправильно. Хорошо. Я откажусь от этой...

– Нет. Не откажешься. Ты пойдешь и выиграешь выборы. Тем более я уже упросил старину Монтеррея оказать тебе всю возможную поддержку на самом высоком уровне, – прибавил Кит, очень довольный собой.

– Старину... кого?

– Верховного Канцлера Милбэнка, твоего, если позволишь, однопартийца. Милбэнк будет несказанно счастлив свалить на Салеме консерваторов и наконец заполучить тут своего губернатора.

После трехдневных блужданий в темном глухом лесу Гордон малость одичал и соображал довольно туго.

– Но... Милбэнк? Я думал, ты на дух не переносишь этого... прохвоста. Зачем тебе вздумалось ему помогать?

– Ты ведь учился в школе и, наверное, слышал историю о троянском коне?

– Да, слышал. И в чем суть.

– О, Боже, Гордон, не хочу тебя обидеть, но иногда тебе действительно стоит собраться и пользоваться своими мозгами по их прямому назначению.

В дверях тихонечко появилась Виктория и поглядела на них обоих, кусая губы.

– Допустим. Старина Монтеррей? Деньги? Только... а если я не выиграю выборы? – промямлил Гордон, с трудом собравшись с мыслями.

Кит расцвел от счастья, заулыбался и от избытка теплых чувств так крепко обнял зятя, что слегка придушил.

– Что ж, тогда с твоей карьерой будет покончено. А моя сестра... она, конечно, не захочет провести остаток жизни в компании жалкого неудачника. Мы оба знаем, Виктория – женщина далеко не такого самоотверженного сорта. Не правда ли, милая? С какой стороны ни глянь, у тебя просто нет выбора. Полагаю на этом вопрос решенным. Детали обсудим позже, когда моя сестра не будет слоняться поблизости, глядя на нас обоих удивленными, прекрасными, невинными глазами.

– Я не...

– Прежде чем ты что-нибудь скажешь, глупышка, вспомни: твой муж отлично стреляет, – промолвил Кит, – пристрелит тебя, отвезет к таксидермисту, сделает чучело и украсит им вашу гостиную.

Виктория ужасно побледнела.

– К-как? – пролепетала она.

– А вот так, – отрезал Кит.

Гордон посмотрел на жену и растрогался.

– Ах, ты мой птенчик, моя красавица.

– Пупсик, – сказала она и немножечко всплакнула.

– Прекратите, – взмолился Кит, – ваши соловьиные трели... у меня от них в ушах звенит, и вот-вот кровь пойдет из носа!

– Прости, милый, – спохватилась Виктория, и щечки ее порозовели, – мы постараемся больше не звенеть в твоих ушах своими трелями. Иди, Гордон, умойся, переоденься и сядем ужинать.

* * *

Кит до последнего мгновения не верил, что эта политическая авантюра увенчается успехом. И все же, с тех пор, как Таггерт захлопнулся, дела у демократов на Салеме здорово пошли на лад. Гордон говорил, много и вдохновенно, а Таггерт стоял рядом, держа в руках широкополую шляпу, и молчал. Когда Таггерту все же приходилось говорить, он читал по бумажке заранее написанные Гордоном вдохновенные речи. Читал Таггерт мямля и запинаясь, по складам, но избирателям это импонировало. Остальное доделали крупные финансовые вливания и поддержка самого Верховного Канцлера.

Победу свою Гордон и Таггерт встретили в предвыборном штабе. После полуночи, наконец, объявили, что они выиграли – пятьдесят один процент против сорока у консерваторов. Остальные проценты голосов рассредоточились по прочим кандидатам, в том числе, и от Народного Трудового Альянса, который получил чуть больше четырех процентов голосов. Вроде бы очень скромный результат, но и не такой уж плохой, учитывая, что НТА в качестве общеимперской существовала меньше трех лет, а кандидат от нее был зарегистрирован за две недели до начала выборов и, в отличие от двух главных претендентов, не затратил на свою предвыборную кампанию и гроша ломаного.

Но это уже были частности... пускай и настораживающие. В штабе царил ликование, усталые сотрудники поздравляли друг друга, обнимались и пили шампанское.

Кит тоже приехал, тоже вкусил общего триумфа и тоже принимал поздравления. То, что он сам считал самой опасной и безнадежной финансовой авантюрой, когда-либо им предпринятой, остальные расценили как блестящий образчик его исключительного делового и политического предвидения. Теперь Кит и вправду мог выдвинуть в сенат коня. Да хоть троянского.

Размышляя о троянских конях, Кит неспешно дегустировал местные виноградные и пшеничные напитки, когда к их милости подошел Бенцони. За свои старания он тоже получил по заслугам и был назначен главой администрации новоизбранного губернатора. Тот, кстати, занимался любимым делом – ломал питьевой фонтанчик.

– Не знаете ли, в чем тут дело, господин Бенцони, – спросил Кит после того, как они обменялись приветствиями, – отчего господин Таггерт так равнодушен к питьевым фонтанчикам.

– Может, тайный фетиш? Право, не знаю.

– Неужели? Все равно. Поздравляю. Не могу поверить, но вам это удалось.

– И вам, милорд, – почтительно проговорил Бенцони.

– Благодарю, но вы сильно преувеличиваете мои заслуги в этом деле. К тому же, вы забыли упомянуть ясновидящего. Смотрите-ка, астролог предсказал Гордону победу на выборах, и Гордон выиграл выборы. Занятная штука – ясновидение... не находите, мистер Бенцони?

– Я бы сказал, что это не занятная штука, если позволите, сэр, а целая наука.

– Гадания на кофейной гуще и внутренностях животных? О, да. Серьезная и точная наука. И, главное, работает... как ее там?

– Астролябия. Да. Астролябия работает безупречно, сэр.

– Еще бы. Это ведь целая серьезная наука – облапошение...

– И закабаление, – закончил Бенцони.

– За ваше здоровье, – сказал Кит, и они выпили на брудершафт.

Чуть позже подошла младшая сестренка. Виктория выглядела весьма довольной, хотя капельку смущенной.

– Спасибо, милый.

– За что?

– Ты поддержал пупсика в очень тяжелый для него момент. Дал ему деньги. И главное – верил в него до конца. Никто не верил, а ты верил. Это так много значит для Гордона. И для меня.

– Кстати, о деньгах, милая. Возьми. Десять сотен. Ровно столько, сколько ты заплатила провидцу, чтобы он предсказал Гордону невозможную победу на этих ужасных, провальных выборах.

Прекрасные глаза Виктории широко распахнулись, она лихорадочно огляделась по сторонам, будто выискивая лазейку, куда можно удрать и спрятаться, но Кит остановил сестренку, одной рукой нежно, но крепко ухватив за запястье, а второй, оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто не смотрит на них, ловко, будто факир, затолкал банкноты в лиф ее вечернего платья.

– К-как ты узнал?

– Да заехал к этому Чамберсу в тот же день после посещения предвыборного штаба, поболтал с ним чуточку по душам, стукнул разок по мерзкой роже, и он мне все выложил, как на духу.

– Ой-ой, Никита, – пробормотала Виктория.

Кит приобнял сестренку и шепнул ей на ушко:

– Это абсолютно против всех представлений о мужской дружбе, а также здравом смысле и морали, но я иногда по-настоящему восхищаюсь тобой, милая.

Виктория нежно порозовела ушками. Его восхищение дорогого стоило.

– Надеюсь, ты теперь довольна? Все-таки притормози немножко, а не то Гордон и впрямь устроит нам контрреставрацию, – Кит подозвал официанта, угостил себя и сестренку тартинками и закончил, прожевав: – Что бы он ни понимал под этим на самом деле.

– Так ты не сердишься? – на всякий случай уточнила Виктория.

– Ни капельки, – искренне сказал Кит.

– Никита.

– Да, солнышко.

– Может быть, все-таки стоит сказать пупсику, что прорицатель – шарлатан? – спросила Виктория, наблюдая, как муж, усталый и небритый, но очень симпатичный, греется в лучах заслуженной славы, принимая сердечные поздравления, объятия и кружечки пива.

– Потому что предсказал, что Гордон выиграет выборы, и Гордон их выиграл?

– Да... ерунда получается, – пробормотала Виктория.

– Верно, получается. Знаешь, почему? А просто потому, что до некоторых вещей человек должен доходить исключительно своим умом. Своим. А не твоим и не моим. Ничего тут не поделаешь. Давай просто обо всем забудем, милая.

– Давай, – с облегчением согласилась Виктория.

– Хочешь потанцевать?

– Ты меня приглашаешь, милый?

– Да. Докажем всяким деревенским олухам, что *можно* танцевать, не отдавливая партнеру ноги.

В конце концов, именно Гордон – не по должности, но по сути – стал губернатором Салема. Именно в его руках сосредоточилась реальная власть. Таггерт существовал в качестве довеска к своему вроде бы заместителю. Дело доходило до того, что губернатора далеко не все граждане Салема знали в лицо и по имени, зато вице-губернатора на Салеме (и далеко за его пределами) знали, как раз напротив – все и каждый – и в лицо, и по имени. И, обращаясь к нему, люди частенько, кто намеренно, из желания польстить, кто совершенно непреднамеренно, забывали о приставке «вице».

Гордон сперва старательно поправлял их, потом ему надоело. К черту. Заслужил.

Таггерт злился, ломал питьевые фонтанчики и бранился, но потом и ему надоело. Гордон всегда вел себя с патроном деликатно и любезно, водил по шикарным ресторанам и на канкан, почтительно внимал бредням о питательной водоросли, угощал сигарами и киршвассером. Что еще надо для счастья немолодому уже человеку? Да и дело свое вице-губернатор делал неплохо. Инвестиции на Салем хлынули широкой рекой. Лендлордов утешали разговоры Гордона о контрреставрации, пусть они и понимали, что это всего лишь пустая болтовня. Простой же народ был благодарен вице-губернатору за его рьяную борьбу с коррупцией, мздоимством и преступностью. Гордон также сумел провести несколько толковых и долгожданных реформ в области налогообложения, торговли и промышленности, и социальной сфере.

В общем, все были счастливы и довольны.

Все, кроме самого Гордона.

Ему по-прежнему было мало. Он по-прежнему жаждал куда большего.

И наступали времена, когда его надеждам было суждено осуществиться.

2

Двадцать третий век от Рождества Христова ознаменовался двумя эпохальными технологическими прорывами. Открытием во время колонизации Венеры гигантских подземных залежей сверхгорючего вещества «Джет». И синтезом синих кристаллических четырехмерных структур, на основе которых была впоследствии разработана кристаллическая фотонная ретрансляторная связь.

Разработка и внедрение космических кораблей с Джет-двигателями, способных развивать скорость, многократно превышающую скорость света, и усовершенствование КФРС означали, что человечество могло теперь приступить к исследованию и освоению дальнего космоса, более не замыкаясь в узких границах Солнечной системы.

Запуск Джет-корабля «Феникс» состоялся 18 октября 2269 года. На борту находилось сто двадцать человек – шестьдесят восемь граждан Объединенной Южной и Северной Америк и пятьдесят два гражданина Демократического Китая, из них четырнадцать – женщины. Заветная цель экспедиции лежала на расстоянии пятнадцати световых лет от Земли в созвездии Весов. Это была землеподобная планета, которая будущим поколениям станет известна под именем Эплтона.

Первые Джет-корабли представляли необычайно громоздкие конструкции, требующие значительного количества обслуживающего персонала. «Феникс» достигал размеров небольшого островного государства. Его строительство заняло три десятилетия и обошлось американо-китайскому государственному космическому конгломерату в двадцать триллионов золотых амеров. Еще столько же средств было потрачено на подбор, подготовку и тренировку астронавтов. Это не говоря о предшествующих полету «Феникса» годах кропотливых и дорогостоящих научных исследований, снаряжении и отправке десятков автоматических зондов, а также четырех орбитальных спутников связи.

Путешествие «Феникса» продлилось земной год и обошлось без серьезных происшествий, что само по себе можно было счесть необычайным чудом. Экипаж не питал иллюзий на счет. Они были смертниками – самыми высокооплачиваемыми смертниками в истории. Малейший сбой систем мог привести к их немедленной гибели или к вечному дрейфу «Феникса» в мертвых глубинах космоса.

И все же, представшее их взорам сокровище стоило любых рисков. Орбита планеты была устойчивой, климат – мягким, ровным и однородным, сила тяжести – чуть больше земной. Две трети поверхности планеты занимал относительно мелкий и теплый пресноводный океан. На двух материках имелось в изобилии прочих водоемов – озер и рек. Океанические водоросли и растения материков в изобилии насыщали атмосферу кислородом. Пробы, взятые автоматическими зондами, свидетельствовали об отсутствии болезнетворных бактерий или инопланетных вирусов. Местные виды моллюсков, ракообразных и рыб вполне годились в пищу человеку, а богатая флора круглый год приносила щедрые и питательные плоды.

Никому из астронавтов и в голову не могло прийти, что перед ними – великолепно подготовленные и расставленные силки. Типичная мышеловка. Сыром в которой было вещество загадочного происхождения, позже названное усладом-плюс.

Услад-плюс находился всюду. Буквально – всюду. Микроскопические дозы его были растворены в воде, земле и воздухе, в тканях животных и растений. Но это была крохотная вертушка айсберга. Титанические залежи услада находились на дне океана. Колоссальные розовые жилы месторождений услада уходили на сотни километров вглубь планеты, практически достигая раскаленного ядра Эплтона. Невероятные подземные запасы услада позже обнаружили в горах, неподалеку от которых приземлился несчастный «Феникс».

Наличие в атмосфере и воде этого таинственного вещества было зафиксировано еще исследовательскими зондами ОА, но тогда его подлинные свойства остались тайной за семью печатями, и были сделаны выводы, что оно не представляет опасности для людей. Руководствуясь этим сомнительным знанием и не видя видимых препятствий к высадке, капитан «Феникса» – тридцатидвухлетняя Джоанна Лавджой – приняла роковое решение. Совершив с десятков витков по орбите планеты, «Феникс» на редкость гладко и мягко приземлился на пустынное плоскогорье, в десяти милях от пустынного океанского берега.

Там же был торжественно водружен флаг Объединенных Америк, а планета столь же торжественно наречена Эплтоном – в честь Пожизненного Президента Объединенных Америк Карлоса Хаббарда Гольдштейна Эплтона. Во время церемонии астронавты радовались, как дети. Лишь капитан Лавджой не поддавалась общей эйфории. Даже в миг величайшего триумфа под желто-сиреневыми небесами чужого мира капитана не на шутку тревожила политическая ситуация на далекой Земле и безопасность родной страны, находящейся в плотном кольце вооруженных до зубов врагов, выжидающих удобного случая, чтобы коварно напасть на миролюбивую Объединенную Америку.

Чего стоила одна недружественная Пан-Скандинавия, бывшая Европа, на заболоченных задворках которой партизанские отряды гибнущей Франко-Британии безнадежно, но беззаветно храбро пытались противостоять стальным армадам Священной Ирландии и Социалистической Республики Дания. Дальше на востоке скалил атомные зубы Братский Блок – несокрушимое содружество славянских государств, основной и самый опасный потенциальный противник Объединенных Америк. Еще восточней обитал зверь куда скромней размерами, но не менее злой и опасный – милитаризованная монархическая Япония. А донельзя враждебная Зеленая Лига Джихада, со столицей в Тегеране, объединившая под знаменами Пророка не только арабские страны, но и большинство стран Африки?...

Единственным верным и надежным союзником Объединенных Америк в окончательно спятившем мире являлся могучий демократический капиталистический Китай под руководством Четырех Красных Далай-Лам. Но, если честно, сотрудничество двух великих государств не особенно согревало душу капитана Лавджой. За год полета неизменно вежливые и улыбочивые азиатские лица несколько... набили ей оскомину. Нет, капитан не показывала вида, но в их улыбочивости ей постоянно мерещилась какая-то подспудная, скрытая угроза.

В самом деле Джоанна прекрасно понимала, что китайцы – отличные ребята, хорошие товарищи, настоящие профессионалы, да и Пожизненный Президент Эплтон не так давно объявил мироучение Демократического Дао в целом не отклоняющимся от основной линии Партии и регулярно принимал в Нью-Вашингтоне пышные делегации Четырех Красных Далай-лам. И все-таки капитана Лавджой не оставляло ощущение, что перед ней, наверное, шпионы, предатели, вредители и враги, а то, чем черт не шутит, и тайные диверсанты.

Ведь именно диверсанты и шпионы были виноваты в том, что Америка переживала далеко не лучшие времена. Особенно тяжело стало с тех пор, как Москва, Тегеран, Копенгаген, Дублин и Токио ввели против Америки строжайшую экономическую блокаду. Вот уже четыре десятилетия страна, так и не сумевшая оправиться от судьбоносных потрясений Победоносной Революции и последствий Объединения, испытывала серьезные и затяжные перебои с топливом, медикаментами и продовольствием – впридачу к нищете, разрухе, повальному, особенно в сельской глубинке, пьянству, ужасающей детской смертности, галопирующей инфляции, безработице, коррупции, эпидемиям и бешеной гонке вооружений, пожирающей без остатка все финансовые и экономические ресурсы.

Некогда величественные города Зоны Северная Америка превратились в дурно пахнущие помойки, сомнительным украшением которых служили горы трупов контрреволюционеров на центральных площадях. Среди мусора и отбросов копошились бездомные, беженцы и бродяги, седые ветераны Революции и локальных конфликтов. Безногие, безрукие, слепые,

кашляющие кровью... человеческие обрубки. По улицам шныряли банды с Юга. Грабили чудом уцелевшие крохотные магазинчики, убивали случайных прохожих, насиловали женщин, похищали детей. Частенько случалось – несчастных хватали и угоняли в рабство, вкалывать на бескрайних плантациях коки, затерянных в Зоне Бразилиа-Колумбия. Поговаривали, в отдаленных южных районах после столетий сна пробудились к жизни древние индейские божества, мстительно требуя крови белых людей и человеческих жертвоприношений. И над всем этим витали радиоактивные облака, приносимые ветром из безжизненных пустошей Зоны Канада, уничтоженной атомными бомбардировками после крупномасштабного антиправительственного восстания.

Капитану доводилось слышать тихие, пугливые рассказы о том, что когда-то, лет сто или двести тому назад, до Объединения Америк и Революции, жизнь была совсем другой. Вдоволь еды, воды, спиртного, бензина и табака, – и все это можно было купить свободно, без карточек или не переплачивая втридорога на черном рынке. Телевизионных каналов были сотни, а не один, как сейчас, бесконечно транслирующий речи Пожизненного Президента, который не постарел ни на мгновение со славного дня Последней Победоносной Революции. Полиция охраняла мирных граждан, а не расстреливала на улицах без суда и следствия, и не отвозила в концлагеря для контрреволюционных элементов. Бандиты сидели в тюрьмах, а не разгуливали по улицам средь бела дня, а сами улицы регулярно чистили и убирали. И нация вымирала от последствий неумеренного переедания и ожирения. А не от голода.

Лавджой не верила этим рассказам, считая их уделом впавших в маразм слюнявых стариков, сопливых паникеров и засланных пропагандистов Братского Блока. Как могло раньше быть лучше? Не могло. Очевидно, все было стократ хуже, ведь именно поэтому и началась Победоносная Революция, к власти пришла Правящая Партия во главе с великим и бессменным Пожизненным Президентом...

– Давайте теперь поставим наш флаг, – проговорил один из китайцев, отвлекая капитана от ее мыслей.

– Что?

Китаец откашлялся, решив, что капитан недостаточно хорошо разобрала его великолепный английский.

– Флаг нашей славной и могучей родины, Демократического Китая.

– Здесь есть место лишь для одного флага, – холодно проронила Лавджой, обведя рукой в перчатке гористую местность, поросшую редкой рыжевато-красной растительностью.

Китайцы зароптали. Удивление их быстро сменялось озлобленностью, а также сомнениями в компетентности капитана и ее здравом рассудке. Нервы у всех были на пределе. Не могло не сказаться чудовищное, нечеловеческое напряжение минувших месяцев. Капитан не стала дожидаться, пока разгорится первый в истории межгалактический скандал. Ей здесь было все ясно и понятно. Она выхватила оружие и недрогнувшей рукой пристрелила трех азиатов в упор, проделав в их герметически закупоренных защитных костюмах аккуратные дырочки, взорвавшиеся фонтанчиками мяса и крови.

– Кто следующий? – холодно спросила Лавджой.

Убитых похоронили тут же, закопав в рыхлой земле, которая впитала кровь жадно, будто губка. После чего инцидент был полностью исчерпан, и экипаж приступил к работе.

Первоначально планировалось, что исследовательские работы уложатся в двадцать семь земных суток, расписанных буквально по секундам. Кажется, все было предусмотрено и распланировано, работы продвигались по графику, на Землю регулярно отправлялись подробные и оптимистичные отчеты... но тут начало твориться что-то непонятное. Сперва оборвалась связь с центром управления. Потом будто с ума посходили надежнейшие, точнейшие приборы, включая бортовые компьютеры «Феникса». Затем обнаружилась серьезная поломка корабля, устранение которой могло занять долгие месяцы...

Ситуация из плохой быстро становилась критической. Капитан Лавджой пыталась воззвать к благоразумию экипажа, умоляла не поддаваться панике, через слово упоминала Пожизненного Президента и грозила подчиненным немислимыми карами. Впустую. Астронавты были тренированными, закаленными людьми, прошедшими наистрожайший физический, психологический и идеологический отбор, и все же... они оставались просто людьми. Напуганными, усталыми, растерянными людьми, оказавшимися в чуждой обстановке, за миллионы миллионов миль от Земли... от друзей и семей... и всевидящего ока Пожизненного Президента...

А здесь цвели незнакомые, но прекрасные цветы, щебетали на ветках летучие ящерки, в чистых водах плескались аппетитные рыбешки и моллюски, деревья ломились от съедобных плодов и фруктов, а воздух, чистый и свежий, был очень пригоден для дыхания без скафандров и респираторов.

Попытки капитана вернуть экипажу должный рабочий настрой закончились тем, что ее заперли в рубке «Феникса» рядом с молчащим передатчиком. Избавившись от опеки капитана, астронавты повели себя, как подростки в буйном подпитии на веселой вечеринке. Работы по починке корабля прекратились совершенно. Мужчины и женщины сбросили защитные костюмы и расхаживали нагишом, загорали на пляжах, купались, ели рыбу и сочные фрукты, спали под открытым небом и без стеснения делились самыми сокровенными мыслями. Капитан приходила в ужас от этих разговоров. Мало того, что американцы пребывали не в восторге от убийства китайцев, так они еще осмеливались критиковать самого Пожизненного Президента. Те, что пообразованней, особенно инженеры, вообще заводили разговоры столь откровенно подрывного и контрреволюционного характера, что, окажись они на милой родине, их бы немедля расстреляли. Например, они высказывали вслух крамольные предположения, что никакого Пожизненного Президента не существует. По их мнению, вечно молодой Президент мог быть трехмерной голограммой или человекоподобным роботом.

Но куда больше этих нелепых фантазий капитана пугало и корбило то, что ее люди, напрочь утратив представление о приличиях, предавались дикому, непристойному разврату, свальным оргиям и прочим отвратительным бесстыдствам. Притом они совсем не заботились о предохранении или иных мерах предосторожности. Мало того, поскольку самки находились в меньшинстве, самцы устраивали за обладание ими кровавые драки, обыденные для пещерных кроманьонцев, но никак не для высококвалифицированных штурманов, техников, биологов, медиков и инженеров!

Капитан сидела взаперти в рубке, тщетно надеясь, что случится чудо и передатчик заработает. Она не верила в происходящее. Она ощущала в творящемся кошмаре какую-то еще более кошмарную подоплеку, но не могла представить, какую именно. Ей начали сниться сны, полные миллионами миллионов одинаковых марширующих Пожизненных Президентов. Джоанна хотела застрелиться, но у нее конфисковали оружие. Вообще, экипаж не забывал о капитане. Ей регулярно приносили еду и воду, и раз в день на десять минут выводили на прогулку. С Лавджой не разговаривали, но и не угрожали ей, не давили, будто ждали, что капитан добровольно присоединится к маленькому обществу.

Из того, что капитан видела и слышала в те дни, можно было заключить, что неведомое действо перешло в новую фазу. Взрыв животной чувственности сошел на «нет». Люди обустранивались на новом месте и возводили хижины. Вспомнив об этикете, экипаж соорудил примитивные одежды из коры и листьев, потихоньку налаживал незатейливый быт и запасался продовольствием и запасами воды.

К удивлению Лавджой, люди выглядели прекрасно, будто отдохнули на лучшем курорте. Все были загорелыми, сытыми и спокойными, никаких болезней, ранений или несчастных случаев, ни единого проявления агрессии или паники, никаких драк и свар. Каждый четко выполнял свою работу, заботясь о выживании маленькой колонии. Главное, с поразительной и без-

заботной легкостью все они и думать забыли о родине, о Земле, об экспедиции, о «Фениксе» и о... как там его звали? Карлохабогдэплл...?

Джоанна не представляла, чем это может быть, но оно воздействовало и на нее. Она давно сняла защитный скафандр, потому что измучилась от дневной жары и спертого воздуха внутри корабля. Запасы воды и пищи с Земли иссякли, и она пила местную воду, ела фрукты и рыбу. Ночами она покидала стальное чрево корабля и жадно глотала свежий, прохладный воздух. Передатчик молчал. Величественный «Феникс» ржавел, трещал и разваливался на части. В какой-то момент капитан Лавджой поняла, что безнадежно сошла с ума. В ее голове поселились призрачные голоса и часами разговаривали друг с другом, игнорируя ее просьбы замолчать, ее слезы и ее дикие крики. Как-то к ней в рубку на огонек заглянул сам Пожизненный Президент Карлос Хаббард Гольдштейн Эпллтон.

– Спрашивай меня о чем хочешь, Джо, – предложил он радушно.

Капитан действительно давно хотела задать ему вопрос. Один-единственный вопрос.

– Почему?

– Почему? – повторил Пожизненный Президент Объединенных Америк и покачал головой. – Не будь дуручкой. Разве нужны причины? Разве для чего-нибудь вообще нужны хоть какие-то причины?

«Что за бессмыслица», – подумала Лавджой.

– Именно, бессмыслица, – согласился Пожизненный Президент и улыбнулся, – я всегда думал, что люди неверно представляют себе Ад. Ад – это не моря огня, не вечность страдания... а – бессмыслица. Абсолютное, всеобъемлющее, полное, безоговорочное, безысходное отсутствие всякого смысла. Вот что такое настоящий Ад... А? Как ты думаешь?

Она думала, что, как обычно, потрясена величием и мудростью Пожизненного Президента.

– Ты измучилась, поспи, – сказал он.

И Джоанна уснула. И проснулась, чувствуя себя спокойной и расслабленной. Голоса замолчали. Она вдруг поняла, как глупо вела себя все это время, сидя взаперти и размышляя о... Америка, Братский Блок, Китай, Джихад, Революция... что вообще означали эти слова?

Теперь у нее появились другие, куда более насущные заботы. Достаточно ли у ее народа пищи? Удобно ли они устроились? Каждая ли самка уже оплодотворена? Не передрались ли самцы? Знал ли ее народ, что те желтые плоды ядовиты, зато из красных можно сварить великолепный пьянящий нектар, а из зеленых – приготовить освежающий утренний напиток сродни... как это называлось на Земле?... Кофе?...

Когда грузное алое светило Эпллтона закатилось за горизонт, пылающий закат догорел дотла, и на черном небе зажглись незнакомые звезды, капитан Лавджой навсегда покинула «Феникс». Дыша ровно и размеренно, слыша мерное биение океанских волн о берег, она прошла по узенькой тропке и вышла к поселению.

Ее ждали. Кругом у большого костра собрался ее народ – бывший экипаж «Феникса». Отчего-то Джоанна совсем не удивилась, увидев среди них убитых ею азиатов. Парни вовсе не выглядели покойниками, а выглядели такими же крепкими и здоровыми, как все остальные, и глаза их, как и у всех остальных, светились в темноте ярким, желтым светом, а тела лоснились густой зеленой шерстью.

– Приветствуем тебя, Воплощение Матери-Богини, – сказали слаженным хором мужские и женские не-существа.

Джоанна улыбнулась. Она еще сама совсем не понимала, что это значит, но знала наверняка, что теперь все будет хорошо... лучше не бывает.

– Да будет так, – сказала она и взмахнула рукой, и кругом нее поднялась стена белого бездымного пламени.

Связь с Эплтоном была утеряна навсегда. Из-за резкого ухудшения политической и экономической обстановки американское правительство было не в состоянии отправить туда еще один корабль. Потом грянула Последняя Мировая Война, и загадочная планета и несчастный «Феникс» были надолго и прочно позабыты.

Но колонисты на Эплтоне выжили, более того, колония развивалась и росла. Благодаря теплomu и устойчивому климату, изобилию пищи и заботливому присмотру Воплощений Матери-богини, самки приносили множество крепких и жизнеспособных детенышей, и поколение не-существ сменялось поколением.

Услад-плюс продолжал делать свою работу. Под его воздействием потомки астронавтов уже перестали быть людьми, а эволюционировали в иной биологический вид. Продолжительность жизни колонистов немного упала по сравнению со средней продолжительностью жизни человека, зато значительно поднялась рождаемость. Приплод в семь-двенадцать детенышей за местный год, длившийся три четверти земного, стал обычным делом для взрослой, здоровой самки.

Далеко не все услад-плюсовые мутации были продуктивными и полезными для выживания. За этим внимательно и строго приглядывало Воплощение Матери-Богини, а также ее доверенные жрицы, отбирая из каждого помета самых здоровых, живучих и перспективных детенышей. Изуродованных, больных или мертворожденных жрицы на специальной церемонии приносили в жертву Матери. На самом деле их просто сбрасывали со скалы в океан, где маленькие тела пожирали разнообразные твари.

Со стороны это могло показаться чудовищной жестокостью, но иного выхода у колонистов просто не было. Познания предков в инженерном деле, биологии, химии и медицине оказались практически бесполезными на чужой планете. Стальные инструменты заржавели и очень быстро погибли вместе с останками «Феникса». У не-существ не имелось настоящих лекарств. Для охоты, строительства домов и возделывания полей приходилось обходиться самыми примитивными приспособлениями. Пищи зачастую не хватало не только для больных, но и для здоровых. Ситуация осложнялась тем, что непредсказуемая услад-плюсовая эволюция работала не избирательно и не щадила никого. Плод или животное, еще вчера съедобное, завтра могло оказаться смертельно ядовитым.

Невзирая на постоянные опасности и бесчисленные испытания, колония процветала. Не-существа жили причудливой и трудной, но тихой и размеренной жизнью, растили детей, возделывали поля, сеяли и кормились, не зная ни войн, ни братоубийственных распри, и возносили хвалы Матери-богине, которая – как верили жители Эплтона – обитает в горах глубоко под землей и заботится о своем народе. Никто и никогда не видел саму Мать-богиню, но она являла им свою реальность и диктовала свою волю через Воплощения. С каждым поколением связь не-существ с человечеством и своей бывшей родиной становилась все более призрачной. Никто уже не помнил, почему всех детенышей мужского пола называют Карлосами, а женского – Джоаннами.

Размеренное существование не-существ нарушило воцарение Черного Триумvirата. Во время так называемой Третьей Экспансии Эплтон был обнаружен автоматическими кораблями-разведчиками Триумvirата. Судя по всему, Триумvirат очень заинтересовался странными колонистами... а также услад-плюсовой эволюцией... и, собственно, самим усладом.

Не встретив ни малейшего сопротивления, боевые колесницы Триумvirата захватили планету. Стационарные исследовательские модули принялись за изучение Эплтона. Триумvirат похитил три или четыре десятка детенышей не-существ для исследований, но остальных не тронул. Детеныши, впрочем, вскоре были возвращены родителям в целостности и сохранности.

Убедившись, что колонисты не представляют угрозы, Триумvirат взялся за строительство шахт для добычи услада. Жители Эплтона наблюдали за работающими день и ночь маши-

нами, которые действовали столь слаженно и разумно, что могли показаться живыми, одухотворенными существами. В действительности каждой машиной в отдельности и ходом работ в целом руководил Черный Триумвират, находившийся за миллионы миллионов миль, на бывшей Земле, в подземном Дворце Сопричастности.

Неожиданно работы прекратились.

Объяснялось это тем, что Триумвират напрямую столкнулся с той же проблемой, которая впоследствии встала и перед властями Империи, а именно: услад-плюс надо было кому-то добывать. Казалось, самым простым выходом была полная автоматизация рудников. Если бы не одно «но». Разработка и запуск в производство механизмов, которые хотя бы через три месяца работы в шахтах исправно функционировали, а не превращались в груды бесполезного металла от концентрированных паров улада-плюс, оказалось предприятием, неподъемным для Черного Триумвирата.

Триумвират попытался использовать для добычи улада материал куда менее дорогостоящий – людей, но и тут возникли неодолимые препоны. Буквально за неделю работы в шахтах человеческие существа приходили в полнейшую негодность. От концентрированных услад-плюсовых паров люди заболевали, сходили с ума и умирали. Средства защиты, специальные фильтры и костюмы не отменяли агонии, а лишь растягивали ее, причем совсем ненадолго, а обходились баснословно дорого, к тому же еще стремительно приходя в негодность. Попытки Триумвирата путем генетических экспериментов повысить устойчивость людей к усладу закончились созданием чудовищных неуправляемых монстров, которых спешно пришлось уничтожить ввиду их необычайной опасности.

Впустую израсходовав немало умных дорогостоящих машин и человеческого материала, Триумвират призадумался. Очевидно, человеческие жертвы и гибель дорогостоящих машин мало беспокоили его или их, но возможность добывать услад-плюс в промышленных масштабах или хотя бы в достаточном объеме по-прежнему оставалась недостижимой. И весьма заманчивой.

И тогда Черный Триумвират обратил заинтересованный взгляд на колонию не-существ.

Имперские власти впоследствии не раз упрекали не-существ в коллаборационизме с самым страшным врагом человеческой расы, но что оставалось делать? Как могли не-существа противостоять стальным армадам Триумвирата? Чем сражаться? Когтями и зубами? Палками? Многие из не-существ даже не осознавали толком, что происходит, принимая машины Триумвирата за странных мутировавших животных.

К моменту захвата Эпллтона Триумвиратом, четыре столетия спустя после основания, колония насчитывала уже полтора миллиона особей, из них почти две трети составляли молодые самцы, способные работать в шахтах. Но важнее было другое – приспособленность их организмов к воздействию улада-плюс. Для крепких и здоровых самцов не-существ долгое пребывание под землей, в шахтах, было делом опасным и болезненным, и все же они могли работать, и работать куда эффективнее и дольше, чем обычные люди... и машины.

Вот что требовалось Триумвирату. Не-существа добывали услад-плюс, а взамен Триумвират снабжал колонию строительными материалами для жилищ, необходимыми инструментами, хорошей пищей и медикаментами. Каждый день на протяжении последующих двух столетий черные корабли Триумвирата взмывали в небеса Эпллтона, унося на борту тысячи тонн улада-плюс. Каждый день глубоко под землей в страшных муках от непосильного труда умирали молодые самцы. Но иного выхода не было. Малейшее недовольство жестоко подавлялось.

Поколение сменялось поколением, Воплощение – Воплощением. Не-существа ждали, кротко, покорно и терпеливо.

И вот – Триумвират пал.

Казалось бы, с Освобождением и гибелью Сопричастующей Машины этот ужас должен был прекратиться, но не тут-то было. Об Эпллтоне прознала Империя. Не успели проржа-

веть брошенные машины Триумvirата, как небеса разверзлись вновь, и на планету высадились имперские корабли.

Обитатели Эпллтона встретили имперских солдат как освободителей от долгого рабства... и жестоко обманулись. Сам облик колонистов, их образ жизни, поклонение Матери-Богине, убийства детенышей вызвали у солдат отвращение и омерзение. Кроме того, при создавшейся после Освобождения политической обстановке несчастных колонистов смело можно было назвать предателями за сотрудничество с Триумvirатом, пусть и вынужденное.

Скорее всего, Империя озаботилась бы навести на Эпллтоне свои порядки или вовсе бы оставила не-сущест в покое. Но опять вмешался услад-плюс. Уникальное сырье, обладающее целым спектром интереснейших свойств. Вещество, которое в равной степени могло оказаться полезным, а порой незаменимым в пищевой индустрии и медицине, в изготовлении различных сложных механизмов и систем. Быстро выяснилось, что, обработанный должным образом, услад-плюс может использоваться для производства наркотических препаратов.

И Эпллтон был завоеван вновь – на сей раз имперскими войсками. Не-сущест в, как и во времена Триумvirата, загнали в шахты и заставили трудиться на услад-плюсовых рудниках. Тех, кто не пожелал смириться с новым рабством, безжалостно истребили. За помощь в Освобождении власти передали рудники луизитанскому Синдикату Крайм-О. Однако Синдикат владел и распоряжался этими богатствами не единолично. Добыча услада на каждом этапе самым строгим образом контролировалась сотрудниками Отдела Благонадежности. Одновременно они получили возможность изучать услад-плюсовую эволюцию, а самые интересные экземпляры местной мутировавшей флоры и фауны отправлялись в засекреченные бункеры.

От рождения до смерти не-сущест ва обитали под постоянным надзором в Гетто, в тесных хижинах, влача жалкое безрадостное существование. Культ Матери-Богини находился под запретом, и не-сущест вам приходилось практиковать свои ритуалы тайно. При рождении их клеймили, будто скот. По достижении десятилетнего возраста самцы становились достаточно взрослыми, чтобы работать в шахтах. От самок требовалось одно – рожать как можно больше жизнеспособных детенышей. Их фертильность подстегивалась искусственно путем инъекций специальных препаратов. Совсем еще юные самки умирали в медицинских бараках, истощенные бесконечными родами. Мужские не-сущест ва гибли, пристрастившись к столь обыденным человеческим порокам как табак, азартные игры и алкоголь.

Сотрудникам Гетто тоже приходилось несладко. За первые два или три года службы многие обзаводились неизлечимой зависимостью от услада. Они заканчивали жизни опустившимися наркоманами, болели и умирали. Их пожирали местные чудовищные твари и убивали бунтующие не-сущест ва. И, однако, это не имело значения, настолько прибыльным бизнесом оставалась добыча услада-плюс.

Четыре столетия почитания и жертвоприношений.

Два столетия рабства при безмолвной, непостижимой тирании Черного Триумvirата.

Пять столетий мук и угнетения под стальной пятой Империи.

Питаясь, набухая и насыщаясь страданием, болью, кровью, алчностью, бесконечными смертями и ненавистью, в бездне под землей, такой темной, что эту тьму не рассеял бы и свет тысяч солнц, оно заворочалось, пробуждаясь от сна, такого долгого, что этого времени хватило бы, чтобы погасить свет тысяч солнц.

Она услышала... слово, биение, дуновение, вихрь, дыхание, чей-то стон, тихий вопль.

Зов.

Круг замыкался.

Медленно она начала подниматься наверх и выбираться наружу.

3

От каменных стен с бойницами, окружающих Коммуну неприступным барьером, к городу Мэмфорду вела дорога, которая сперва проходила через густые лиственные леса, а затем тянулась вдоль ухоженных лугов и пастбищ, где весной и летом пировали тучные стада. Зимой дорога становилась практически непроходимой, превращаясь в узенькую, петляющую по-заячьи тропку, и тогда добраться до города можно было лишь пешком или на лошадях.

За пять столетий с момента основания из поселения в десяток хижин Мэмфорд превратился в великолепно укрепленный средневековый город, окольцованный крепостными рвами. В глубине города, примерно через три мили от городских ворот, находилась главная площадь. Там высилась ратуша и располагались другие административные здания, включая Зал Совета Коммуны. Здесь же находилась лучшая гостиница города и множество магазинчиков и лавок. Главным украшением площади служили мраморные фонтаны, посвященные трем героям Освобождения: Императору Константину Первому, правителю Свободной Торговой Колонии Францу Максимилиану и лорду Джеку Ланкастеру.

Фонтаны были не простые. Тот, что со скульптурой Императора Константина Первого, изливался родниковой водой, такой чистой и свежей, что в жаркий день она пьянила не хуже дорогого шампанского. Из полунаклоненного кувшина в руках мраморной фигуры Франца Максимилиана текло розовое масло. Лорда Джека скульптор изваял с бочонком в руках. Стоило отвернуть краник, из бочонка текло терпкое и густое красное вино. Зимой вино подогревалось, туда добавлялись специи, и можно было угощаться отменным глинтвейном.

Как раз в направлении бочонка и бросал тоскливые взгляды мэр Коммуны Грегори Даймс. Хотя он и оделся по зимнему сезону, но уже успел изрядно заколотеть в ожидании своей юной подруги Люси. Даймс собирался отвести девушку к Колдунье, ибо Дух счел ее достойной принять воспоминание о Финальной Сопричастности – невероятно важный и торжественный момент в жизни каждого луддита. Но, невзирая на важность и торжественность, Люси безбожно опаздывала.

– Женщины, – бормотал Даймс.

Не устояв перед искушением, он успел от души угоститься глинтвейном, когда, наконец, появилась Люси в меховой накидке и меховой шапочке, под которую забрала густые, с рыжеватым отливом, волосы. Щеки ее разругались от холода, ясные глаза блестели, весь облик дышал здоровьем и невинностью, какую Даймс до сих пор наблюдал лишь в среде этих дикарей-машиноненавистников.

– Прости, Грегори...

– Ты опоздала на полтора часа!

– Да, я немного задержалась в мастерской... зачем же так сердиться?

Как и прочих луддитов, Люси отличало полнейшее пренебрежение к точному времени. Это не переставало удивлять, а порой и злить Даймса – человека, пришедшего из Вовне, как называли остальную Империю истинные луддиты. Что поделаешь? Выбора не было, приходилось терпеть и мириться. Все-таки, Даймс уже двадцать лет жил в Коммуне, и последние пять исполнял обязанности мэра.

Луддиты вообще нередко назначали на пост мэра людей, пришедших в Коммуну из Вовне – чисто по прагматическим соображениям. Ибо, несмотря на все усилия, они не могли совершенно отгородиться от внешнего мира, огромного... невероятно опасного.

Для луддитов история закончилась с падением Черного Триумvirата. Что случилось дальше – их вовсе не касалось. Но представьте изолированное общество, совершенно неосведомленное о титанических переменах, сотрясающих Империю, о смене монархов и Верховных Канцлеров, о новейших технических изобретениях. Людей, не подвластных мощи имперской

пропаганды, но и не владеющих информацией. Людей, которые с невероятным трудом понимали современный язык. Людей, которые при малейшем серьезном покушении на их мирок из Вовне оказались бы в сомнительном положении индейских племен, встретившихся лицом к лицу с конкистадорами.

Именно поэтому на протяжении длительного времени мэром Коммуны избирался человек, пришедший в Коммуну не так давно из Вовне и доказавший преданность идеалам Коммуны. Этот человек должен был служить своего рода посредником между истинными луддитами и имперскими властями, водить дружбу с местными чиновниками и время от времени принимать делегации ученых-этнографов, а также представителей министерства обороны и Отдела Благонадежности.

Если ученых больше интересовали занятные обычаи луддитов, то военных и сотрудников спецслужб, в основном, занимал таинственный благодетель Коммуны, Дух. Люди из Вовне приходили в Коммуну, но многие и покидали ее, и рассказывали загадочные вещи о не менее загадочном Духе. Будто на Слияниях под водительством Духа луддиты исцелялись от всех болезней или ран; и будто именно Дух неким образом проводил отбор тех, кому остаться в Коммуне, а кому – нет; и тому подобное.

И действительно, в организмах тех, кто провел в Коммуне долгие годы, были обнаружены изменения на биохимическом уровне, делавшие этих людей практически неуязвимыми к вирусам, болезнетворным бактериям и довольно широкому спектру ядов. Они лучше переносили тяжелые травмы и быстрее оправлялись от ранений. Это был научно установленный факт. Прочие чудеса, что вытворял загадочный Дух, выглядели весьма сомнительными и приукрашенными, и все же...

Произведенные исследования, замеры, а также беседы с местными жителями, – насколько было известно Даймсу, не дали четкого объяснения природе Духа и производимых им чудес. В конце концов, специалистами Отдела и министерства обороны был вынесен вердикт, что воздействие так называемого Духа на луддитов объясняется ничем иным, как остаточной радиацией – следствием ядерной бомбардировки, которой подвергли планету корабли Свободного Мира, нанося решающий удар по Дворцу Сопричастности, убежищу Черного Триумвирата. Замеры показали, что в пределах Мэмфорда радиационный фон превышает норму в четыре раза. Само Слияние специалисты определили как образец типичного сектантского сеанса массового гипноза, замешанного на всеобщей истерии и употреблении сильных галлюциногенов – тех самых сушеных грибов.

Луддиты не представляли видимой опасности, однако оставлять их вовсе без присмотра власти не собирались. Раз в стандартный год в Коммуну навевалась делегация местных чиновников. Обыкновенно эти визиты протекали гладко, без эксцессов.

Последний подобный визит состоялся прошлой осенью. Тогда в Коммуну наведася, среди прочих, сам губернатор – Шеймас Харт. Все прошло очень хорошо. Высокие гости полюбовались неописуемо красивыми средневековыми постройками, замками и цитаделями, торговыми площадями, узенькими улочками, ремесленными мастерскими, восхитились мраморными фонтанами с водой, розовым маслом и вином, а после сытного ужина переночевали в местной гостинице. Утром произвели необходимые замеры, до смерти пугая луддитов своими дьявольскими, громоздкими, громко стрекочущими, машинами. Потом распили с мэром Даймсом по стаканчику первоклассного вина местного производства и отбыли, прихватив с собой в качестве сувениров кое-какие безделушки.

Проводив делегацию, Даймс долго смотрел вслед их рокошущим механо, подпрыгивающим на ухабах размытых дождями дорог. Что за слепцы. Но оно и к лучшему. Узнай они, чем на самом деле являлся добренький Дух, хранитель Коммуны, они бы живо угостили местных обитателей парочкой-другой термоядерных боеголовок, а затем потчевали бы друг друга сказочками об остаточной радиации и массовом гипнозе...

– Грегори?

– О, извини, я задумался, Люси. Ты готова?

– Мне немножко страшно.

– Не бойся. Ты будешь далеко не первой, кто пройдет через Воспоминание о Фатальной Сопричастности.

– Сейчас я говорю не о Воспоминании... не только о Воспоминании, Грегори. Я говорю о том, что мы все видели во время сеанса Слияния с Духом. Зло. Я видела зло. Мы все его видели. Что это было, Грегори?

После столь странно и страшно завершившего сеанса Слияния прошло уже несколько недель, но среди жителей Коммуны по-прежнему царили смятение и замешательство. Совет Коммуны только и делал последнее время, что заседал по данному поводу, решая, как именно толковать зловещее видение. «И пусть себе толкуют как угодно», – подумал Даймс. Он-то понял все правильно. Это был знак.

– Не знаю, Люси, – сказал Даймс, – я не знаю. Пусть этим занимается Совет. Я всего лишь скромный администратор, да еще и пришелец из Вовне, чужак. Не волнуйся, уверен, Совет все уладит должным образом. У нас с тобой сейчас есть дела поважней.

Даймс взял девушку за руку, и они направились к общественным конюшням. Оседлав лошадей, они пустились в дорогу. Миновали кузницу, и городскую ратушу, и монетный двор, и ясли, и ткацкие мастерские, где работала Люси. А далее их путь лежал по древней дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Нет, зрение вовсе не подводило Даймса. Дорога и впрямь была вымощена желтым кирпичом. Луддиты не представляли, откуда она здесь взялась. Даймс полагал, что диковинная дорога является чудом уцелевшим свидетельством правления Триумvirата. Или занятным следом других, более ранних эпох истории Лудда, бывшей Земли. Так или иначе, именно желтая дорога вела к дому Колдуньи.

– Желтый кирпич и Колдунья, вот занятно, – пробормотал Даймс, – прямо как в старой сказке о путешествии в страну Оз.

– Я не знаю такой сказки, – сказала Люси.

– Неудивительно, – сказал Даймс, – была такая книга. Очень старая книга.

– Я не умею читать.

Да. Грустно, но Люси не умела читать. И писать тоже. Она ведь жила в мире темного, глухого средневековья, где грамотность была роскошью, причем зачастую никчемной и ненужной.

– А Вовне все умеют читать и писать, Грегори?

Даймс хохотнул. Ее невинный вопрос прозвучал неожиданно иронически.

– Если честно... нет, не думаю. Зато у всех есть Три-Вибоксы.

– А что это?

– Люси, согласно правилам, ты никогда не должна расспрашивать меня о жизни Вовне. Твои соплеменники могут и повесить меня за такие рассказы.

– Пожалуйста, Грегори, расскажи, пока нас никто не слышит. Хотя бы о... боксах.

– Три-Ви-боксы... ну... это вроде трехмерных говорящих картинок. Новости, музыка, сплетни, шоу, сериалы, реклама. Три-Ви каналов буквально миллионы. Как местные, так и общеимперские. Мегакорпорация «ИСТИНА инк.», например.

– А что там есть еще, Грегори? – спросила Люси с внезапным любопытством.

– Би-магистраль – поразительная штукавина, которая позволяет людям за считанные часы перемещаться из одного уголка Империи в другой. Механо – самодвижущиеся повозки. Спин-передатчики. Кофе-машины, кухонные комбайны, посудомоечные машины. Электричество. Аспирин Эймса. Погодные биокупола. Метеоспутники. Сверхскоростные экспрессы – поезда, способные развивать скорость до двух тысяч миль в час. Лучевое оружие. Плазменные бомбы. Дирижабли. Радио...

Даймс заметил, что Люси слушает внимательно, но вряд ли в полной мере понимает, о чем он толкует. Для обозначения подавляющего большинства перечисленных им понятий в своеобразном языке луддитов попросту не существовало подходящих терминов. Ему поневоле приходилось пересыпать речь выражениями на уни-глаголице и уни-гаэлике, двух основных современных наречиях Империи. Люси буквально заворожило звучание незнакомых слов. Особенно ее потрясла концепция электричества. Люси долго расспрашивала Даймса, на что это похоже, когда самой глухой ночью светло, как днем.

– Нам бы не помешало хоть немного этого твоего электричества, – сказала она Даймсу не без грусти.

– Скоро ты окажешься в мире, где электричества было хоть отбавляй, и сама поймешь, что это было не так уж восхитительно здорово. Давай поторопимся. Мы и без того выбились из графика, а Колдунья страсть как не любит опозданий.

Вскоре Люси и Даймс оказались на берегу океана и миновали рыбные фермы, где рыбаки проверяли улов в подводных клетях, прервав свое занятие, чтобы поприветствовать мэра и его юную спутницу. Хмурые зимние волны бились о берег. Лошади неслись во весь опор, пока среди снежных дюн не появился приземистый деревянный дом Колдунии.

Невольно рисуясь перед молодой подругой, Даймс молодецкато спрыгнул с коня и помог спешиться Люси. Потом они вошли в дом. Старуха ожидала гостей в каменном подвале. После морозного дня там было нестерпимо жарко и душно, сильно пахло кисло-сладкими травами и влажной, червивой землей. В центре пылала жаровня, над которой, вороша угли, склонилась морщинистая, согбенная, дряхлая ведьма. Люси тихо вскрикнула, когда ей показалось, что в складках одеяния старухи копошатся насекомые. Даймс подбадривающе обнял девушку.

– Не беспокойся. Колдунья не причинит тебе вреда. И помни, я все время буду поблизости, Люси.

Старуха молча протянула девушке чашу, вырезанную из цельного куска оникса, с мутным бурым снадобьем, которое пахло луком и старыми носками.

– Фу! Я должна это выпить?

– Не бойся, – проговорил Даймс, – это снадобье безвредно, оно лишь пробудит в тебе генетическую память, чтобы ты могла Вспомнить.

Сам он сомневался, что дело здесь в «генетической памяти». Если таковая и существовала, Воспоминание тоже дарил Дух. Снадобье старухи лишь усиливало эффект сопричастности и реальность Воспоминания. Даймс, как и некоторые другие из Вовне, прошел через Воспоминание, а ведь в роду у него точно не могло быть истинных луддитов. Даймс родился в Промышленной Зоне Южная Венеция Техником-Координатором средне-высшего класса ВААА, как и предыдущие двадцать пять поколений его предков, Техников-Координаторов средне-высшего класса ВААА.

– Господин мэр объяснил тебе, что ты увидишь, дитя? – прошамкала Колдунья.

– Да.

– Готова?

– Да, – пролепетала Люси, чувствуя на плече ободряющую руку Грегори Даймса.

– Не бойся. Будет больно, но зрелище того стоит...

Колдунья заставила Люси присесть и выпить свое снадобье. Затем полоснула ладонь Люси острым ножом и то же самое проделала со своей ладонью. Капли их крови смешались и упали в жаровню. Старуха опять что-то забормотала, вороша угли, пока по подвалу не закрутился белый дым, который постепенно густел, становясь плотным и непроницаемым, как театральный занавес. И вдруг Люси стала падать... проваливаясь в...

* * *

ФАТАЛИЗМ

СОПРИЧАСТНОСТЬ

АНТИХАОС

Юная Люси перенеслась в тот судьбоносный отрезок времени, когда Черный Триумвират доживал последние часы. Благодаря чарам Колдуньи она оказалась в сознании Человеко-конструкта по имени К-26786. Его имя одновременно являлось номером Ворма – искусственно созданного кремниевого паразита, вживленного ему в плечо при вылуплении из Соты Дето-производства.

Типичный неспециализированный рабочий Ч-конструкт, каким, собственно, и являлся К-26786, представлял собой чудо двух столетий генной инженерии. То есть уродливого, белого до бесцветности, будто садовый слизень, абсолютно безволосого женоподобного мужчину, неагрессивного, выхолощенного физически, умственно и эмоционально. У него отсутствовал аппендикс, ногти, большая часть зубов, подавляющая часть потовых и слезные железы. Еще у него не было языка. Возможно, чтобы К-26786 не мог все время громко кричать, ощущая, как внутри постоянно растут и развиваются информационные псевдоподии Ворма.

Будучи размерами не больше ногтя мизинца, Ворм хранил в себе абсолютно всю информацию о своем хозяине, начиная от подробнейшей информации о его ДНК и физическом состоянии, и заканчивая его желаниями, потребностями и устремлениями, заранее тщательно спланированными в Министерстве Фатализма. Ворм являлся не только хранилищем данных, но также обладал способностью напрямую связываться с Соглядатаями, роботами-надсмотрщиками, прикрепленными к каждому жилому и рабочему блоку. От Соглядатаев информация поступала в ближайший куб департамента Антихаоса. Департаменты Антихаоса поставляли данные в основной куб Министерства Антихаоса, а Министерства планет через сеть спутников и орбитальных станций передавали информацию напрямую во Дворец Сопричастности, обитель Триумвирата.

Подобная система позволяла Триумвирату каждую секунду знать, где находится и чем занимается каждый гражданин в любом уголке его колоссального государства. Часы Сопричастности, проводившиеся дважды в день, утром и вечером, позволяли Триумвирату знать, о чем он думает и что чувствует. Министерство Фатализма определяло не только дату рождения каждого гражданина, но и дату его смерти. Все было просчитано, предопределено, расписано и учтено. При всем желании утаить что-либо, куда-то ускользнуть было невозможно. Да и такого желания просто не могло возникнуть. Был ли К-26786 счастлив? Едва ли. Был ли он несчастлив? Едва ли. Ему было не с чем сравнивать. И нечего. Он был одним из сотен миллионов скромных винтиков Величайшей из Всех Машин, божественно прекрасной, стальной и хромированной Вселенской Мясорубки.

Был теплый летний вечер, солнце уже садилось, и высокое небо подернулось оранжево-малиновыми перистыми облаками. После двенадцатичасовой рабочей смены на заводе синтетических концентратов К-26786 возвращался домой. Его томило странное беспокойство.

Возможно, это было мрачное предчувствие. А, возможно, его вдруг неясно заворожила красота высокого синего неба, красота, к которой Черный Триумвират не имел ни малейшего отношения. Пульс К-26786 едва заметно участился, давление чуть подскочило, и этого хватило, чтобы Ворм подал сигнал в нужную инстанцию, то есть Соглядатаю, прикрепленному к жилому блоку, где находилась камера К-26786. Соглядатай немедленно отправил запрос в департамент Антихаоса о выдаче дополнительной дозы Розовой Сомы в дополнение к той, что регулярно добавлялась его подопечным в пищу. Получив на свой запрос положительный ответ, Соглядатай принялся ожидать робота-посыльного с пакетом.

К-26786 тем временем направлялся домой, а Люси смотрела по сторонам его глазами. Перед визитом к Колдунье Даймс подробно объяснял девушке, что она увидит, и все же Люси испытывала настоящий шок.

Перед ее взором предстал невероятный многоярусный мегаполис, сплошь состоящий из соединенных между собой плавающих, летающих и парящих в воздухе разнообразных геометрических фигур. Она видела жилые и административные здания (похоже, какие-то учреждения, трудно сказать), полностью построенные из прозрачного пластика. Строения, расставленные в аккуратном шахматном порядке вдоль широких и прямых, как стрела, проспектов, напоминали аквариумы. Очень хорошо было видно, как внутри, в маленьких клетушках, копошатся (Люси не могла подобрать иного слова) Ч-конструкты. Белые, безволосые, уродливые, как слизни. И все – абсолютно голые. Детей она не увидела. Они созревали до взрослого состояния в упрятанных глубоко под землей Сотях Детопроизводства.

По улицам брели по своим делам другие белые и абсолютно голые Ч-конструкты, а кругом них юрко шныряли серебристые членистоногие механизмы, убирая мусор и натирая до зеркального блеска мраморные плиты мостовых и тротуаров. Еще Люси увидела парящие в воздухе и лениво вращающиеся вокруг своей оси большие кристаллы неправильной формы, мерцающие изнутри мириадами ярких морозных искр. Кристаллы не отбрасывали тени, и К-26786 безразлично прошел сквозь один из них насквозь. Когда солнце закатилось за горизонт, Люси поняла прозаическое предназначение таинственных кристаллов – они служили светильниками, разгоняющими мрак ночи.

Но многим другим вещам она не могла найти ни малейшего объяснения и не видела в них ни малейшего смысла. Выбежавшая из-за угла пластикового здания собака, с виду обычная дворняжка, но восьмипалая – откуда здесь взялась собака? Бронзовые кубы на постаментах – памятники? Но, если и так, то кому или чему? Почудилось ли, или она впрямь увидела вынырнувшие из-под мраморных плит сегментированные стальные щупальца, схватившие и уволокшие под землю десяток бредущих домой бессмысленных белых созданий? А что за громадные чаны, полные зеленой жидкости, взобравшись на края которых механические пауки помещивали содержимое чем-то вроде огромных половников? А вот мимо пронеслась стайка стальных стрекоз, сверкая в лучах закатного солнца ажурными крылышками тончайшей работы – куда они торопились? Чем были на самом деле?

У дверей здания, где жил К-26786, его уже встречал Автономный Соглядатай. Механическая ладонь разжалась, протягивая жильцу две розовые капсулы. К-26786 молча проглотил их, потом вошел в здание, зашел в подъемное устройство и поднялся наверх, в свой жилой отсек.

Его частное пространство представляло крошечную пластиковую клетушку, где размещалось нечто вроде кухни, кровать, душ и Кабина Сопричастности. К его приходу печь уже разогрела незатейливый ужин – синтетическую рыбу с синтетическим зеленым горошком и ореховые оладьи. В то же время приступили к ужину и все прочие обитатели жилого блока. Ужасающая синхронность их движений потрясала воображение. Трапеза отняла у К-26786 ровно пятнадцать минут. Он ел, очень тщательно пережевывая пищу пеньками зубов, но абсолютно не чувствуя вкуса – ведь вместо языка у него был короткий обрубок. Закончив,

он выбросил пластиковую тарелку в пластиковую мусорную корзину. В следующую секунду завывали сирены, возвещая наступление часа Сопричастности.

Как и тысячи раз прежде, К-26786 вошел в кабину Сопричастности, воткнул вилку кабеля Сопричастности в разъем за ухом, закрыл глаза и погрузился в объятия Сопричаствующей Машины.

Вместе со своим безмолвным визави, тенью присутствуя на краю его сознания, Люси пережила невероятное блаженство. То было ощущение не только физическое, но и духовное, затронувшее каждую клеточку ее фантомного тела и мозга, каждый мельчайший нерв. Любовь, доверие, тепло, комфорт, сытость, безопасность, удовлетворение. Растянутый во времени красочный взрыв невыразимого удовольствия, всеобъемлющего, поразительного по интенсивности и глубине. К-26786 беззвучно застонал. Люси смущенно поняла, что, должно быть, он испытал оргазм. По мере того, как сеанс Сопричастности подходил к концу, восторг постепенно сменялся тихим, сладостным удовлетворением и сонливостью...

В этот миг боевой крейсер «Карающий» под предводительством Джека Ланкастера сбросил на Дворец Сопричастности многотонные ядерные боеголовки.

Вожди Освобождения прекрасно представляли чудовищные последствия этого шага – но иного выбора не было. В момент Сопричастности Триумвират представлял наиболее уязвимую мишень. В течение пятнадцати минут стандартного сеанса Сопричастности девяносто три процента его губительной мощи было распределено через мириады щупалец Сопричаствующей Машины. Этих минут объединенным армадам кораблей Свободного Мира хватило, чтобы уничтожить заслон боевых модулей Триумвирата на орбите планеты, взорвать купол силовых полей, защищающих Дворец Сопричастности, и сбросить бомбы.

Корчась и заживо сгорая в адских муках разрушения, Триумвират распространил свою агонию на миллионы подданных через кабели Сопричастности и Вормы. Но его агония, расплывшаяся на мириады частиц, немедленно возвращалась обратно через кабели и чипы, умножаясь и возрастая в геометрической прогрессии... пока не наступил коллапс.

В реальном времени процесс гибели Триумвирата едва ли занял несколько миллисекунд, но Люси показалось, будто минула вечность. Боль, которую она испытала, была столь же сверхъестественна, как прежде была упоительна непредставима нежность Сопричаствующей Машины. Даже в обличье бесплотного духа Люси пыталась кричать, пыталась выбраться из капкана нескончаемой пытки. Ее глаза выжгли серной кислотой, ее поджаривали заживо, ее раздробили в кровавое месиво, ее мозг взорвался ошметками серого мяса, ее оголенные нервы сгорели в пламени чистого электричества. Она оглохла, ослепла, онемела, лишилась рассудка, памяти, чувств...

Но и это закончилось.

Пришла тьма, а вместе с тьмой пришла тишина.

Длительное время спустя, может быть, прошли целые часы, К-26786, двигаясь абсолютно машинально, с усилием выдернул изломанными судорогой, непослушными пальцами кабель из разъема над ухом. Какое-то время он стоял, покачиваясь из стороны в сторону, и в голове его звучала, угасая, прощальная мелодия Финальной Сопричастности.

Потом, по-прежнему нетвердо держась на ногах, К-26786 покинул Кабину Сопричастности и вышел из своей пластиковой клетушки. Он не представлял, куда идти, главным сейчас было – предпринять хоть что-то, двигаться. Разум его впал в спячку, в дело вступили первобытные рефлексy, запряженные так глубоко, что туда не смог добраться Черный Триумвират.

Сквозь прозрачные стены, и полы, и потолки, и повсюду, повсюду... К-26786 мог видеть своих сограждан. Почти все умерли в первые мгновения Фатальной Сопричастности от болевого шока. Немногие выжившие обезумели и корчились в судорогах, навечно привязанные пуповинами кабелей Сопричастности к своему павшему тирану. К-26786 видел их безумные, искаженные страданием лица сквозь футы пластика под ногами и, запрокинув голову, уви-

дел то же – агонию и безумие. Главная, если не единственная причина, по которой К-26876 – одному из немногих – удалось пережить взрыв чудовищной боли Фатальной Сопричастности заключалась именно в том, что по счастливой случайности он предварительно принял сильнейший транквилизатор, многократно смягчивший боль.

Подъемник не работал, и ему пришлось спускаться по прозрачной пластиковой лестнице. Запах стоял кошмарный. Густо пахло потом, кровью, испражнениями, смертью. Страх все сильнее завладевал К-26786. Выйдя на улицу, возле входа в дом он увидел опрокинутого, лежащего недвижно на спине, какдохлое животное, Автономного Согдадая.

Поскуливая, К-26876 огляделся по сторонам. Люси, смотрящей его глазами, открылась самая поразительная на свете картина – первые минуты после того, как раз и навсегда оборвались связи, что были стократ сильнее и крепче любых родственных уз.

Далеко на западе, над тянущимися до линии горизонта силуэтами домов и общественных зданий, повисли размытые очертания атомной грибницы. Белые мраморные плиты растрескались, а земля под ними сделалась текучей, как река, и мягкой, будто пуховая подушка. Среди осколков камней и кусков обугленного пластика валялись, разметавшись, серебристые механизмы с задранными вверх и загнутыми под самыми фантастическими углами конечностями.

К-26876 двигался дальше, и Люси шла вместе с ним мимо бесконечных рядов пластиковых зданий, заполненных скорчившимися трупами голых, окровавленных Ч-конструктов. И вдруг зазвучала музыка. Уличные динамики, последние две сотни лет возвещавшие воем сирен начало сеансов Сопричастности, загрохотали военными маршами. Потом Люси услышала выстрелы и человеческие голоса, и увидела солдат объединенной армии Свободного Мира. Рассредоточиваясь по улицам, пехотинцы занимали здания и безжалостно расстреливали и добивали прикладами бьющихся в агонии или потерявших рассудок Ч-конструктов.

К-26786 упорно двигался вперед, так, словно бы ничего странного кругом не происходило. Когда чуть поутих шок, в голове его зазвучало одно из основных наставлений, вбитых в разум при помощи гипнопедии в период его созревания в Соте Детопроизводства. А именно: в случае чрезвычайных ситуаций направляться к зданию ближайшего департамента Фатализма. Теперь черный куб департамента притягивал его, будто магнит. Он знал, что как только доберется туда, все будет в полном порядке. Он знал, там ему помогут. Выдадут еще одну или две розовых таблетки. От этих таблеток всегда становилось так хорошо и спокойно, и хотелось спать.

Когда еще десять минут спустя К-26786 вышел на площадь перед кубом департамента Фатализма, ночное небо раскалилось добела, и сделалось светло, как днем. На горизонте клубились громадные, маслянистые гроззовые облака, подернутые сеткой пурпурных прожилок. Воздух загустел, как вчерашний суп, и ощутимо нагрелся. Очень сильно пахло дымом и горящим пластиком. Где-то в глубинах города начался пожар.

Огромная, будто сотня Колизеев, площадь обычно пустовала, но не в день Финальной Сопричастности. Именно здесь приземлился «Карающий». С ним прибыли еще семь боевых многопалубных Джет-линкоров, и сейчас из них выгружались батальоны тяжеловооруженных пехотинцев.

А К-26786, будто одержимый, продолжал двигаться вглубь площади, по-прежнему не замечая вокруг себя ничего необычного. Заточенной в его разуме Люси приходилось идти вместе с ним. Он поскользнулся и спотыкался, бессознательно хватаясь липкими от пота руками за солдатские мундиры. Казалось само собой разумеющимся, что несчастного не заметят и затопчут в давку или просто пристрелят эти люди, ликующие, опьяненные великим триумфом, но нет, они расступались и пропускали несчастного. С ним пытались заговорить, но он не отвечал. Кто-то обтер ему лицо и дал напиток. На него набросили какую-то одежду. Когда К-26786 в очередной раз споткнулся, упал и не сумел подняться, его подхватили чьи-то сильные руки, крепко схватили за плечи и куда-то повели.

Для К-26786 это ничего не значило, но Люси вся затрепетала. Потому что знала, куда ее ведут, и это стоило того, чтобы пережить адскую муку Фатальной Сопричастности. Ей предстояло увидеть их воочию, во плоти, всех троих, величайших вождей Освобождения: Джека Ланкастера, Франца Максимилиана и государя Константина...

И первым она увидела Джека, высокого, сероглазого, светловолосого, странно отрешенного в миг величайшей своей победы. Джек был в простом солдатском мундире Священной Ортодоксии. Рядом с ним стоял Франц Максимилиан, Правитель Свободной Торговой Колонии. В отличие от Джека, он был облачен в расшитые золотом и драгоценными камнями пурпурные одежды, которые подчеркивали высочайший статус выдающегося вождя. Правая рука его в алой перчатке перебирала хрустальные четки, а левая покоилась на эфесе пристегнутой к поясу шпаги. Глаза Франца на усталом, давно небритом лице сверкали, как две золотые монеты.

Рука солдата, что привела к ним К-26786, разжалась, и тот, подобно тряпичной кукле, рухнул ничком на все еще теплые от дневного солнца белые камни. Он зажмурился и приоткрыл глаза, когда на него упали грозные тени. Это были Франц и Джек. От их взглядов К-26786 заскулил и обмочился. Франц отпрянул, не в силах сдержать возгласа отвращения.

– Черт! Что это за тварь такая? У него же нет языка!

– Полегче, ты пугаешь его до смерти, – сказал Джек. Он тоже малость скривился от исходящего от К-26786 густого амбре, но не отодвинулся, а присел, достал фонарик и стал внимательно разглядывать Ворма, вживленного в плечо несчастного. Блестящая поверхность дохлого кремниевого паразита была испещрена едва различимыми значками.

– Что там написано? Ты ведь убил уйму времени, изучая эту их клинопись, – сказал Франц.

– Здесь написано... номер К-26786, пол мужской, низший разнорабочий класса 21, девятнадцати циклов, СД... 414. Соты Детопроизводства? Числа... дата рождения. И запланированной смерти.

– Низший разнорабочий, – сдавленным эхом повторил Франц, – но ведь для того, чтобы работать на заводе или фабрике, не нужны выдающиеся умственные способности. Где-то могут быть другие. Умные. И способные изъясняться...

ну... хотя бы жестами. Чиновники. Генералы. Инженеры. Люди, которые нажимают на кнопки!

– Возможно, – проговорил Джек ровно, – но нам неизвестно о существовании у Триумvirата системы каст. Бюрократические и административные функции давно выполняли машины. Сколько Ч-конструктов добралось сюда? – спросил он одного из своих адъютантов.

– Пока он один, сэр.

Громыхнула молния. Небеса разверзлись, и из них посыпался черный горячий снег – пепел.

– Снежок пошел, – сказал Джек и коротко рассмеялся, – я вижу. Наш парень, и он совсем один.

– Сколько граждан было прикреплено к этому департаменту Министерства? – спросил Франц.

– По данным разведки Ортодоксии, должно быть что-то в районе сорока тысяч, – ответил Джек спокойным, ровным тоном.

– Сорока тыс... он выжил один из сорока тысяч?! – сказал Франц, сорвавшись на крик.

– Полегче, Франц, – мягко сказал Джек, – мы предвидели все это.

– Но... что с остальными? – спросил Франц, разворачиваясь к своим генералам.

– Или мертвы. Или обезумели. Сопричастность, сэр... те, кому удалось выжить и сохранить рассудок, согласно заложенным в их подсознание директивам, будут собираться у зданий Министерств Антихаоса. Мы отдали на сей счет специальные распоряжения. По мере

возможностей им окажут медицинскую помощь, снабдят пищей, водой и временными жилищами... возможно, эвакуируют... мы... полагаем, генетические изменения все же не столь радикальны... через три-четыре поколения...

– Что? И так повсюду? – резко перебил Франц.

– Да, сэр. Более или менее.

– Что вы имеете в виду?

– Сейчас мы продолжаем получать сводки, но, по всей видимости, все хуже, чем мы ожидали. Многие крупные мегаполисы совершенно пусты и безлюдны, похоже, они были заброшены несколько десятилетий назад. В других... процесс дошел до стадии крайнего вырождения...

– Хуже этого? – глухо спросил Франц, кивнув в сторону К-26786.

– В разы. Нам описывают этих существ... как своего рода... изуверенные неразумные человеческие обрубки.

Франц Максимилиан не стал уточнять. Быть может, попросту побоялся. Джек, тем временем, опять склонился над К-26786, силясь понять: можно ли в принципе наладить контакт с этим существом. К-26786 тотчас отпрянул, скорчился и заскулил. Он не понимал, что происходит. Ему было холодно и больно. Он впервые в жизни слышал человеческую речь, ибо любящая Сопричаствующая Машина, общаясь со своими поданными, обходилась без слов. Ему было страшно. Он хотел таблетку. Когда ему было плохо, всегда появлялся Соглядатай с таблеткой, и тогда все опять становилось хорошо. Он попытался подползти ближе к черному кубу Министерства, но не сумел, и опять заскулил.

– Надо отвезти его на корабль, – сказал Джек, вставая, – умыть и накормить.

Франц Максимилиан брезгливо поддел К-26786 носком сапога.

– Тьфу! Не думаю, что стоит его трогать. Он, может быть, болен. Или ранен. Пусть сперва его посмотрят медики. А вот и Константин, – прибавил он, повернув голову и наблюдая, как юный правитель Священной Ортодоксии сходит по трапу корабля.

Константину едва исполнилось шестнадцать. Он был щуплым, невысоким, и парадный черный мундир с золотыми эполетами смотрелся на нем слишком помпезно, громоздко и как-то театрально. Русые его волосы слиплись от испарины, серо-зеленые глаза были блеклыми, вылинявшими. Он остановился и пошатнулся.

– Джек...

– Да.

– Джек, сейчас мы отовсюду получаем донесения, – сказал Константин срывающимся голосом.

– Да.

– Все закончилось, Триумвират пал... но... повсюду хаос... потери среди мирного населения ужасающие. И... они не... оказывают нам сопротивления. Ни малейшего. Я не понимаю... их войска. У них должны быть войска... армия...

Франц Максимилиан страшно оскалил зубы и захохотал. Джек молча взял Константина за подбородок и заставил посмотреть на К-26786. Константин долго не мог взять в толк, что, собственно, перед ним такое, а, когда понял, страшно переменился в царственном лице.

– Почему он...? Оно... так странно... так ужасно... пахнет. Оно... умственно недоразвитое? Почему оно молчит? Оно... они все так кошмарно выглядят?

Джек промолчал. Константин закрыл лицо руками и зарыдал навзрыд.

– Вот почему. Они не могли... были не в состоянии... нам сопротивляться...

– Что?

– О, Господи, мы просто пришли и убили их всех, мы просто взяли и убили тысячи, сотни тысяч, миллионы людей, мы просто взяли и убили этих несчастных, беззащитных людей, а они не могли оказать нам никакого сопротивления... ни малейшего... сопротивления...

Его плач перешел в крик.

– Ты во всем виноват! Жадный, беспринципный торгаш... проходимец... авантюрист! Вкрался в доверие моему отцу, оболванил его сказками о великой Империи, которую вы создадите после того, как покончите с Триумвиратом... и ты, Франц... вы друг друга стоите... ты постоянно твердил, что уничтожения Триумвирата хочет сам Бог. Но кем ты был все это время, чтобы говорить от имени Бога? Неужели Бог может желать смерти миллионам невинных людей? Ты говорил, мы здесь, чтобы даровать этим людям свободу! Но вместо того мы их убили! Убили!

Без особого почтения Джек схватил своего будущего Императора за грудки и потрянул.

– Щенок паршивый... уймись. Мы начали это великое дело давно... еще с твоим отцом. И ради этого великого дела твоему отцу пришлось пойти на великие жертвы, заключить мирное соглашение со Свободной Торговой Колонией, согласиться на сделку с этими свиньями из Синдиката. Нам требовались деньги. Нам требовались корабли. Нам требовались войска и оружие. Твой отец, я, Франц, – многие другие люди работали в поте лица долгие годы. Мы рассматривали десятки, если не сотни вариантов действий. Этот был наилучшим. Ты прекрасно знаешь об этом. И скажу тебе, сейчас наступил момент, когда нам надо взять себя в руки, вспомнить, что мы люди, да, люди, настоящие люди, а не человек... человеческие обрубки, и сделать все возможное и невозможное, чтобы хоть как-то привести это дерьмо... в порядок.

Франц Максимилиан дотронулся до плеча заплаканного правителя Ортодоксии.

– Константин, и впрямь, вам давно пора вырасти и перестать молоть разный напыщенный вздор. Не мы убили этих людей. И не Бог. Их убил Черный Триумвират и обезумевшие лидеры Федерации, некогда положившие начало этой сумасшедшей системе. И, поверьте, если бы мы не добрались до них, они бы добрались до нас, поработили и превратили в то, что ты сейчас видишь перед собой. Ты бы хотел этого, глупый ты, слабовольный, мальчишка? Ответь!

Константин молчал, раздавленный их безоговорочной правотой.

– Но ты, Джек... – проговорил он еле слышно. – Ты со своими разглагольствованиями о новой, великой, несокрушимой Империи... скажи мне одно – ты это всерьез?

В лице Джека промелькнула какая-то слабость. Он прикрыл глаза, потому что дым, и гарь, и запах плавящегося пластика, и марево, и черный снег, падающий с небес, и грохот солдатских сапог, и выстрелы, и беззвучные крики, и безутешные мольбы о помощи. Но миг слабости быстро миновал, и он вновь превратился в одержимого своей великой мечтой об Империи.

– Дай мне немного времени, и увидишь сам, – сказал он.

Потом он поглядел на К-26786.

– Несчастное создание. Пойдем.

Джек решительно поднял на ноги белое, окровавленное, истерзанное, покрытое подсыхающей коркой рвоты и крови существо, которое смотрело на них непонимающим, стеклянным взглядом. Люси увидела, что Джеку стоило огромных трудов не отшатнуться, не сморщить нос и не отвести глаз, но он совладал с собой.

– Ничего, друг. Все закончилось. Наконец-то все это закончилось.

Его рука с силой вцепилась в плечо К-26786 и вырвала из его плоти кремниевый паразита. Швырнув окровавленную пластинку на землю, Джек наступил на нее каблуком сапога, потом снял китель, набросил К-26786 на плечи, и повел его внутрь «Карающего».

– Ничего, – повторил Джек, – мы попробуем. Мы начнем все сначала... мы все... начнем все сначала.

Видение стало меркнуть и таять, и Люси начала подниматься вверх, возвращаясь к реальности, где...

4

Шарлотта никому не рассказала, что пыталась покончить с собой. Да и некому было ей поверять свои горести. Родители ее умерли, когда она была еще совсем крошкой. Тетка, которая вырастила и воспитала бедную сиротку, скончалась от сердечного приступа вскоре после того, как Шарлотте исполнилось семнадцать. Братьев или сестер, равно как и других родственников, у нее не имелось. Так же, как и близких друзей. Следовало признать, она вообще не слишком хорошо сходилась с людьми. С двумя другими девушками, которые работали в цветочном магазине, у Шарлотты были хорошие отношения, но изливать им душу она бы не решилась. Муж ушел, а позволить себе дорогого психоаналитика она не могла. Да и если бы могла – что бы она сказала ему?...

– Я не знаю, почему я хотела покончить с собой, не знаю... не представляю – почему.

Скорей всего, потратив годы и тысячи империалов, они бы докопались до истока ее суицидальных наклонностей, но у Шарлотты не было времени. И, как уже упоминалось, финансовых средств. Но, раз она не умерла, надо было продолжать жить. И работать.

Через неделю Либер опять отправил ее в галерею к леди Милфорд. В два часа пополудни Шарлотта припарковала свой фургончик на подземной парковке. Когда она подошла к подножию величайшего здания Империи, то услышала высоко над головой пронзительный свист. Невольно замедлив шаг, она запрокинула голову. Левый бок здания, словно корсет – талию красавицы, оплетали башенные строительные леса. Наверху вовсю кипели какие-то работы, но монтажники в фирменных спецовках Корпорации все же находили свободную минутку, чтобы заигрывать с проходящими мимо красотками. Завидев Шарлотту, они радостно заулюлюкали и помахали ей, почти польстив своим жеребьячим энтузиазмом.

– Эй, цыпочка! Какие ножки! Прощвырнемся вечерком?

С ума сойти. Куда ни плюнь – липучие, пристающие идиоты. Возможно, ей и впрямь было бы лучше умереть. С такими мрачными мыслями Шарлотта вошла в Копилку. При виде леди Милфорд настроение ее далеко не улучшилось. Судя по блестящим глазам и румяным щекам, Серафина уже успела накачаться Мыслераспылителем.

– Здравствуй... как там тебя...

– Шарлотта.

– Конечно, я помню.

– Спасибо, леди Милфорд, я принесла вам наши новые цветочные каталоги.

– Каталоги? А там есть картинки? – спросила Серафина слегка испуганно.

– Красивые цветные картинки, леди Милфорд, разумеется.

– Здорово, а то я без картинок ничего не соображаю. А шрифт крупный? Ненавижу читать. Нет, ты мне лучше сама все покажи и объясни. Ой, моя бедная голова. Все из-за этого шума. Наверное, когда ты шла сюда, ты видела эти странные высокие штуки вокруг здания...

– Строительные леса?

Серафина надулась и поведала Шарлотте, что этот шум и строительное безобразие продолжается уже почти неделю, из-за чего у нее постоянно раскалывается голова, и пару раз пошла кровь носом. Нет, она не знает, с чем это связано. Папулечка пытался объяснить ей за завтраком, но она пропустила его объяснения мимо ушей. Ее куда больше волновало, что папулечка завел себе любовницу, – в дополнение к тем двум, что у него уже имелись. Впрочем, Серафина тотчас забыла и о муже, и о его гареме, и уткнулась в цветочный каталог.

– А где мой? – наконец, спросила она Шарлотту недовольным тоном.

– Ваш – что, простите?

– Мой снимок. Я полагаю, мой снимок должен быть в каталоге... не правда ли?

– Простите... ваш снимок? Но это цветочный каталог нашего магазина, леди Милфорд.

– И в чем же дело? – недовольно спросила Серафина, решительно не понимая, отчего бы ее шикарному снимку не разместиться в цветочном каталоге.

– Дело в том...

– Да в чем же?

– Да... пожалуй... вы правы... это прекрасная идея, – промямлила Шарлотта.

У Серафины оказалось под рукой несколько ее глянцевых снимков в шикарных нарядах и с болонками на руках, но все показались ей неподходящими, так что она решила съездить домой и подобрать парочку.

– Много времени это не займет, час или два.

– Хорошо, леди Милфорд, в следующий раз я с огромным удовольствием...

– Но я не могу оставить галерею без присмотра, – сказала Серафина и поглядела на Шарлотту вопросительно. Впрочем, вопросительно – не то слово. Скорее, повелительно.

– Вы хотите, чтобы я осталась и присмотрела за галереей, пока вы съездите домой за снимками? О, черт. С кем я разговариваю? Она уже ушла!

Шарлотта была в ужасе. На этой неделе ей предстояло обслужить еще две пышные свадьбы, что означало утомительные часы общения с истеричными, плаксивыми, капризными невестами. Она должна была вернуться в магазин. О, Боже!

Через полтора часа Шарлотта имела возможность убедиться, что управляться с престижной художественной галереей вовсе не такой уж тяжелый труд. Она сумела продать восемь фарфоровых безделушек и одну ужасную абстрактную картину. Положила деньги в кассу. Полила цветы в кабинете Серафины. Потом ощутила сильный голод и заглянула в холодильничек леди Милфорд, персиково-розовый, как сама хозяйка. На полках томились шесть упаковок зеленого салата и девять или десять бутылок минеральной воды. Достаточно, чтобы утолить голод выводка кроликов, но для людей эта пища не годилась.

– Вот влипла!

Вздыхнув, Шарлотта присела в кресло, достала зеркальце и подкрасила ресницы. С досады и от скуки взяла журнал, валявшийся на столе. К ее удивлению оказалось, что это толстый, солидный, финансовый журнал, который так и назывался – «Финансист». От нечего делать Шарлотта пролистала несколько страниц, надеясь разыскать кроссворд, но вместо того обнаружила большую, на целый разворот, статью о лорде Ланкастере. Вряд ли это чтение могло оказаться занимательным. И все же. Он спас ей жизнь...

Журнал поведал ей, что лорду Ланкастеру тридцать один год, из которых десять он счастливо женат на Терезе Джемме Франческе, леди Ланкастер, в девичестве – Майерс, четвертой из пяти дочерей благородного лорда Киллиана Риза-Майерса, владельца сталелитейной империи Ризов-Майерсов. Детей у супругов нет. Леди Ланкастер увлеченно занимается благотворительностью. Вот и все, что было сказано о бедняжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.